

Александр Зиновьев

Катастрожка

Повесть о перестройке в Партграде

ПРОЛОГ

Раньше Партград был закрыт для иностранцев. Для этого были две причины. Первая причина -- в Партграде не было ничего такого, что следовало показывать иностранцам. Было несколько церквей, но они не имели никакой исторической и архитектурной ценности. К тому же все они, кроме одной, самой захудалой, были закрыты. Был старинный монастырь. Но в нем помещался антирелигиозный музей. В Партграде нельзя было найти даже расписной ложки, плошки и матрешки, которые на Западе считаются высшим достижением русской национальной культуры, хотя давно уже изготавливаются в Финляндии. На весь Партград был всего один самовар, да и тот находился в краеведческом музее. Вторая причина, почему Партград был закрыт для иностранцев, заключалась в том, что в нем было много такого, что не следовало показывать иностранцам. Здесь расположены многочисленные военные заводы и училища, химический комбинат, выпускающий не столько стиральный порошок, сколько секретное оружие, микробиологический центр, занятый сверхсекретными исследованиями, психиатрическая больница, имеющая дурную славу в диссидентских кругах. Около города расположены исправительно-трудовые лагеря, тоже известные в кругах диссидентов, атомное предприятие, хотя и предназначенное для мирных целей, однако превратившее целый район в зону повышенной радиации. А главное, что не следовало показывать иностранцам, это убогие жилища, пустые магазины, длинные очереди и прочие атрибуты русского провинциального образа жизни. С началом горбачевской "перестройки" положение изменилось коренным образом. Оно изменилось не в том смысле, что вид страны и жизнь людей

улучшились (они- то как раз ухудшились), а в том смысле, что взгляд высшего руководства на вид страны и жизнь людей ухудшился. Закончился первый период советской истории -- период сокрытия недостатков. Начался новый период- период признания и обнажения недостатков. Причем, недостатки стали обнажать не столько для своих граждан, которые об этих недостатках знали и без указаний начальства, сколько для Запада. Можно сказать, что началась оргия любования своими язвами и хвастовства ими перед Западом. Этот перелом совпал с переломом в отношении к Советскому Союзу на Западе. Там стали интересоваться не тем, что было плохого в советском образе жизни, а тем фактом, что в Советском Союзе официально признали наличие плохого, и именно это признание стали считать самым большим достоинством советского образа жизни. Признание советских властей, что в Советском Союзе дела делаются плохо и люди живут плохо, на Западе истолковали как показатель того, что дела в Советском Союзе идут совсем не плохо и люди живут не так уж плохо. На Западе простили Советскому Союзу все зло, случившееся в нем и из-за него, за признание ничтожной доли этого зла.

Тучи советских людей устремились в западные страны, превознося "перестройку" и заодно приобретая дефицитные в Советском Союзе вещи. На Западе стали сравнивать Горбачева с Петром Великим и приписали ему намерение широко открыть двери на Запад. Горбачевское руководство решило подкрепить этот перелом в общественном мнении Запада, организовав поток западных людей в Советский Союз. С этой целью в ЦК КПСС было принято решение превратить Партград в образцово-показательный с точки зрения хода перестройки город (в маяк перестройки) и открыть его для иностранцев. Произошло это при следующих обстоятельствах.

На высшем уровне

Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев, утомившись от реформаторской деятельности, раньше обычного покинул свой рабочий кабинет в Кремле и уехал на свою подмосковную дачу. Он был не в духе и имел на то серьезные причины. Трудящиеся вместо минеральной воды, которую Михаил Сергеевич советовал пить вместо водки, пили самогон и всякого рода одуряющие жидкости. Снабдить трудящихся минеральной водой оказалось труднее, чем водкой. Конечно, трудящиеся могли бы удовольствоваться водой из водопровода. Она у нас не хуже минеральной. Трудящиеся, однако, этого еще не осознали. Тут явный пробел в идеологическом воспитании. "Тут тоже реформа нужна. Надо ускорить процесс идеологического воспитания. Конечно, в деле коммунистического воспитания мы опередили Запад. Значит, надо ускорить процесс опережения Запада в деле воспитания. Имеет смысл начать переводить трудящихся на систему самовоспитания, подобно тому, как мы переводим предприятия на систему самофинансирования.

Эта идея несколько улучшила настроение Михаила Сергеевича. Но ненадолго. Он вспомнил о том, что производительность труда стала расти на четверть процента медленнее, чем было намечено, и в западной прессе появились намеки на то, что "великие горбачевские реформы находятся под угрозой срыва". Зачем эти данные опубликовали в наших газетах?! И откуда их взяли?! Заставь, как говорится, дураков Богу молиться, так они рады лоб

расшибить. Гласность вещь хорошая. Но надо же и меру знать. Дома Михаила Сергеевича ждала новая неприятность. Любимая супруга Раиса Максимовна, прозванная обожающими ее трудящимися Горбачушкой, категорически заявила, что она хочет в Париж. По Эйфелевой башне соскучилась. По Лувру побродить захотелось. А главное -- годы уходят, ее красота, потрясая весь мир, вянет. Пройдет еще пара лет, и "Ненька", престарелая супруга бывшего президента Рейгана, опять будет считаться первой красавицей мира. Американцы в этом деле далеко пошли, даже египетскую мумию могут в такой вид привести, что на "Мисс Америкой" станет. А уступать "Неньке" первенство по красоте нельзя ни в коем случае. Это будет грубая идеологическая, политическая и даже военная ошибка. А чтобы держать первенство по красоте, Раисе Максимовне надо обновить гардероб в самых модных магазинах Парижа. Михаил Сергеевич и сам был бы рад посетить Париж, чтобы подкрепить репутацию самого сексизбельного мужчины на планете и обладателя самой очаровательной улыбки, -- по крайней мере в смысле улыбок мы догнали и перегнали США. Но выкроить для этого пару дней никак не удавалось. Надо было каждый день проводить какую-нибудь реформу, а то и по две и более. И за соратниками надо в оба смотреть. Стоит чуть-чуть зазеваться, как обвинят в перегибах, недогибах и изгибах. И сбросят. И реформы отменят. И похоронят не в Кремлевской стене, а на Новодевичьем кладбище, где-нибудь рядом с Хрущевым, Вот возьмет Михаил Сергеевич в свои руки всю полноту власти, тогда он всем покажет, где раки зимуют.

Размышляя таким образом, Михаил Сергеевич решил пригласить к себе соседа по даче Петра Степановича Сусликова, недавно избранного в секретари ЦК КПСС и возглавлявшего работу всех советских учреждений по надзору за Западом, по воспитанию его в просоветском духе и по использованию его на благо советского народа. Петр Степанович был не только соратником и единомышленником Михаила Сергеевича, но его личным другом. Так что Михаил Сергеевич попросил Петра Степановича заглянуть к нему на минутку -- поговорить по душам. Пригласил на чашку чая, а не на бутылку водки. Водка в дружеской беседе была бы, конечно, лучше. Но партия объявила непримиримую войну пьянству, И вот выдающиеся партийные руководители вынуждены поэтому во время дружеской беседы довольствоваться самым банальным безалкогольным напитком. Доживи их отцы и деды до этого времени и узнай об этом, они сочли бы это изменой русским национальным традициям и проискама масонов и сионистов.

Как уже было сказано, дачи Михаила Сергеевича и Петра Степановича были расположены рядом. В заборе, разделявшем их, была особая калитка, охраняемая с обеих сторон. Охранник, стоявший на территории дачи Петра Степановича, отдал ему честь и дыхнул на него водочным перегаром. Петр Степанович отметил про себя, что тот пил "Столичную". Охранник на территории дачи Михаила Сергеевича тоже отдал честь Петру Степановичу и дыхнул на него водочным перегаром, который напомнил ему "Зубровку". Петра Степановича охватили ностальгические воспоминания о тех временах, когда и они, партийные руководители, "тоже жили по-человечески". Но он взял себя в руки и проследовал в кабинет Михаила Сергеевича.

Разговор по душам

Домашняя работница, точная копия домашней работницы Сусликова (их штампуют что ли в КГБ?!) принесла чай. Петр Степанович, до последнего мгновения надевавшийся, что слово "чай" есть лишь условное обозначение чего-то более серьезного, несколько приуныл. Но виду не подал (партийная выучка!) и реагировал на чай с энтузиазмом поборника трезвой генеральной линии партии. Разговор пошел, естественно, о внутренних трудностях проведения упомянутой линии. Посетовали на то, что пьяницы и бюрократы суют палки в колеса изнутри. Поговорили о внешних трудностях. Посетовали на то, что западные империалисты суют палки в колеса извне. Поговорили о недостатках. Поговорили об успехах. Перешли на ведомство Петра Степановича. Михаил Сергеевич сказал, что на него возлагается особо важная задача. Общественное мнение на Западе -- великая сила. А средства массовой информации там вообще суть настоящая власть. Надо их заставить служить нам. Тут нужна особая гибкость. В наше время в коммунистические сказки мало кто верит. Надо дать понять западным обывателям, что и мы в них не очень-то верим, что и мы теперь ко всему подходим практически, можно сказать, прагматически. Они это любят. Подумают, что и мы такие же, как они. И нам это надо использовать.

Петр Степанович с вниманием слушал словоизлияния Михаила Сергеевича, помешивая ложечкой в чашке остывшего чая. Михаил Сергеевич вошел в настроение и говорил, наслаждаясь потоком своих мыслей и задушевым голосом. Заговорили о гласности. -- Странно получается, Петр Степанович! Раньше у нас недостатки замазывали, а успехи раздували. Теперь же -- наоборот. Теперь мы стыдимся об успехах говорить, а недостатки раздуваем сверх меры. А ведь поленински понятая гласность означает, что людям надо всю правду говорить, не скрывая не только недостатки, но и достижения. -- Очень верная и свежая мысль, Михаил Сергеевич, -- с энтузиазмом согласился Петр Степанович, отхлебнув глоточек чая и поперхнувшись с непривычки к безалкогольным напиткам. Очень и очень важная! -- Так вот, я и думаю: пусть иностранцы побольше и почаще приезжают к нам и сами смотрят, как мы живем, как боремся с недостатками и добиваемся успехов. Посмотрят своими глазами, вернутся домой -- расскажут, что сами увидели. Это будет серьезная поддержка нам на мировой арене. -- Очень верная и свежая мысль, Михаил Сергеевич! У меня давно была задумка организовать большие делегации из представителей различных слоев населения западных стран в нашу страну. Но показывать им не церкви, музеи и балет, а нашу повседневную жизнь. Пусть осмотрят наш, советский образ жизни! Конечно, у нас есть что критиковать. Но у нас есть и многое такое, чему западные люди позавидовать могут. Например, у нас нет безработицы. Террористов нет. Петр Степанович не заметил того, что говоря о том, что "у нас есть", он перечислял то, чего "у нас нет". Не заметил этого и Михаил Сергеевич, смолоду привыкший к такого рода перлам партийного красноречия. -- Надо выбрать какую-то область, где перестройка идет успешнее всего, и превратить ее в образцово-показательную, можно сказать -- в маяк демократизации, -- продолжал Петр Степанович. -- Мы должны такие маяки использовать как орудия революционных преобразований, осуществляемых под Вашим руководством. На Западе, Михаил Сергеевич, Вас сравнивают с Петром

Великим, прорубившим окно в Европу. Я думаю, что они Вашу роль преуменьшают. Вы прорубаете не окно, а двери на Запад. Даже не двери, а ворота! А еще точнее говоря- стену проламываете. Можно сказать, ломаете Китайскую стену, отделявшую...-- Одобряю задумку, Петр Степанович, -- прервал сусликовские дифирамбы Михаил Сергеевич, делавший вид, будто он не тщеславен. -- Насчет Китайской стены слишком сильно сказано. Но двери в Европу -- это, пожалуй, верно. Для начала двери. А потом мы и всю стену проломим. Надо маяки демократии превратить в такие двери на Запад, объявив их свободными зонами. Пусть иностранцы через эти двери едут к нам и своими глазами смотрят нашу революцию. С какой области начнем, как ты думаешь?

Комментарий

Прочитав эти страницы, читатель воскликнет: все это злой вымысел! Согласен, это действительно вымысел. Но не злой, а добрый. Я лично знал Сусликова. Знал, можно сказать, с пеленок. Выше я допустил две неточности в его описании. Но они не ухудшают, а идеализируют его. Первая неточность: Петр Степанович на самом деле не пил чая, тем более -- вместо водки. Он всегда пил водку вместо чая. И от этой привычки его не избавил и период Великой Трезвости. Вторая неточность: Сусликов за всю свою сознательную жизнь не произнес ни одной грамматически правильной фразы. И дело тут не в некоей необразованности. Сусликов имел за плечами высшее образование, и не одно, а два, если считать Высшую Партийную Школу при ЦК КПСС (ВПШ) за таковое. Говорить грамматически неправильно есть качество профессионального партийного работника.

Выбор маяка перестройки

Сусликов предложил в качестве маяка перестройки Партградскую область, в которой он сам прошел путь от рядового сперматозоида до первого секретаря областного комитета партии. При этом он умолчал о том, что еще совсем недавно Партградская область была упомянута в передовой статье "Правды" в числе тех, где еще не включились со всей серьезностью в перестройку. В число таких областей могла быть включена любая другая. Партградскую область выбрали для того, чтобы дискредитировать и снять с поста первого секретаря обкома партии брежневца Жидкова и назначить на его место горбачевца Крутова. Промолчал об этом и Михаил Сергеевич, поскольку поставил своего человека в Партграде. Предлагая теперь Партградскую область в качестве маяка перестройки, Петр Степанович выдвинул следующие аргументы. Область находилась в самой глубине России и на Западе считалась символом русской отсталости и провинциализма. Когда иностранцы увидят в Партграде все признаки современной городской жизни, они будут ошеломлены. Кроме того, до последнего времени Партград был закрыт для иностранцев. Теперь этот запрет будет, очевидно, отменен. И иностранцы потоком хлынут в бывший сверхсекретный советский город, в котором, по слухам, делалось самое современное атомное, химическое, биологическое и генетическое оружие. Это

рассекречивание даст дополнительный пропагандистский эффект. Но главная причина, почему Петр Степанович предложил именно Партград, заключалась в том, что он надеялся получиться вторую Золотую Звезду "Героя социалистического труда", и его бронзовый бюст на гранитном пьедестале будет установлен на его Родине -- в Партграде. Это внесет свою лепту в его мировую славу. Иностранцам наверняка будут показывать монумент Сусликова и рассказывать о его жизненном пути, И кто знает, может быть со временем Партград переименуют в Сусликовград... -- Не будем откладывать дело в долгий ящик, -- сказал Михаил Сергеевич, -- Иначе наши консерваторы и бюрократы загубят наше ценное начинание. Если какие трудности встретятся, обращайся прямо ко мне. Следовало бы за это выпить что-либо более серьезное, чем чай. Ну, да ты сам понимаешь... -- Понимаю, Михаил Сергеевич. Вот одолеем пьянство и проломим стену на Запад, тогда мы эту историческую победу отпразднуем не чаем, а чем-нибудь покрепче! На том великие исторические деятели расстались. Что они потом пили в одиночестве, это навечно останется загадкой для истории. Зато последствия этой их трезвой встречи для той же самой истории вскоре обнаружились с полной очевидностью.

Вещий сон

Сусликову приснился вещий сон. Ему привиделся его родной Партград. Город он узнал не сразу. Он увидел нагромождение небоскребов из стекла и стали с роскошными витринами магазинов. Витрины были заполнены джинсами, жевательной резинкой, дубленками, компьютерами, кожаными пиджаками и прочими заграничными вещичками. В небе горели гигантские буквы: Суслик-Йорк. Вдалеке, там где должна была выситься статуя Свободы, виднелся монумент самого Сусликова. Только по перерытым улицам, по длинным очередям и по валявшимся на тротуарах пьяным Сусликов узнал бывший Партград. В центре города зияла черная дыра. -- Что это за дыра? -- спросил Сусликов. -- Великая Дыра в Европу, -- ответил внутренний голос. Через нее трудящиеся ходят на Запад за заграничными вещичками. -- А зачем ходить на Запад за заграничными вещичками, если они имеются в изобилии в самом Суслик-Йорке? Они имеются тут в витринах, но не в магазинах. Тут тебе все-таки не капитализм, а социализм. Кроме того, наши люди ходят за заграничными вещичками на Запад для того, чтобы этих вещичек не оставалось на Западе. Пусть западные люди сами просят к нам, чтобы приобретать у нас свои заграничные вещички. -- Но ведь Запад закрывает для наших людей границы, визы давать не будет! Они же там не совсем еще сдурели! -- Запад пробовал было ограничить въезд наших людей. А мы в ответ вопрос ребром поставили; а где же ваша хваленая демократия?! А как же насчет прав человека?! Они испугались, что о них плохо подумают, и открыли границы для наших людей. -- А почему не видно портретов Горбачева? -- Его скинули. -- За что? -- За то, что слишком узкую дверь открыл на Запад. Танки через нее не проходили, ракеты застревали. К тому же Горбачушка стражу у двери установила, которая жен других членов Политбюро на Запад не пускала. Себе все заграбастать хотела. Вот они и настропалили своих мужей, чтобы те Горбачеву под зад коленкой дали.

-- А кого вместо него поставили?
-- Сусликова, конечно. Больше некого было. Он-то и проломил дыру в Европу. Хотел было всю стену проломить, но ему помешали.
-- Почему?
-- А потому что западное тлетворное влияние хлынуло бы к нам с такой силой, что остановить его было бы невозможно.
-- А зачем останавливать?!
-- Если не остановить, то произойдет вот что. Тут мощная коленка ЦК КПСС ударила Сусликова под зад, и он полетел в дыру на Запад. И Суслик-Йорк рассыпался в прах.

Комментарий

Читатель опять-таки может усомниться в правдивости только что описанного сна. Откуда, спрашивается, известно, что именно Сусликов видел во сне? Есть, по крайней мере, два достоверных источника для этого. Первый из них -- рассказы самих сновидцев. Когда Сусликов учился в ВПШ, он довольно часто принимал участие в попойках околоцековской интеллектуальной элиты. Обычно он помалкивал, руководствуясь правилом: молчи, дурак, умнее будешь. А когда он раскрывал рот, чтобы заявить о своем существовании, то рассказывал о своих сновидениях. Больше ему говорить было не о чем. Второй достоверный источник сведений о снах Сусликова и ему подобных -- их речи, состоящие в основном из того, что в народе принято называть бредом сивой кобылы. А откуда, спрашивается, этот бред берется, если не из бредовых сновидений?!

Совещание в ЦК КПСС

Для Сусликова операция по превращению Партграда в маяк перестройки и демократизации была первой операцией большого масштаба в его положении секретаря ЦК, и он решил показать пример нового стиля мышления и работы. На другой же день он назначил совещание. -- В том мероприятии, которое нам поручено осуществить, сказал Петр Степанович, открывая совещание, -- надо различать внутренний и внешний аспекты. С точки зрения внутреннего аспекта наша задача состоит в том, чтобы превратить Партград в образец перестройки, который станет маяком для всей страны. Это означает, что перестройку там надо провести так, чтобы в результате ее наш коммунистический социальный строй стал еще крепче, чем раньше. Я думаю, что вы не первый год в партии, понимаете, что именно я имею в виду. Ни для кого не секрет, что в последние годы мы несколько ослабили политико-воспитательную работу и распустили вожжи. Этим воспользовались всякого рода безответственные лица, подпавшие под тлетворное влияние Запада. Надо этим лицам дать понять, что мы не допустим подрыва основ нашего общественного устройства. Мы многое можем позволить. Но всему есть предел. Перестройка только тогда будет успешной, когда в ходе ее мы сумеем укрепить основы нашего общества и веру в наши идеалы. -- С точки зрения внешнеполитической, -- продолжал Петр Степанович,

-- наша задача состоит в том, чтобы на конкретных примерах показать западным людям сущность и ход нашей перестройки. Западные люди в идейно-политическом отношении являются недоразвитыми. Им головы забили сексом, порнографией, насилием и погоней за прибылью. Им все надо разъяснять буквально на пальцах. Мы, товарищи, теперь начали жить по-новому. Нам ничего скрывать не надо. Недостатки замазывать не следует, но и успехи таить не надо. Пусть иностранцы посмотрят учреждение, где процветает бюрократизм и коррупция, и учреждение, где эти пережитки прошлого уже преодолены. Пусть на живого взяточника поглядят. Можно и суд над ним показать. Западные люди любят такие зрелища. Покажем им, что у нас теперь свободы слова не меньше, чем у них. Пусть они встречаются, с кем хотят. Пусть разговаривают, о чем хотят. Никаких ограничений! Но мы не должны это пускать на самотек, Мы должны провести воспитательную работу с населением, чтобы наши люди прониклись чувством ответственности и проявили себя как политически зрелые граждане нашего социалистического отечества. -- На данном этапе нашего развития, -- закончил свою речь товарищ Сусликов, -- нам чрезвычайно важны дружеские отношения с Западом. С его помощью мы быстрее и лучше преодолеем временно возникшие трудности. Вот с этой целью мы и решили превратить Партград в орудие нашей внешней политики. На совещании создали особую комиссию, в задачу которой вменили оказать помощь партградскому руководству в деле подготовки города и области на роль маяка перестройки. Во главе комиссии поставили товарища Кобытова, ближайшего помощника Сусликова.

Совещание в КГБ

Одновременно состоялось совещание в КГБ. Товарищ Пыжиков, один из заместителей председателя КГБ, начал свою речь с того, что рассказал подчиненным популярную в городе пародию на послание Пушкина декабристам: "Товарищ, верь, пройдет она, так называемая гласность. И вот тогда госбезопасность припомнит наши имена". -- Вы видите, товарищи, -- сделал вывод из этой шутки товарищ Пыжиков, -- что наш народ по-прежнему любит и уважает нас. Но вместе с тем, перестройка обязывает нас усовершенствовать методы нашей работы, проявить гибкость, творчески переосмыслить наш опыт. На совещании обсудили следующие вопросы: состав западных туристических групп и делегаций, участие в них агентов западных разведок, внедрение в них наших людей, вербовка иностранцев в нашу разведку, контроль за иностранцами, общение иностранцев с советскими гражданами, помощь партградскому управлению КГБ и милиции кадрами, техникой, информацией. Острая дискуссия возникла по второму вопросу. Одна половина участников совещания ("либералы") настаивала на том, что лишь половина иностранцев будет агентами западных секретных служб, а другая половина ("консерваторы") -- что все сто процентов. Победили "консерваторы". Но при обсуждении третьего вопроса столкнулись с затруднением: если мы внедрим наших людей в группы иностранцев уже на Западе или завербуем кого-то из иностранцев в нашу разведку, то нельзя будет считать все сто процентов иностранцев агентами западных секретных служб. -- Противоречие тут кажущееся, -- сказал товарищ

Пыжиков по этому поводу. -- Вы рассуждаете метафизически, т.е. по принципу "Либо, либо". Что вы думаете, если человек служит одной разведке, то он не служит другой? Надо рассуждать диалектически, как нас учил Ленин, т. е. по принципу "И". Наши люди могут быть агентами западных разведок. Мы им не запрещаем. Даже рекомендуем. А западных шпионов перевербовать на нашу сторону -- тут никаких трудностей нет. От них даже отбиваться приходится. Еще товарищ Андропов нас учил: вот когда руководители западных разведок будут приезжать к нам на Лубянку отчитываться о проделанной работе, мы можем спать спокойно.

Откровенный разговор

Перед отбытием комиссии в Партград Сусликов имел конфиденциальную беседу с Кобыловым. В весьма туманных и двусмысленных выражениях Сусликов высказал идеи, смысл которых Кобылов понял так.

Легко судить об ошибках прошлого руководства. А ты попробуй избежать их, когда приходится принимать решения исторического масштаба, и при этом все академии мира вместе взятые не могут с уверенностью предсказать ход событий хотя бы на ближайшие десять лет. Перед тем, как пойти на радикальный поворот в нашей политической стратегии, мы должны были дать ясный ответ по крайней мере на такие вопросы: 1) сможем ли своими силами, без помощи Запада, преодолеть наши трудности или нет, 2) способны ли защитить себя с имеющимся у нас оружием или нет, 3) наступит ли в ближайшие годы экономический спад на Западе или нет? По всем трем вопросам мы пришли к отрицательным выводам. Поэтому мы пошли на перестройку.

Мы пошли на перестройку не от хорошей жизни. Это -- отступление, вынужденное неблагоприятными обстоятельствами. Чтобы преодолеть трудности, назревшие в стране в застойный период, мы не могли действовать старыми, привычными методами. На Западе это произвело бы плохое впечатление. А без помощи Запада нам не выкарабкаться. Да и наши люди нас не поддержали бы. Люди устали, озлобились. Пришлось кое в чем сделать вид, будто мы перестраиваем страну на западный манер, а кое в чем на самом деле пришлось пойти по этому пути.

Но время вносит свои коррективы в наши расчеты. Теперь нам становится все более ясным, что мы не получим от Запада помощь в тех размерах, на какие мы надеялись. К тому же Запад вместе со своей помощью навязывает нам свои формы жизни, пагубные для нашего общества. Оборонную мощь Запада мы переоценили. И с наличным вооружением мы остаемся смертельно опасным противником для Запада, по крайней мере, в ближайшее десятилетие.

Мы зашли слишком далеко. Перестройка породила непредвиденные последствия, угрожающие основам нашего социального строя. Ее минусы уже теперь очевидны, тогда как обещанные плюсы сомнительны. Если дело и дальше так пойдет, партия потеряет кредит доверия в массах населения. Получится то, что сейчас можно видеть в Польше. А главное -- преодолеть кризисное состояние без использования наших собственных методов мы не можем, какой бы не была помощь Запада. Китай дает на этот счет убедительный пример.

Какой из всего этого следует вывод? Я думаю, Вы сами догадываетесь:

продолжать прежний курс -- значит катиться к катастрофе. Надо готовиться к повороту. Но по-умному, чтобы комар носа не подточил. Внешне все пусть выглядит как нарастание темпов и силы перестройки. Побольше шуму в прессе. Для Запада главное не то, что мы делаем, а то что мы говорим. Пусть все болтают все, что хотят. Чем еретичнее слова, тем лучше. Надо дать людям возможность договориться до абсурда, чтобы они сами почувствовали, чем может 'кончиться их свобода. Надо на первый план выдвигать Советы. Мол, они теперь суть высшая власть. Ответственность за все на них постепенно перелгать. Пусть в парламентаризм поиграют. А мы, партийный аппарат, должны отойти на время в тень и готовить силы для нового поворота, к остановке отступления и к новой атаке. Надо потихоньку укреплять партийный аппарат надежными кадрами. Пусть КГБ тоже отойдет на задний план. Пусть милиция занимается общественным порядком. В печати пусть критикуют КГБ. Пусть требуют сокращения и даже роспуска. На деле же надо усилить КГБ новыми кадрами. И численно увеличить. Кто это проверит?! И кто в это поверит, если слухи пойдут?! В печати подчеркивать, что милиция есть орган Советов. Пусть недовольство на них направляется. А КГБ должно наблюдать и все запominать. Мы ничего не забудем и не простим. Надо исподволь готовить недовольство населения заимствованием западных форм жизни. Создавать неформальные объединения и движения за верность идеалам коммунизма. В печати надо начать давать информацию об отрицательных последствиях перестройки. Не броско. В виде писем трудящихся. В виде критики перегибов. Особое внимание обратить на молодежь, на школьников и студентов. Это им придется решать судьбу страны. А мы отвечаем за то, в каком направлении она пойдет, Все нужно делать без спешки, спокойно, уверенно, без ажиотажа. Подготовку Партграда к открытию для иностранцев надо использовать как средство для этого.

Мысли Кобытова

Кобытов как старый аппаратчик понимал, что Сусликов не мог так говорить на свой страх и риск. Он выражал умонастроения каких-то сил в аппарате власти. Но каких именно? Или это компромиссный сговор? Неявный, молчаливый, но сговор. Кобытов догадывался, что сейчас вообще ни у кого определенности нет, все выжидают, идет скрытое брожение умов, в котором еще только должны выкристаллизоваться более или менее ясные идеи, намерения и решения. Ему, Кобытову, предоставляется свобода самому определить свою позицию. Если бы его власть, он вообще не допустил бы перестройку. Разоблачение сталинизма в хрущевские годы было грубой ошибкой. Перестройка -- еще более серьезная ошибка. Может быть даже непоправимая. Если теперь эту ошибку не исправить, дело может кончиться катастрофой. Короче говоря, как преданный идеалам коммунизма член партии, как старый аппаратчик, как русский патриот он, Кобытов, будет поступать так, как подсказывает его совесть.

Комментарий

Слово "совесть" тут употреблено всуе, так как никакой совести у Кобытова никогда не было. Утверждение насчет свободы самому определять свою позицию может показаться преувеличением. Как на такое осмелится какой-то безвестный Кобытов, если сам великий Суликов на это не может пойти?! Именно потому, что он есть безвестный помощник великого человека. Мысли и волю суликовых формируют именно кобытовы.

Эмиссары революции

Члены комиссии на другой же день вылетели в Партград, случай в советской истории беспрецедентный. В брежневские годы на это потребовалось бы несколько месяцев всяческих совещаний, после которых комиссия в полном составе совместно с домочадцами улетела бы отдыхать в Крым или на Кавказ. И в самом деле, зачем лететь в какой-то Партград, если заранее всем известно, что эти "маяки" суть сплошная липа. Они и изобретаются для того, чтобы пыль в глаза пускать как своим, так и чужим. А липу у нас и без московских комиссий хорошо делать умеют, Так думали бы брежневские бюрократы и консерваторы. Но горбачевские новаторы и инициаторы думали по-новому. Они решили выполнить порученную миссию на самом высоком перестроечном уровне. Пока московская комиссия добирается до Партграда, будет небесполезно познакомиться с прошлым города и с той ситуацией, какая сложилась там к моменту прибытия комиссии. Выражаясь языком высокой философии, Партград до недавнего времени вообще не жил исторической жизнью. Он где-то и как-то существовал, в нем что-то происходило, но все это не стоило того, чтобы называться историей. И даже не то, чтобы не стоило, а скорее то, что считалось нестоящим. В Партграде можно было открыть Америку или атом, изобрести велосипед или даже автомобиль, но человечество все равно не обратило бы на это внимания; И сами партградцы знали это лучше других. Они считали, что у них и с ними не могло быть ничего такого, что стоило бы даже их собственного внимания. Даже открыв Америку или изобретя автомобиль, они сочли бы это пустяком в сравнении с изобретением приборчика для прокалывания яичной скорлупы в жившей исторической жизнью Германии. И все же в Партграде имело место какое-то течение событий во времени, можно сказать -- своя историйка или историшка.

Происхождение названия

Первоначальное название Партграда было Князев. Первые упоминания о Князеве встречаются уже в самых древних русских летописях. Согласно последним, Киевский князь Олег, направляясь с дружиной против хазар, несколько дней отдыхал в некоем "граде", который после этого стали называть Князевым. Возвращаясь из победоносного похода, Олег вновь посетил Князев. Там его укусила Бог весть откуда взявшаяся змея. От ее укуса Олег и умер. В

краеведческом музее Партграда на самом видном месте висит картина местного художника, на коей князь Олег изображен в тот самый момент, когда его укусила змея. Картина написана по мотивам знаменитого стихотворения А.С. Пушкина "Песнь о вещем Олеге".

Некоторые прогрессивные советские историки отвергают гипотезу насчет смерти Олега в Князеве на том основании, что в Партградской области вообще не водятся змеи. А главное -- змея не могла укусить Олега, так как он был одет в железные латы. Но сторонники змеиной гипотезы, в свою очередь, опровергают аргументы противников следующими контраргументами. Во-первых, в те времена никаких областей еще не было. Во-вторых, климат тогда был мягче, и змеи водились даже севернее Москвы. В-третьих, змею могли подбросить враги Олега. А что касается железных штанов, то змея могла подкараулить князя в тот монумент, когда он спустил железные штаны, справляя естественную нужду. Жители соседних с Партградом городов считают, что князя Олега змея укусила не в Партграде, а у них. Во Франции несколько населенных пунктов спорят относительно родины д'Артаньяна, а в Испании -- относительно родины Дон Кихота. В России же, как видите, спорят насчет того места, где змея укусила легендарного князя Олега. Чувствуете разницу? Между прочим, и насчет места, где удушили бывшую царицу Марью, тоже идет спор между многими русскими городами. В связи с этим произошел один забавный курьез. Бывшего второго секретаря (т.е. секретаря по идеологии) городского комитета назначили деканом исторического факультета университета. Выступая на заседании ученого совета по упомянутой проблеме, он сказал, что "все большее число населенных пунктов области включается в социалистическое соревнование за звание города, в котором произошло укушение князя Олега змеем и удушение бывшей царицы Марьи". При Горбачеве этого партийного работника вновь выдвинули на партийную работу, причем -- с повышением, т.е. уже на областной уровень. Выдвинули как выдающегося ученого с целью повысить интеллектуальный уровень руководства.

Во времена Ивана Грозного Князев переименовали в Царев, поскольку Великий Князь Московский получил титул Царя. После Октябрьской революции 1917 года город был переименован в Троцкий. В двадцатые годы Сталин начал борьбу против культа личности Троцкого, и город назвали именем героя Гражданской войны Тухачевского. После расстрела Тухачевского как врага народа городу присвоили имя соратника Сталина Ежова. После ликвидации последнего, Сталин назвал город своим именем, Джугашвилиград. После смерти Сталина городу присвоили имя Гражданск. Но это название удержалось всего несколько лет: город назвали именем самого Хрущева. После падения Хрущева город некоторое время вообще был без названия. Брежнев настоял на том, чтобы город назвали именем его фронтового друга маршала И.С. Рукосуева, раненного в конце войны шальной пулей и умершего в госпитале в этом городе. В конце правления Брежнева город по непонятным причинам и как-то незаметно переименовали в Брежневск. Андропов, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, велел назвать город в честь партии его теперешним именем -- Партград, полагая, что это будет естественным продолжением старинной русской традиции. Трудно предсказать, как долго продержится это название. Партградские подхалимы Горбачева вроде бы обратились в Москву с просьбой переименовать город в Горбачевск, Но им ответили, что для Горбачева зарезервирован Ставрополь. Скорее всего город будет назван именем Сусликова, который прошел

в Партграде путь от рядового сперматозоида до Первого секретаря Областного комитета партии. (Сейчас Сусликов -- секретарь ЦК КПСС, скоро будет членом Политбюро). Так что он имеет полное право на город своего имени.

Предыстория Партграда

На территории Партграда никогда не производились археологические раскопки. Однако именно здесь были сделаны самые сенсационные открытия в советской археологии. Произошло это при следующих обстоятельствах. Еще в тридцатые годы в городе сломали главный собор, намереваясь на его месте воздвигнуть (по примеру Москвы) величественное здание, в котором должны были разместиться партийные и правительственные учреждения области. Выкопали глубокий котлован для фундамента. Но потом стройку забросили по тем же причинам, по каким на месте сломанного храма в Москве сделали не Дворец Советов, а бассейн. Когда (уже после войны) стали расчищать котлован без всякого намерения или с намерением просто построить глубокую яму, то обнаружили скелет доисторического человека. Ученые установили, что скелет принадлежит самому древнему человекообразному существу на Земле. Его назвали партопитеком. Партопитек имел приплюснутый череп, немногим превосходящий череп шимпанзе. Передвигался он на четырех конечностях, лишь иногда вставая на задние конечности. Ученые сделали вывод, что человек в Партградской области "возник спонтанно, из местных животнорастительных ресурсов" (как сообщали газеты), причем произошло это значительно раньше, чем в Лондоне, Париже, Риме и тем более Нью-Йорке,

Старики, однако, утверждали, что скелет принадлежал известному в городе до войны пьянице, который действительно имел приплюснутый от частых побоев и падений череп передвигался обычно ползком от одной питейной точки до другой и вставал на задние конечности только для того, чтобы дотянуться до стойки, за водкой или пивом. Этот пропойца якобы свалился в котлован в состоянии сильного перепития, где его засосало в грязь. В доказательство своих утверждений старики ссылались на то, что у партопитека были запломбированные зубы, и около него нашли значок " Ворошиловский стрелок". Но так как заявления стариков не соответствовали тогдашней установке высшего руководства на приоритет России во всем, включая процесс превращения обезьяны в человека, то стариков посадили в лагерь строгого режима за клевету на советский общественный строй. Старикам повезло в том отношении, что лагерь находился на территории области, и они закончили свой жизненный путь, можно сказать, дома.

Потом строители ямы нашли кусочки бересты с непонятными письменами. Ученые расшифровали письмена и выяснили, что письменность на территории Партграда возникла задолго до Древней Греции и даже Египта. Первыми словами предков жителей Партграда были ругательства, которые теперь так полюбили советские интеллектуалы и знатоки советского общества на Западе, изучающие русский язык по словарям нецензурных выражений. Прогрессивные советские лингвисты (структуралисты) развили на основе партградского открытия целую теорию, согласно которой русский мат является самым древним праязыком в истории человечества. Особо прогрессивные ученые пошли еще дальше в своих

дерзаниях: они обнаружили зачатки мата уже у партградских коров, овец и даже кур. Но так как эти идеи поставили под сомнение тезис марксизма о происхождении человека от обезьяны, их авторов раскритиковали в местной печати и направили на лечение в местную психиатрическую больницу.

Писаная история Партграда

Как уже было сказано, первые сведения о Партграде встречаются в самых древних русских летописях, Но затем никаких упоминаний о нем в исторических документах не было. Лишь недавно партградские ученые открыли, что в Партграде не прекращалась богатая событиями жизнь и в те годы, о которых ровным счетом ничего не известно. В частности, в связи с тысячелетием крещения Руси выяснилось, что партградцы крестились на две недели раньше, чем киевляне. Киевский князь Владимир колебался, принимать христианство или мусульманство, -- он не знал, какая между ними разница. Узнав, что партградцы приняли христианство, он возмутился таким нахальством и присвоил приоритет себе.

В Партграде крещение осуществил легендарный князь Игорь, внук легендарного Олега, укушенного легендарной змеей. Согласно газетам, этот Игорь был реформатором вроде Горбачева. Благодаря его реформам Партград поднялся на уровень высших мировых достижений тех времен. Поскольку тогда вершиной прогресса был феодализм, то перед Партградом стояла задача догнать передовые феодальные страны в экономическом, политическом и культурном отношении. На дворце князя красовался лозунг: "Да здравствует феодализм -- светлое будущее всего человечества! ". А на первом христианском храме водрузили лозунг: "Вперед к победе крепостничества! ". Были учреждены устные глашатаи, которые ходили по городу и выкрикивали информацию о событиях в мире и в Партграде, приложив для усиления звука ладони рупором ко рту. Тогда-то впервые в мировой истории появилось слово "гласность". Его образовали от слова "голосить", означавшего истошные вопли, от которых даже мертвые ворочались в гробах. Князь Игорь задолго до Петра Великого задумал прорубить окно в Европу. Но он еще не знал, где эта Европа находится, и прорубил его не в ту сторону, а именно -- в Азию. Партград в результате погрузился во мрак и тьму. И застойный период там продолжался вплоть до Горбачева.

Во время татаро-монгольского нашествия монголы (или татары?) обошли Партградскую область стороной. Только один раз отряд монголо-татар показался на том берегу речки, отделявшей не столько Партград от внешнего мира, сколько внешний мир от Партграда. Жители города открыли ворота (это -- фигуральное выражение, так как никаких ворот в городе вообще не было), дружно наложили в штаны (тоже фигуральное выражение, так как жители Партграда тогда еще не носили штаны) и вынесли огромного размера хлеб-соль, приготовившись к безоговорочной капитуляции. Но татаро-монголы, устранившись от зловония, исходившего из города, и приняв хлеб-соль за Троянского коня, ускакали прочь. В результате Партградскому князю Пустославу пришлось целый год обивать пороги в Золотой Орде с просьбой принять дань от области. Говорят, что именно тогда возникла исконно русская идея выплачивать

пятилетнюю дань в четыре года. Выражение "обивать пороги" употреблено здесь исключительно из эстетических соображений, так как у татар и монгол никаких порогов вообще не было.

Во времена смуты начала семнадцатого века отряд Лже-Лже-Лже-Дмитрия по ошибке забрел на окраину Партграда. Но неизвестный крестьянин отвел поляков подальше от греха в соседнюю область и передал их с рук на руки Ивану Сусанину. Потом этот крестьянин, узнав, что про Сусанина сочинили оперу, горько сожалел о том, что не завел поляков в трясину сам. Но было уже поздно. Поляки завязли в трясине социализма по уши независимо от Партграда. И даже Римский Папа, назначенный американцами из поляков в надежде на то, что он вернет Польшу в лоно западной цивилизации, примирился с этим историческим фактом.

До Петра Великого партградцы ходили без штанов. Петр приказал покончить с этим варварством и прислал в Партград иностранцев в качестве образца для подражания. Партградцы иностранцев прогнали, сняв с них штаны и насыпав по голым задкам по сто ударов хворостиной. Петр рассвирепел и погрозился отрезать у тех, кто будет ходить без штанов, половые органы. Партградцы покорились великому реформатору, стали носить домотканые порты, не снимая их даже тогда, когда справляли естественную нужду.

Нашествие французов в 1812 году тоже не коснулось Партграда. Историки до сих пор ломают голову над тем, почему Наполеон бежал из Москвы тем же путем, каким пришел в нее, и строят остроумные гипотезы. Если бы они знали о существовании Партграда, надобность в таких гипотезах отпала бы. Французы просто панически боялись того, что, свернув с привычного пути, они попадут в Партградскую область (тогда -- губернию), где их засосет трясина, и они бесследно исчезнут со страниц истории. До них доходили слухи, будто партградцы питаются сушеными тараканами, давят клопов и пьют их кровь. И это еще более усиливало страх иноземных захватчиков перед неведомой Россией. Все великие события русской истории вообще обходили Партградскую область как-то стороной или глохли в ней бесследно. В других областях происходили крестьянские бунты, а в Партграде в ответ на это производились всеобщие порки населения. Впрочем, людей тут пороли и без этого. Пороли на всякий случай, чтобы "неповадно было", по традиции. Когда наступали "либеральные" периоды, и порки откладывались или ослаблялись, население области само проявляло инициативу. Мужики спускали драные штаны, бабы задирали драные юбки, и все лупили друг друга по тощим задкам хворостиной, которая в изобилии водилась в области.

Комментарий

Читатель, если ты расценишь изложенный очерк предреволюционной истории Партграда как сатиру в духе Салтыкова-Щедрина, ты совершишь грубую ошибку. В этом очерке нет ничего сатирического. Есть лишь некоторое упрощение, неизбежное во всяком кратком описании огромной истории. В свое время мне довелось читать курс лекций в Партградском университете. Там я познакомился с местным историком. Он пичкал меня отрывками из своего многотомного труда по дореволюционной истории города и области. Он произвел самые дотошные

расчеты с целью показать грандиозность исторического процесса в данной точке планеты. У меня волосы встали дыбом на голове, когда я прочитал, сколько каши и шей сожрали партградцы с момента зарождения человека в этих краях до Октябрьской революции, сколько они износили лаптей и зипунов, сколько экскрементов исторгли из себя в окружающую среду. Если бы не исторические ураганы, уносившие миллионы людей и вынуждавшие уцелевших поглощать отбросы, одна только Партградская область загадила бы всю планету настолько, что не только Горбачев, но даже Рейган, Тетчер, Миттеран, Коль и прочие политические деятели Запада совместно не смогли бы прорубить окно даже в Азию, а не то что в Европу. И никакой сатиры в сочинении того историка не было. Не было никаких преувеличений, искажений и приукрашиваний. Была лишь голая правда. Тогда я сказал себе: избави меня, Боже, от зрелища голой правды!

Революция в Партграде

Хотя идеи коммунизма были изобретены в самом центре цивилизации, на Западе, реальное коммунистическое общество впервые появилось на ее периферии -- в России. Поговорить о коммунистическом земном рае западные люди еще могут себе позволить иногда, но жить в этом раю они предоставляют народам внеисторическим, русским в первую очередь. Последние привыкли жить по-свински.

Хотя социалистическая революция произошла в столице Российской империи, родившееся в ее результате новое общество достигло зрелости прежде всего в русской провинции вроде Партградской области. И это произошло тоже не случайно. Социалистическое (или коммунистическое) общество оказалось на практике обществом провинциальным по существу.

Никаких революционеров в Партграде до революции вообще не было. Не было и большевиков. Советскую власть в области установили сами эксплуататорские классы сразу же после Февральской революции, т.е. раньше, чем в Петрограде и Москве. Сделали они это в силу политической безграмотности. Когда Ленин велел временно снять лозунг "Вся власть Советам!", в Партграде его не послушали. Не послушали, во-первых, по той причине, что ничего о Ленине не знали. А во-вторых, на лозунги ушло много красной мануфактуры и краски, что стоило немало денег. И студент, писавший лозунги, куда-то исчез. Новые лозунги писать было некому.

Переход к новому социальному строю в Партграде произошел без всякого шума и кровопролития. Городские власти назвали старые учреждения новыми именами, увеличили их раз в десять и заполнили их выходцами из народа. Совершив это историческое дело, бывшие эксплуататорские классы отправили ходоков

- к Ленину. Но тот их не принял. Он не мог поверить, что в Партграде советская власть появилась раньше, чем в Петрограде, причем -- без участия Троцкого. И где этот Партград?! Что-то он, Ленин, не слыхал о таком. Партградские ходоки в Петрограде спились. Эксплуататорские классы Партграда уехали в Париж. А советская власть тут осталась надолго и всерьез. Судя по всему навечно, так как никакое человеческое воображение не в силах выдумать

для этих мест ничего иного. И теперь трудно поверить в то, что в этих местах когда-то не было советской власти. Но было ли это на самом деле? Похоже на то, что власть тут всегда была советской, только она называлась иначе.

Послереволюционный период

Гражданская война тоже обошла Партградскую область стороной, так как обе враждующие армии (красные и белые) боялись завязнуть в болотах и заблудиться в лесах, где бродили стаи голодных волков, пожиравших без разбора как красных, так и белых. После окончания войны в Партграде появились большевики. По одним сведениям они пришли из голодающей Москвы, по другим -- возникли из собственных дезертиров, прятавшихся в болотах еще с 1914 года. После смерти Ленина до Партграда дошел слух, будто в Москве объявлен призыв вступать в партию -- ленинский призыв. Десятки тысяч партградцев устремились в партию. Если бы из Москвы не дали указание приостановить наплыв в партию всех без разбора, то все сто процентов взрослого населения области стали бы членами партии. После окрика Москвы в Партграде начался обратный процесс, все без разбора стали покидать партию. Если бы не начали арестовывать и отправлять в исправительные лагеря таких беженцев, то Партград так и остался бы беспартийным.

В Партграде все стало происходить то с опозданием сравнительно с Москвой, то с опережением. Ленинский НЭП начался лишь после того, как он кончился в Москве. Но не успел он набрать силу, как началась коллективизация. Зато теперь Партград оказался впереди прогресса: в колхозы вступили все те, кого следовало бы считать кулаками. Опять вмешалась Москва, и из колхозов повыгоняли даже бедняков. Пришлось создать свой исправительно-трудовой лагерь для них. С началом индустриализации крестьяне устремились в города, бросая опустылевшую и уже ничего не рожавшую землю. Наряду с упомянутым лагерем пришлось создать новый, укомплектовав его беженцами из деревень. Потом в оба лагеря стали сажать всех без разбора, причем -- и из других областей. И эти лагеря стали первыми в области предприятиями республиканского значения.

В тридцатые годы в Партграде дважды арестовывался полный состав работников районных учреждений и трижды областных. Причем, сажали их за дело, за бытовые и служебные преступления, приписывая им "политику" в соответствии с духом времени. Сами жертвы охотно шли на это, предпочитая считаться врагами народа, а не просто жуликами, развратниками, дураками, разгильдяями, пропойцами. Около города начали строить тюрьму европейского значения. Строили ее силами самих заключенных, деятелей коммунистического движения стран Европы, а затем и Азии. И тюрьма приобрела евразийские масштабы,

Но нет худа без добра. Наличие в области большого числа заключенных способствовало промышленному и культурному прогрессу. Еще до войны с Германией в городе и в области построили пять заводов всесоюзного значения, более двадцати предприятий областного масштаба, университет, пять институтов, три техникума, филиал консерватории, оперный театр, два драматических театра, балетную школу, три научно-исследовательских

института, психиатрическую больницу всесоюзного значения. Число школ, больниц, спортивных сооружений и прочих учреждений, ставших неотъемлемой частью советского образа жизни, не счесть. Около города начали строить крупнейший в Европе химический комбинат.

Война

Во время войны 1941-1945 годов с Германией в Партграде подготовились к оккупации, учтя опыт других, уже оккупированных областей. Наметили лиц, которые должны были сотрудничать с немцами. Отвели для будущих немецких концлагерей наиболее комфортабельные исправительные лагеря. Создали мощные партизанские отряды. Для них построили на трясине капитальные базы, в которых партизаны могли бы просидеть всю войну, дабы потом рассказать потомкам о своих героических подвигах. Руководителем партизанского движения назначили Митрофана Лукича Портянкина, будущего первого секретаря обкома партии и секретаря ЦК КПСС. Для маскировки такого ответственного поручения Митрофан Лукич был назначен командиром гарнизонной бани и вошебойки. Но и этот пост был значителен сам по себе. В город и его окрестности эвакуировали множество военных училищ. Здесь стали формировать части для отправки на фронт. Так что баня и вошебойка стали играть роль не менее важную, чем прочие высшие военные и гражданские учреждения. Впоследствии Митрофан Лукич по примеру Брежнева, опубликовавшего воспоминания о войне, написал книгу "В тылу врага". Но его конкурент обратил внимание на то, что название книги звучало двусмысленно, область оставалась в нашем, а не во вражеском тылу. И книгу потихоньку изъяли.

Война пошла Партграду на пользу. Сюда эвакуировали из других мест ряд военных предприятий, институтов и научных учреждений. Поскольку немцы на Партградскую область не покушались, а обычная партградская нищета на фоне войны показалась сытостью и спокойствием, сюда из Москвы и других городов устремилась масса деятелей культуры и предприимчивых людей, не испытывавших желания закрывать своими телами амбразуры вражеских дотов и бросаться со связками гранат под вражеские танки. Они нарушили историческую непорочность Партграда. Хотя после войны они все испарились обратно, Партград благодаря им вкусил прелестей всестороннего идейного, духовного и морального разворота и уверенно встал на путь приобщения к мировой цивилизации.

Послевоенный период

Еще при жизни Сталина в Партграде завершили строительство химического комбината, Сырья для него в области не было. Потому пришлось провести несколько железнодорожных линий и шоссейных дорог, построить серию предприятий. Так одно тянуло за собой другое, и скоро в области появились заводы велосипедов, холодильников, стирального порошка, авиационных приборов и многое другое. Как острили местные интеллектуалы, область из отсталой сельскохозяйственной превратилась в отсталую промышленную.

Смерть Сталина партградцы отметили двойным запоем. Первый запой был с горя. Длился он две недели. Второй запой был от радости. Длился он тоже две недели. После разоблачительного доклада Хрущева на съезде партии партградские лагеря опустели, и их пришлось временно законсервировать. Целый месяц партградцы вывозили на трясины сочинения, бюсты и портреты Сталина, где они исчезали бесследно. Как будто никакого Сталина и не было. Площадь и проспект Сталина переименовали в площадь и проспект Ленина. Статую Сталина переделали в статую Ленина.

При Хрущеве и при Брежневе поток всеобщего прогресса захватил и Партградскую область. Средний рост жителей увеличился на два сантиметра, а средняя высота домов -- на два этажа. Такой темп роста города сопоставим с темпами роста Нью-Йорка, Токио и Нью-Мексико. Молодые люди стали носить джинсы и бороды. Джинсы носили уже на законных основаниях, так как они были местного производства. В прошедший период разрядки напряженности страна закупила в США завод по производству джинсов. И теперь она успешно конкурирует с США на рынках "третьего мира", правда -- не по джинсам, а по чехлам для танков, самолетов и ракетных установок. Джинсы переименовали в молодежно-спортивные брюки. В газетах написали, что в советском обществе джинсы, в отличие от прогнившего Запада, служат делу построения коммунизма, что у советской молодежи и в джинсах бьется пламенное комсомольское сердце. О том, что джинсы стоили больших денег на черном рынке и были доступны совсем нетрудовой молодежи, об этом газеты умолчали. Бороды сначала встревожили руководителей области. Обратились за инструкциями в Москву. Оттуда ответили, что на данном этапе бороды временно допускаются, лишь бы за ними не прятались нездоровые мысли и настроения.

Девушки стали терять невинность на три года раньше, чем до войны. При этом они в два раза реже беременели, хотя противозачаточные средства выдавались по особому списку и только к революционным праздникам. Впрочем, число внебрачных беременностей возросло во много раз сравнительно с довоенными годами. Женщины избавлялись от плодов греха "дедовскими методами" (по словам прессы), а именно -- путем абортов.

Начало подниматься сельское хозяйство. Именно в это время начала свою карьеру Евдокия Тимофеевна Телкина, ставшая впоследствии заведующей сельскохозяйственным отделом обкома партии и прозванная Маоцзедунькой. На совещании передовиков сельского хозяйства она высказала крылатую фразу, которая мгновенно облетела всю область и принесла ей (Маоцзедуньке) популярность в народе: "В нынешнем году, -- сказала она, -- наш урожай в США обещает быть хорошим". Если бы фраза не была крылатой, то как она облетела бы область размером со среднее европейское государство?

В семидесятые годы модернизировали военный завод. Теперь стало не стыдно показывать отсталую технику западным шпионам. Построили предприятие по освоению сворованной на Западе новейшей технологии. Одним словом, ко времени начала горбачевской перестройки одна Партградская область производила промышленной продукции больше, чем вся Российская Федерация в конце двадцатых годов.

Освоение трясинных земель

На территории области расположена самая большая в стране (а может быть и в мире) болотная трясина. Трясина -- это не просто болото или место, заливаемое водой. Воду там совсем не видно. Внешне трясина выглядит весьма привлекательно: трава, цветы, ягоды, кустарники, полянки. Прямо-таки природный рай, Но если вы по неведению или по неосторожности туда забредете, вы обнаружите, что это райское обличие прикрывает бездонную вязкую грязь. Но будет уже поздно, и вы не успеете предупредить никого о таящейся здесь опасности. И вам никто не сможет помочь. И вы исчезнете навечно и бесследно. Расположенные по соседству исправительные лагеря и сверхсекретные предприятия (атомное, химическое и бактериологическое) со стороны трясины вообще не охраняются, она надежнее любой охраны. Еще ни одному заключенному не удалось бежать этим путем. И ни одному любопытному не удалось проникнуть в район секретных предприятий через трясину. Местные критически настроенные интеллектуалы рассматривали трясину как символ нового общественного устройства. За это их время от времени наказывали, высылая из города в упомянутые секретные предприятия и лагеря.

Обуреваемые заботой о благе народа партийные вожди области не раз предпринимали попытки начать освоение трясины (как писали в газетах, "трясинных земель"). Получив за это награды и повышения в чинах, они оставляли свои затеи. Как потом писали те же газеты, "попытки освоения трясинных земель глохли в трясине бюрократизма" Последнюю попытку (самую значительную) предпринял Петр Степанович Сусликов, когда он стал первым секретарем Партградского обкома партии. За эту попытку Петру Степановичу присвоили звание Героя Социалистического Труда. После этого Петр Степанович стал готовиться ко взлету на вершины партийного руководства в Москве и попытку свою оставил, как и его предшественники. Но в отличие от предшественников, он обратил внимание на одно достоинство трясины, благодаря которому она может сыграть выдающуюся роль истории: поскольку она засасывает в себя абсолютно все без всяких следов, то она способна засосать и осадки от атомного взрыва, ядовитые химические вещества и смертоносные бактерии. Если взорвать над трясинной самую мощную водородную бомбу, то последствия от взрыва будут не сильнее, чем от взрыва газа, который недавно произошел в новом десятиэтажном доме в новом жилом районе. Уже через пару дней трясина будет выглядеть так, как будто никакого атомного взрыва не было. А последствия от взрыва газа не могли ликвидировать в течение года.

Еще тогда, когда Сусликов возглавлял Партградскую область, он сказал, что "в случае ядерной войны все население области переселится на трясину и воздвигнет на ней еще более грандиозное и светлое здание коммунизма, чем то, которое западные империалисты помешали нам воздвигнуть на сухом месте". А уже упоминавшаяся выше Маоцзедунька заявила, что область на трясине будет выдавать на-гора морквы, картошки, капусты и прочей сельскохозяйственной снеди в таком количестве и качестве, что даже свиньи жрать не будут. Выражение "выдавать на-гора" она усвоила во время встречи с шахтерами Донбасса. Партградские интеллектуалы по поводу этого заявления Маоцзедуньки острили, что свиньи эту "снедь" жрать не будут по той простой причине, что свиньи в области исчезли задолго до того, как Маоцзедуньке присвоили звание

Героя Социалистического Труда за выдающиеся успехи области в сельском хозяйстве. Зато в области расцвело всеобъемлющее и всепоглощающее свинство. А трясины без шума и газетных сенсаций стали использовать как помойку для отходов атомной и химической промышленности.

Когда в Москве решался вопрос о строительстве первого в мире атомного предприятия для мирных целей, то выбрали именно Партградскую область, руководствуясь следующими соображениями. Область занимала первое место в стране по насыщенности исправительными лагерями. Заключение можно было использовать на самых секретных и вредных для здоровья работах. Партградская трясина является самым удобным местом захоронения отходов атомного производства. Область расположена далеко от Москвы и закрыта для посещения иностранцами, в ней не происходило ничего такого, что могло бы привлечь внимание общественности. В области строились и планировались многочисленные секретные предприятия, которые нуждались в энергетической базе, независимой от обычных источников энергии и неуязвимой в случае войны.

За строительством как-то само собой закрепилось название "Атом". Оно постепенно вошло в газетные статьи и официальные документы. Когда строительство закончилось, и предприятие вступило в строй, всему району официально присвоили имя Ленина. Однако население упорно продолжало называть его "Атомом".

О жизни в районе "Атома" поползли самые невероятные и противоречивые слухи. По одним слухам, там -- рай земной, полный коммунизм, все есть в изобилии и почти бесплатно. По другим слухам, там поселили заключенных, осужденных на большие сроки или на смертную казнь, которую им заменили опасной для жизни работой в условиях повышенной радиации. На самом деле в "Атоме" было и то и другое -- и рай, как его представляли себе рядовые жители области, и ад, о котором не хотели думать те же самые жители. В "Атоме" специалистам с высшим образованием и квалифицированным рабочим платили удвоенную зарплату; сразу же предоставляли квартиры, о каких они не могли и мечтать в иных условиях, отпуск вдвое длиннее обычного и многие другие привилегии. И снабжение предметами потребления и быта было лучше, чем в городе. Но с другой стороны, они жили под постоянным надзором, как в заключении. Отпуска они должны были проводить тоже в определенных местах, где свобода передвижения их была строго ограничена. А главное -- они скоро начинали ощущать в себе снижение всех основных жизненных функций, апатию, подавленность, состояние непреходящей тревоги и страха.

Вскоре после того, как атомное предприятие вступило в строй, там произошла катастрофа. В чем она заключалась -- хранилось в величайшей тайне, но шила в мешке не утаишь, о катастрофе узнали по многочисленным признакам, -- в частности по тому, что из района эвакуировали целые поселки, больницы переполнились странными больными, стали рождаться дети уроды. К несчастью для Партграда, тогда о перестройке и гласности никто не помышлял. К тому же ветер дул не в ту сторону и унес радиоактивные осадки не в Западную Европу, а в Сибирь. Подул бы ветер на Запад, может быть эпоха гласности началась бы раньше, и Партград стал бы знаменит на весь мир, как впоследствии Чернобыль. Возник слух, будто в "Атоме" в результате катастрофы появились мутанты, способные жить в условиях повышенной радиации, будто их хотели специально разводить для военных целей и для работы в зараженных местах, но они будто бы взбунтовались, и их пришлось уничтожить. Но в этот слух мало кто верил.

По мнению партградцев, в Партграде никаких мутантов вообще быть не может, так как тут климат и харч не тот. Наверняка там в "Атоме" какая-нибудь труба лопнула или крыша протекла, у нас такое постоянно случается. А скорее всего уголовники в атомном реакторе самогонный аппарат устроили, перепились и передрались. Для работы же в зараженных местах у нас здоровых больше чем достаточно.

"Атом" стал привычным элементом жизни области. Многих выпускников институтов и техникумов направляли на работу в "Атом". И они охотно соглашались на это, соблазняясь выгодными условиями. В "Атом" из города высылали лиц, уклоняющихся от трудовой деятельности, а также "внутренних эмигрантов", -- так называли всех тех, кто подпал под тлетворное влияние Запада и вступал в конфликт с советским общественным строем, его идеологией и властями. Крестьяне из района "Атома" стали появляться с овощами и молочными продуктами на рынках города, продавая их дешевле, чем прочие крестьяне. В питейных заведениях стали иногда появляться забулдыги с толстыми пачками денег, которые они проматывали за один вечер. Их вылавливала (вернее, подбирала на улицах) милиция и отправляла обратно "Атом". Эти забулдыги рассказывали, что они порою за один час на каких-то "сверхсекретных работах" получали по двести и даже пятьсот рублей. Правда, от такого часа "сверхсекретных работ" они становились импотентами, лысели, теряли аппетит и приобретали невыносимые боли в желудке, груди и голове. Но зато они могли себе позволить хотя бы один день пожить "по-коммунистически", т.е. промотать деньги с первыми встречными проходимцами.

Партград и Москва

Взаимоотношения между Партградом и Москвой являются сложными и даже противоречивыми. С одной стороны, Москва для партградцев есть высший надсмотрщик и указующий перст. А с другой стороны, роль Москвы для Партграда аналогична той, какую для Москвы играет Запад. В Москве люди что-то вытворяют, надеясь на то, что на это обратят внимание на Западе. В Москве даже высшие власти прежде, чем ляпнуть какую-нибудь чушь, узнают через шпионов о том, как на это будет реагировать продажная западная пресса и реакционные западные политики, а очухавшись поутру первым делом ищут свои рожи на страницах западных газет и журналов. В Партграде же делают нечто отдаленно похожее на это, питая надежду на то, что слух об этом дойдет до Москвы. Если в Москве начинают отращивать бородки, то в Партграде отращивают бороды до пояса. Если в Москве за явное вольнодумство дают три года тюрьмы, то в Партграде за скрытый скептицизм дают пять. Новый жилой район в Москве назвали Новыми Черемушками, хотя там никогда не росла черемуха. В Партграде же новый жилой район назвали Новыми Липками, хотя там не росло ни одной липы. Подзаборный партградский пьяница, зарабатывавший себе на выпивку тем, что хрипел под гитару сочиненные им же песенки, был по примеру Москвы назван бардом. Когда его как тунеядца выселили из города в "Атом", возник слух, будто он уехал в Париж завоевывать там мировую славу.

Желание тянуться за Москвой принимает в Партграде поистине патологические формы. Здесь гордятся даже окриками из Москвы. Если

партградских руководителей поругают в Москве, то партградцы с гордостью сообщают друг другу, что "нашему Хозяину (имеется в виду первый секретарь Обкома партии) в Москве шею намылили, значит теперь в гору пойдет".

Влияние Москвы на Партград многосторонне. Вот два примера тому. Одному почтенному служащему запретили туристическую поездку в Болгарию, поскольку его ближайший друг и собутыльник в шутку сказал, что сей служащий собирается просить политическое убежище в Болгарии. Это была очевидная шутка, все знали, что просить политическое убежище в Болгарии -- это все равно, как скрыться от партградского КГБ в главном здании КГБ в Москве на площади Дзержинского ("на Лубянке"). Но в КГБ шутку восприняли как сигнал, и поездку запретили. Служащий счел запрет бессовестным и начал кричать об отсутствии свободы совести в Партграде. Ему объяснили, что такое свобода совести, Тогда он в знак протеста окрестил сына -- как раз такая мода появилась в Москве, породив на Западе надежду на религиозное возрождение в России и, естественно, крах "режима" вследствие неверия в марксизм. Служащий заработал за это строгий выговор по партийной линии. В интеллигентских кругах, склонных к словоблудию на любом материале, в связи с этим заговорили о том, что именно Партграду предстоит сыграть ведущую роль в религиозном обновлении России. Глава областной церкви, однако, этот слух опроверг в партийной печати. Заодно он осудил президента США как поджигателя войны. Упомянутый служащий должен был после этой истории целый год усиленно заниматься антирелигиозной пропагандой, чтобы снять выговор и вновь обрести репутацию старого и политически зрелого коммуниста.

Еще один пример. В Москве одна женщина, жаждущая выехать на Запад, но в течение ряда лет не получавшая разрешение на это, приковала себя цепью к решетке посольства США. Об этом поступке москвички сообщили западные радиостанции, ведущие передачи на Советский Союз. Узнали об этом поступке и в Партграде. И у москвички в Партграде нашелся последователь. Он приковал себя цепью к унитазу в своей собственной квартире в знак протеста против того, что в их квартире этот унитаз не ремонтировали полгода. Соседи заявили в милицию. В милиции решили, что тут пахнет политикой, и сообщили в КГБ. Сотрудники КГБ явились на четырех машинах, разогнали толпу зевак, выломали дверь в туалет, отсоединили унитаз от канализационной трубы (это было легче сделать, чем пилить цепь напильником) и увезли "протестанта" вместе с унитазом. Западная пресса никакого внимания на мужественный поступок партградского борца за права человека не обратила. Благодаря этому, он отделился годом тюрьмы за бытовое хулиганство. Когда он вернулся из заключения, унитаз все еще не был отремонтирован.

Партград и Запад

Хотя настоящих диссидентов в Партграде не было, избежать тлетворного влияния запада в городе не удалось. Многие партградцы слушали передачи западных радиостанций, смотрели западные фильмы, читали западные книги. Кое-кто ездил на Запад или имел знакомых, бывавших на Западе. На черном рынке продавались заграничные вещи. Причем, инициатива "западничества" шла сверху, от привилегированных слоев общества, особенно -- от детей

начальства.

Партградское руководство и идейно здоровая часть населения видели опасность влияния Запада и принимали меры, сдерживающие его. Мнения при этом были противоречивые. Одни требовали запретов и репрессий. Другие смотрели на это более либерально. "Пусть потешатся западными пустяками, -- думали они, -- лишь бы в политику не лезли". Консерваторы, однако, считали, что эти "пустяки" опаснее политики. Против политических загибов у нас есть защита: идеология и КГБ. А против американских джинсов, жевательной резинки и истошных воплей защиты нет.

В Партград стали понемногу проникать и кое-какие веяния, касающиеся демократических свобод и прав человека. И виноваты в этом были сами власти. В сети политического просвещения и пропаганды партградцам начали с такой настойчивостью разъяснять, что этих благ в области имеется больше, чем "на их хваленном Западе", что это породило в народе нездоровое любопытство и необоснованные надежды. Одна старушка две недели добивалась приема в Обкоме партии, чтобы попросить "чуток этих прав и свобод". А то она скоро умрет, Перед смертью хотела бы попробовать, что это такое. Старушку поместили в дом для престарелых, откуда ее уже не выпустили до смерти. Она-то и явилась родоначальницей правозащитного движения в Партграде.

Старушка умерла, но ее дело осталось живо. Одна сотрудница научно-исследовательского института за какие-то заслуги получила бесплатную туристическую путевку в Японию. Известие об этом потрясло город: за всю историю человечества еще ни один партградец не бывал в Японии. Но в райкоме партии ей не дали характеристику, необходимую для поездки за границу, мотивируя отказ тем, что эта научная сотрудница с ее могучими габаритами не втиснется в миниатюрный японский туалет и тем самым уронит достоинство советского человека. Возмущенная сотрудница заявила, что право поездки за границу есть прирожденное право человека, и что оно не зависит от размеров зада. Председатель комиссии сказал на это, что право поездок за границу не есть прирожденное право человека, так как человек появился еще до того, как появились границы, Сотрудница была сражена таким аргументом и взяла обратно слова на счет прав. Но было уже поздно: ее исключили из партии.

Бездиссидентная зона

Еще в те годы, когда Митрофан Лукич Портянкин правил в Партграде, он часто беседовал со своим зятем Петром Степановичем Сусликовым о проблемах государственного значения.

-- Глянь, Петр, -- говорил Митрофан Лукич, наливая водочку в трофейные хрустальные рюмочки из хрустального графинчика, тоже доставшегося Митрофану Лукичу в качестве боевого трофея в разгромленной Германии, когда он ездил туда в командировку с целью изучения постановки банно-вошебойного дела в нацистских концлагерях, -- что творится в Москве! Распустились, мерзавцы. А у нас -- тишь и благодать. А почему?

Петр Степанович подобострастно пожирал глазами своего высокопоставленного тестя. Тот опрокидывал "рюмашку" в широко разверстую пасть, сверкавшую

' золотыми коронками. Крякал. Сыпал прибаутками насчет первой рюмки, И тут же наливал по второй, поскольку откровенный партийный разговор (по его мнению) мог начаться лишь "на высоком градусе". -- А потому, -- продолжал Митрофан Лукич, закусив вторую "рюмашку" осетринкой или икоркой, -- что мы тут голову на плечах имеем. Диссиденты не появляются в нашей области по той причине, по какой южный фрукт не произрастает на холодном севере. Что нужно для того, чтобы южный фрукт произрос на севере?

Митрофан Лукич прерывал свою речь, чтобы налить по следующей "рюмашке". Петр Степанович подобострастно молчал, зная, что Митрофан Лукич не ждет у него ответа. Митрофан Лукич ставит вопросы для того, чтобы самому дать на них ответы, риторический прием, усвоенный им еще в те годы, когда он командовал гарнизонной баней и вошебойкой. Тогда он, приказав построить голых солдат на улице перед баней, ставил перед ними стратегические вопросы вроде: " Можем ли мы одолеть врага, не одолев вошь? ", и давал на них исчерпывающие ответы в духе речей обожаемого им Сталина. -- Чтобы южный фрукт произрос на севере, -- продолжал Митрофан Лукич, наливая по третьей "рюмашке", -- нужны особые теплицы. А чтобы у нас в Партграде выросли заграничные фрукты, именуемые диссидентами, тоже нужны такие особые теплицы. Главное -- не допустить появление таких теплиц. А раз нет теплиц, не будет и фруктов, выращиваемых в них. Понял?

Сусликов кивал в знак согласия головой. А Портянкин, пропустив по третьей рюмашке и закусив как следует, наливал по четвертой, продолжая передавать свой партийный опыт молодому, подрастающему поколению в лице Сусликова. -- Иностранцев посольств у нас нет. Никаких западных журналистов нет. На наших стройках работают кое-какие Иностранцы. Но что это за иностранцы?! Итальяшки. Они не в счет. Радио западное у нас слушают, это верно. Ну и пусть слушают на здоровье. Эта чепуха нам не опасна. Эти западные права человека и демократические свободы у нас в Партграде все равно, как попу гармонь, рыбе зонтик или корове седло...

Когда Сусликов стал первым секретарем Партградского Обкома партии, он дал клятву своему покровителю Портянкину, что превратит область в "бездиссидентную зону". При этом он руководствовался такими принципами. Подавлять диссидентов дело нехитрое. Не допустить их появление -- вот к чему надо стремиться. Тогда и подавлять не надо будет. Но если уж они появились по недосмотру, их надо нейтрализовать, дискредитировать, уничтожать всеми доступными средствами. После того, как они будут уничтожены, исчезнут или станут безобидными и даже полезными, их можно будет разрешить. В этом Сусликов следовал примеру Сталина, который собирался отменить расстрелы после того, как будет расстрелян последний "враг народа".

С целью реализации своей программы Петр Степанович предложил расселять интеллигентов так, чтобы они не имели возможности устраивать неподконтрольные сборища. Потом он создал особую идеологическую комиссию, которая очистила все библиотеки города от литературы, содержащей малейшие намеки на критику советского общественного строя и идеологии, приняла решительные меры против спекулянтов на черном рынке, распространявших "самиздат" и заграничные книги, установила строгий учет всех множительных аппаратов и радиоприемников.

Короче говоря, результаты мудрого руководства Петра Степановича не замедлили сказаться. Каждое утро, появляясь в своем кабинете в Обкоме

партии, Петр Степанович первым делом спрашивал у своего помощника Корытова: "Ну как?"

-- Чисто, -- рапортовал Корытов.

-- Ну и слава богу, -- мурлыкал Петр Степанович.

Соедини-ка меня с Центром.

И Петр Степанович докладывал Митрофану Лукичу, что во вверенной ему области никаких диссидентов нет.

-- Так держать! -- слышалось в ответ,

Черный день

Но вот наступил черный день, когда на привычный вопрос товарища Сусликова "Ну как?" его верный помощник Корытов не произнес бодрое "Чисто!", а сам Сусликов не отрапортовал в Москву о полном порядке во вверенной ему области и не услышал в ответ поощрительное "Так держать". Голосом, полным скорби, Сусликов лепетал невнятно о том, что они тут дали промашку, не доглядели, недооценили и проявили либерализм.

-- Я, товарищ Сусликов, -- услышал Сусликов в ответ ледящий голос Митрофана Лукича, -- человек простой и сердечный. Но когда возникает угроза завоевания Октября, пощады от меня не жди. Не выправишь положение -- положишь партийный билет. Понял?!

В эту ночь в зданиях ответственных учреждений Партграда до утра не потухал свет. Войска военного округа были приведены в предвоенную готовность. Военные и милицейские патрули заполнили город. Но что, собственно говоря, произошло? Оказалось, четыре гражданина Партградской области прорвались в Москву и сделали попытку вступить в связь с западными журналистами с намерением изобличать язвы советского общества.

Появление в Партграде своих, доморощенных диссидентов было полной неожиданностью, но особого рода. О существовании чудаков, которых теперь стали называть мудреным заграничным словом "диссиденты", жители города знали давно. Такие чудаки тут водились всегда. Но они до сих пор служили лишь объектом насмешек, Знали о них и в КГБ. Но тоже не очень-то тревожились, так как там тоже знали им цену.

Положение, короче говоря, сложилось такое: явление существует, все знают о нем, но делают вид, будто его нет, так как нет формального признания факта его существования. И потому оно как бы и не существует совсем. Хотя оно существует эмпирически, оно не существует как социально значимое явление, -- оно существует ниже того социального порога, который разделяет существующие явления на как бы существующие и существующие без "как бы". Что произошло теперь? Из Москвы поступило распоряжение считать партградских диссидентов существующими без "как бы", поскольку они заявили о себе на уровне мировой прессы. Лишь после этого Сусликов доложил Портянкину о их появлении в области. Порог социальной значимости был перейден. Новый социальный феномен с иностранным названием "диссиденты" получил право на официально признанное бытие.

Партградцы, причисленные к диссидентам, были: настоящий коммунист, потомственный пролетарий, Трижды Иван и студент, организовавший нелегальный

журнал "Гласность". Их подлинные имена не имеют значения, -- западные журналисты, упомянув о них в своих газетах, не назвали их имен. Они мельком упомянули о них просто как о "диссидентах из провинции". Запад не захотел признать историческое бытие Партграда даже в такой негативной форме.

Настоящий коммунист

Есть два вида коммунистов -- натуральный и выморочный. Натуральный коммунист есть советский человек, приученный жить в советском обществе и как-то выкручиваться в нем. Он готов ко всему и готов на все. Для него коммунизм есть не отдаленный земной рай, в который он не верит, а сегодняшняя неумолимая реальность, в которой следует урвать для себя максимально доступный кусок. Выморочный коммунист мало чем отличается от натурального в своей обычной жизни. Но ой избирает для себя роль человека, лучше и больше других преданного идеалам коммунизма, и превращается в мелкого педанта по поводу необдуманных замечаний классиков марксизма. Сболтнул какой-то классик, например, о заработной плате служащих не выше рабочих, Педант-коммунист требует ввести партийный максимум зарплаты. Причем, ему невдомек, что большинство советских служащих имеет зарплату ниже зарплаты квалифицированных рабочих. Сболтнул другой классик о том, что при коммунизме кухарки будут управлять государством. Педант-коммунист носится с этой идеей по партийным инстанциям, хотя от кухарок в старом смысле не осталось и следа. Сболтнул какой-то классик о том, что рабочие будут сами управлять заводами. Педант-коммунист ратует за заводское самоуправление, хотя рабочих теперь силой не заставишь пойти на эту глупость. Одним словом, выморочный коммунист считает, что коммунизм в Советском Союзе строится неправильно, что не выполняются указания классиков марксизма. Вот если бы Ленин был жив, все было бы иначе. Большая часть выморочных коммунистов остается на уровне чудаков, которых терпят в коллективах и даже порою поощряют. Но отдельные экземпляры заходят настолько далеко, что становятся бичом в своих коллективах и для учреждений, которые они атакуют с параноической настойчивостью. С ними обычно расправляются самым беспощадным образом, сажая их в сумасшедшие дома или высылая в отдаленные районы. В их защиту никто не вступает: вот еще забота -- коммунистов защищать! Туда им и дорога!

Один из таких коммунистов уже давно раздражал органы власти Партграда. Его исключили из партии и уволили с работы. Но в психиатрическую больницу сажать не торопились, считая его полоумным. Это было явно ошибочно: он на все сто процентов был сумасшедшим. Воспользовавшись оплошностью КГБ, настоящий коммунист сбежал в Москву с намерением сообщить западным журналистам, что коммунизм в Партградской области строится неправильно, и попросить руководителей западных стран повлиять на советское руководство, чтобы оно исправило советский коммунизм и восстановило его, подлинного коммуниста, в партии

Потомственный пролетарий

Более опасным врагом советского строя в области оказался слесарь-водопроводчик, называвший себя потомственным пролетарием. Он занимался установкой и ремонтом заграничного оборудования ванн и туалетов в квартирах партградского начальства. Он ухитрился записать на кассету звуки, издаваемые руководителями области в туалете. Сотни копий записей распространились в городе и имели успех, особенно -- "анальные речи" Маоцзедуньки и самого Сусликова. Причем, слушатели безошибочно идентифицировали звуки. В руководстве области началась паника. Одна Маоцзедунька отнеслась к истории спокойно. -- Пусть приходят ко мне после обеда, -- говорила она, похлопывая себя по необъятному заду, -- я им такую музыку выдам, что ихние Бетховены и Пикассо сразу заткнутся. Маоцзедуньке сказали, что Пикассо -- художник, а не музыкант. Она на это невозмутимо ответила, что ей и на художников тоже на...ть. Сусликов же усмотрел в событии угрозу своей карьере. Начальник областного управления КГБ Горбань заявил, что если бы туалетные звуки высших руководителей предали широкой гласности, то советская власть не продержалась бы и года. Между прочим, западным советологам, ищущим самые уязвимые места в советской социальной системе, не мешало бы принять во внимание мнение начальника Партградского Управления КГБ. Все силы милиции, КГБ и общественности были брошены на поиски преступника. Почуввав опасность, "Потомственный пролетарий" убежал в Москву с мешком кассет, на которых были записаны "анальные речи" партградских руководителей. Он собирался опубликовать эти речи на Западе и заработать на них по примеру писателей-диссидентов славу и миллионы.

Конец рабочей династии Ивановых

Иван Иванович Иванов с гордостью называл себя Трижды Иваном. Его отец был Трижды Иваном. Он работал на заводе, в начале войны с Германией ушел добровольцем на фронт и вскоре погиб. Второй Трижды Иван пошел по стопам отца и тоже стал рабочим.

После армии он женился и произвел на свет сына, которого тоже назвал Иваном. Третий Трижды Иван рос, в отличие от предшественников, в сравнительно благополучное время и в благополучной семье. Он отлично учился в школе, особенно преуспевая в математике. Учителя сулили ему будущее выдающегося ученого.

Но произошло событие, зачеркнувшее мечты и планы Ивановых. Партград посетил сам Брежнев. Среди рабочих завода, выделенных для пожимания руки Брежневу, оказался второй Трижды Иван. Пожав ему руку, Брежнев вдруг вспомнил, что в начале войны он выдавал партийный билет Ивану Ивановичу Иванову.

Уж не сын ли Иванов тому Трижды Ивану? Директор завода, не дожидаясь ответа Иванова, сказал, что это именно так, что рабочая династия Ивановых знаменита на всю область. Второй Трижды Иван растерялся и сдуру сболтнул,

что его сын тоже Иван, и что он тоже пойдет по стопам отца. Брежнев сказал, что это замечательно, когда дети рабочих наследуют профессию отцов, -- самую почетную профессию на свете. Надо это сделать повсеместной традицией. В газетах напечатали фотографию Брежнева, пожимающего руку второго Трижды Ивана, слова Брежнева и опрометчивое обещание Иванова.

Так возникло движение, инициатором которого сделали второго Трижды Ивана. Третий Трижды Иван пробовал было артачиться, но на него "нажали" и заставили подписать обращение к детям рабочих продолжать профессию отцов. Ивановым дали вне очереди отдельную двухкомнатную квартиру. Второго Трижды Ивана наградили орденом. В среде рабочих его возненавидели и стали устраивать всяческие пакости. Третьего Трижды Ивана дети из рабочих семей, которых вынудили идти работать на заводы, не раз избивали, так что первое время его на завод сопровождал милиционер, Хотя третий Трижды Иван работал добросовестно, думал он только об одном: как можно поскорее выбраться из рабочего класса, для начала -- хотя бы поступить на обещанное заочное отделение института. Но и тут неумолимая судьба вмешалась в его жизнь. Кампания, жертвой которой он стал, окончилась. Про рабочую династию Ивановых забыли. Рабочие спровоцировали третьего Трижды Ивана на такое выступление по поводу беспорядков на заводе, за которое его исключили из комсомола, уволили с завода и выслали в "Атом" как тунеядца. Оттуда он убежал в Москву, погрившись сжечь себя на Красной площади.

Комитет гласности

Но больше всего партградские власти были напуганы тем, что в городе стал циркулировать нелегальный журнал "Гласность", подготовленный студентами университета. В журнале сообщалось об образовании "Комитета гласности", который ставил перед собой задачу информировать партградцев о событиях в области, о которых умалчивают газеты. Кто бы мог тогда подумать, что идею гласности через несколько лет присвоят себе высшие власти страны, а первооткрыватели ее к тому времени исчезнут безвестными в исправительно-трудовых лагерях?!

Поборники гласности подготовили первый номер журнала, в котором приводили сведения о коррупции в высшем руководстве области и о злоупотреблениях служебным положением. В частности, они подсчитали, что Сусликов стал обладателем ценностей, на приобретение которых законным путем даже при заработной плате в тысячу рублей в месяц потребовалось бы по крайней мере сто лет. Редактор журнала уехал в Москву с намерением переслать журнал на Запад.

Конец партградского диссидентства.

Западные журналисты в Москве особого значения партградским диссидентам не придали. Кто-то из них вроде бы даже донес на партградцев в КГБ, оправдываясь тем, что будто бы принял их за провокаторов КГБ. Но все же в

западной прессе появилось короткое сообщение о том, что наблюдается оживление диссидентского движения в русской провинции, в частности -- в городе Партграде. Этого короткого сообщения, однако, было достаточно, чтобы Сусликов покрылся холодным потом и схватился за сердце.

В Москве партградских диссидентов задержали и передали для расправы партградским властям. На заседании бюро Обкома партии Сусликов доложил, что в области "в силу гнилого либерализма некоторых руководителей, ослабления идейно-воспитательной работы и тлетворного влияния Запада появились отдельные признаки диссидентства, но они вовремя обнаружены и пресечены". Прошло немного времени, и на вопрос Сусликова "Ну как?" его помощник Кобытов ответил "Чисто!". Сусликов доложил Портянкину, что положение в области исправлено, и услышал долгожданное "Так держать!". Мог ли он тогда предположить, что пройдет немного лет, и вся Россия будет наводнена диссидентами нового типа, и что он сам станет чуть ли не диссидентом?!

Глубинная история

Но все то, о чем говорилось выше о советском периоде, составляло лишь ничтожную часть подлинной истории Партграда, причем -- часть десятистепенной важности. Это была лишь пена партградской истории, а не ее глубинный поток. Последний заключался в том, что можно назвать социальной жизнью масс населения, а именно -- в различного рода социальных процедурах, ритуалах и мероприятиях, которые стали привычным элементом повседневной жизни людей: принятие в октябрята, в пионеры, в комсомол; октябрятские и пионерские сборы; комсомольские собрания; принятие в партию; партийные собрания; общественная работа; общие и профсоюзные собрания; митинги, демонстрации; пропагандистские кружки и семинары; комсомольские и партийные школы; университеты марксизма-ленинизма; заседания органов власти и управления на всех уровнях, начиная первичными коллективами и кончая высшими органами власти области; руководящие совещания, указания, контроль. Короче говоря, суть коммунистического образа жизни образует в первую очередь все то, что делает человека именно гражданином коммунистического общества и в чем заключается его социальная жизнь в таком качестве. Все остальное суть лишь средства и материал для социальной жизни. Фабрики и заводы строятся не ради некоего абстрактного производства, а прежде всего как средства, позволяющие организовать людей в коммунистические коллективы. Лишь в последнюю очередь они суть средства создания продуктов потребления и вообще каких-то материальных вещей. Произведения культуры создаются не ради культуры как таковой, а лишь как средства воспитания людей и контроля за их сознанием и поведением. И в деятельности власти главным является все то, что позволяет сохранять единство социального целого и поддерживать нормальный ход его социальной жизни.

Если бы можно было подсчитать усилия населения области, направленные на поддержание социального ее аспекта, то получились бы величины, перед которыми померкли бы официальные показатели жизнедеятельности общества (добыча угля, выплавка стали, урожай, число телевизоров и т.п.). Самый грубый подсчет числа людей, прошедших через пионерские и комсомольские

организации, принятых в партию, участвовавших в демонстрациях и собраниях, подсчет числа собраний, совещаний, речей, резолюций и прочих элементов официальной жизни, подсчет числа участников пропагандистских групп и лекций и т.д. дал бы картину, от которой у вас зашевелились бы волосы на голове. А если бы эти подсчеты произвести по годам и на различных уровнях иерархии, вы ощутили бы сущность прогресса, произошедшего в Партграде за годы советской власти.

Кузница кадров

В свете только что изложенной идеи становится понятным то, почему главной отраслью производства в Партградской области стало производство руководящих кадров. Взгляните на высшее советское руководство, на аппарат ЦК КПСС и КГБ, на высшие правительственные и культурные учреждения! Кого вы там увидите? Прежде всего -- выходцев из таких мест, как Партградская область. Со сталинских времен высшую власть в стране всегда захватывали выходцы из провинции, что соответствует провинциальной сущности самого коммунизма. Многие видные партийные и государственные деятели страны вышли из Партграда и его окрестностей.

Объяснение этому феномену дал недавно скончавшийся бывший секретарь ЦК КПСС Митрофан Лукич Портянкин, начавший свое блистательное восхождение на высоты власти в Партграде. -- Это происходит потому, - сказал он на торжественном митинге по поводу открытия его бронзового бюста в Партграде, что Партград находится в недрах народа, в толще народа, в гуще народа. Митрофан Лукич сказал, что партийно-государственные кадры в Партграде не просто выращивают.

Их тут выковывают. Так что Партград в первую очередь есть кузница партийно-государственных кадров и лишь во вторую очередь доильница страны. Выражение "доильница" изобрела Маоцзедунька по аналогии с тем, как некоторые другие области называются житницей страны. Согласно отчетам, Партградская область поит всю страну молоком, а Ставропольский край кормит всю страну хлебом. Поит так же плохо, как

Ставрополь кормит хлебом. Между прочим, Ставропольский край стал превращаться из житницы страны в кузницу партийных кадров, конкурирующую с Партградом, под руководством Горбачева и превзошел в этом отношении Партград.

Партград поставляет стране не только практиков, но и теоретиков руководства. Именно здесь родилась формула, обобщающая опыт руководства народом за все годы советской власти. Высказал ее сам Петр Степанович Сусликов, сменивший Митрофана Лукича на посту первого секретаря Партградского Обкома и затем секретаря ЦК КПСС. -- Нашим величайшим достижением, -- сказал он в речи на партийной конференции, где его избрали на пост секретаря ЦК КПСС, -- является то, что не только мы, партийные руководители, научились руководить нашим народом, но и то, что наш народ научился быть руководимым нами. Слух, однако, был такой, будто эту формулу изобрела все та же Маоцзедунька. Она якобы сказала, выпив десятую стопку водки, что главным в руководстве нашим народом является правило: не надо

мешать нашему народу быть руководимым нами.

В том самом выступлении на партийной конференции Сусликов привел такие данные о масштабах партградской кузницы партийных кадров. За годы советской власти в Партградской области было выковано двадцать пять тысяч триста сорок шесть партийных руководителей районного масштаба, шестнадцать тысяч сто тридцать один -- областного масштаба, пять тысяч сто сорок пять -- республиканского масштаба, тысяча девятьсот девяносто девять -- общегосударственного масштаба. Так что в случае победы коммунизма в мировом масштабе, как пошутил товарищ Сусликов, одна Партградская область может обеспечить партийными кадрами все страны мира. Как сказала та же Маоцзедунька после двадцатой стопки водки, ковать партийных трепачей -- это вам не, картошку и поросят растить, тут мы кого угодно за пояс заткнем. Выходцы из Партграда и других аналогичных мест. России приносят в центральный аппарат власти намерение неуклонно охранять завоевания Октября. Но делают они это в такой форме, что это выглядит как прогресс, как борьба молодых, инициативных и образованных "голубей" против престарелых, консервативных и безграмотных "ястребов". Но, утвердившись в центральном аппарате, провинциальные "голуби" сами превращаются в столичных "ястребов".

Историческая справка

Самыми выдающимися личностями, выкованными в партградской кузнице кадров, являются несомненно Портянкин и Сусликов. О них со временем будет написана особая книга, как они того и заслуживают. Здесь же ограничимся лишь краткой справкой о них.

Портянкин Митрофан Лукич. Из крестьян. Образование -- ветеринарный техникум, курсы младших политруков, школа НКВД, областная партийная школа, заочное отделение ВПШ (Высшей Партийной Школы при ЦК КПСС). С 22 лет член партии. Во время войны-- политрук партизанского отряда, который предполагалось создать в области, если бы немцы ее оккупировали. Немцы до Партграда не дошли. Одновременно Портянкин был начальником гарнизонной бани и вошебойки. Поскольку в Партграде формировались воинские части для отправки на фронт, баня играла важную роль. Портянкин устраивал высокому воинскому начальству попойки с "бабами" (т.е. с девчонками связистками, зенитчицами, санитарками) в особом отделении бани, чем завоевал популярность в армии. В портянкинской баньке не раз парился Брежнев. Войну Портянкин закончил с десятком орденов и в чине подполковника. После войны -- на партийной работе. Стал первым секретарем Обкома партии. За успешное выполнение поставок молочных продуктов государству был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Был слух, будто он при этом скупал масло в соседних областях и сдавал как якобы произведенные в области. Его собирались судить за это, но почему-то скандал замяли. При Портянкине в области развернулось грандиозное строительство, включая упомянутый выше "Атом" и крупнейший в стране химический комбинат. Сам Портянкин тут был ни при чем, так как стройки были союзного масштаба. Но в числе награжденных он всегда был одним из первых. Став во главе партии и государства, Брежнев вспомнил о том, как парился в портянкинской баньке, и взял его в аппарат ЦК КПСС, где он стал заведующим

отделом, секретарем, кандидатом в члены и членом Политбюро. Регулярно избирался депутатом Верховного Совета РСФСР и СССР. Награждался многочисленными орденами и медалями. Лауреат государственной премии за книгу "В тылу врага". В связи с тридцатилетием победы над Германией стал Героем Советского Союза за выдающиеся заслуги и личный героизм в войне. В послебрежневские годы не сориентировался в ситуации, поддержал Черненко и попал в консерваторы. При Горбачеве был обвинен в коррупции и бюрократизме и уволен на пенсию. Его книга стала предметом фельетона, который заканчивался вопросом: кого Портянкин называл врагами, если учесть, что Партгградская область, в которой он пропьянствовал всю войну, не была оккупирована немцами? После этого Портянкин умер от инфаркта и инсульта одновременно. Похоронен даже не на Новодевичьем, а лишь на Донском кладбище.

Сусликов Петр Степанович. Из рабочих. Образование техникум пищевой промышленности, сельскохозяйственный институт, ВПШ. Во время войны -- студент. Комсомольский активист. Осведомитель "органов". Разоблачил группу "пораженцев" среди соучеников, за что был награжден медалью "За отвагу". Женился на дочери Портянкина, тогда секретаря райкома партии. В 24 года член КПСС. Инженер и затем секретарь партийного комитета мясомолочного комбината. Перешел на партийную работу. Освобожденный секретарь партийного комитета строительства "Атома". Учеба в ВПШ. После окончания ВПШ второй секретарь горкома и затем обкома партии, наконец, первый секретарь обкома. Знакомство с Андроповым, лечившимся на курорте в области. Знакомство и дружба с Горбачевым. За освоение трясины (о чем говорилось выше) награжден Золотой Звездой Героя Социалистического Труда и орденом Ленина. Переведен в аппарат ЦК КПСС, где скоро стал заведующим отделом. При Горбачеве избран секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро. Активный сторонник перестройки, "левая рука" Горбачева. Регулярно избирался в Верховный Совет РСФСР и СССР, Лауреат Ленинской премии за руководство трудом об освоении трясиновых земель. Награжден многочисленными орденами и медалями.

После того, как Портянкину дали вторую золотую звезду Героя, ему установили в Партграде бронзовый бюст. На другой же день на лбу бронзового Портянкина появилось ругательство из трех букв. Его стирали, но оно появлялось вновь. В конце концов на это махнули рукой, и ругательство навечно утвердилось на лбу Портянкина. К нему привыкли и уже не представляли бюста без него. Говорят, будто Сусликов тоже скоро получит вторую звезду героя. Тогда и ему будет установлен бронзовый бюст. И на его бронзовом лбу тоже будет написано то самое ругательное слово. И партградцы вздохнут с облегчением при виде этого символа незыблемости и преемственности их коммунистического образа жизни.

Вслед за Портянкиным и Сусликовым идет Евдокия Тимофеевна Телкина, заведующая сельскохозяйственным отделом обкома партии, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда. Раньше ее называли Маоцзедунькой за пристрастие к волюнтаристским методам руководства. Теперь она стала поклонницей Бухарина, и ее стали называть Бухариком, намекая на пристрастие не только к идеям Бухарина, о коих она знает понаслышке, но и к алкогольным напиткам. Известна по всей России как пламенная проводница любой генеральной линии партии. Была страстной брежневисткой. Стала еще более страстной горбачевисткой. В своем перестроечном рвении превзошла даже Ельцина: предложила распустить колхозы, перевести на самофинансирование все

предприятия области, открыть для партграждан границу на Запад, превратить партийные органы в советы, переименовать коммунистическую партию в народную. Из прочих личностей стоит упомянуть писателя, который при Сталине восхвалял Сталина и получил Сталинскую премию, при Брежневе восхвалял Брежнева и получил Ленинскую премию, а при Горбачеве стал восхвалять Горбачева и был объявлен жертвой сталинского и брежневского террора. Наряду с этим писателем мировую славу приобрел также художник, который при Сталине малевал Сталина и получил Сталинскую премию, при Брежневе малевал Брежнева и получил Ленинскую премию, а при Горбачеве стал малевать Горбачева и был объявлен жертвой сталинского и брежневского террора. Наряду с этим писателем и художником мировую славу приобрели также театральные режиссер и кинорежиссер, которые... (смотри сказанное выше о писателе и художнике). В период перестройки все они стали народными депутатами и членами бюро райкомов, горкома и обкома партии. Писатель стал членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР. За это он был избран в ряд международных организаций и награжден многочисленными премиями на Западе.

Хрущевская перестройка

Первая попытка перестройки имела место еще в хрущевские годы. Хрущев и его либеральные помощники официально признали и без того очевидные недостатки советского общества и приняли решение осуществить перестройку всех аспектов жизни страны, более чем на четверть века предвосхитив горбачевское "новаторство". Решили усовершенствовать работу предприятий, начали переводить многие из них на ту самую "самофинансируемость" и "самокупаемость", о которых сейчас на весь мир трубят горбачевцы как об открытии в советской экономике. В результате число нерентабельных предприятий возросло, и о лозунге "самокупаемости" забыли. Тогда употребляли словечко "хозрасчет", являющееся сокращением бессмысленного выражения "хозяйственный расчет". Усовершенствовали работу системы управления. Ввели некие "совнархозы" ("советы народного хозяйства"), в результате чего бюрократический аппарат увеличился. Потом их ликвидировали, и бюрократический аппарат увеличился еще более. Делили, объединяли, перекомбинировали и переименовывали министерства, комитеты, управления, тресты и т.п. А число бюрократов росло и росло. В те годы советские люди шутили: в ЦК КПСС принято решение разделить министерство железнодорожного транспорта на два -- на министерство "туда" и министерство "обратно",
Особенно злые насмешки вызвала кукурузная политика Хрущева, Побывав со своими помощниками, советниками и родственниками в США, Хрущев решил догнать передовые капиталистические страны и построить полный коммунизм уже "при жизни нынешнего поколения" с помощью кукурузы. Партградцы, покоряясь приказу Москвы, засеяли поля американской кукурузой. То, что выросло, породило в области лишь гомерический хохот. Хрущев и его сообщники заработали презрительную кличку "кукурузников". В хрущевские годы сенсацию в Советском Союзе произвела идея, что начальники не должны сами затачивать карандаши, поскольку их драгоценное время и творческие силы нужны для более важных дел.

Напечатали по этому поводу миллионным тиражом брошюру привезенного из Америки менеджера. Кабинеты начальников украсились полными стаканами карандашей, остро отточенных секретаршами. Спроектировали специальную машинку для затачивания карандашей. Дело ограничилось, конечно, проектами. Начальники же, освободив свои творческие силы от затачивания карандашей, бросили их на усиленное взяточничество и карьеристские интриги.

Хрущевская перестройка закончилась без кровопролития. Хрущевские соратники заблаговременно предали своего вождя и стали брежневистами. За счет предательства и холуйства перед новым вождем они сделали очередные шаги в своей карьере. Особенно преуспели в этом. Портянкин, Сусликов и Маоцзедунька.

Застойный период

При Горбачеве брежневский период советской истории стали называть застойным. Партградцам же никогда в голову не приходила мысль, что их нормальная жизнь по законам реального коммунизма была отклонением от неких хороших норм, была всего лишь застоем. Никакого застоя они не ощущали. В эти годы в области было сделано больше, чем за все предшествующие годы. И уровень жизни поднялся так, как об этом и мечтать не могли в Довоенные и послевоенные годы. Стал обычной отдельная квартира на семью. В каждой семье появился холодильник и телевизор. Многие обзавелись мотоциклами и автомашинами, построили дачи. Одеваться стали лучше. Конечно, этот прогресс не шел ни в какое сравнение с западным благополучием. Но тогда Запад еще не стал мериллом оценки состояния советского общества. Знали партградцы и обо всех дефектах своего образа жизни. Но относились к ним как к неизбежному злу. О них говорили, сочиняли шутки и анекдоты. Издевались над ними и над самими собою. Но понимали, что это все дано навечно, и каждый выкручивался а свой лад. Общая сумма таких индивидуальных выкручиваний и создавала нормальный (с их точки зрения) ход жизни. Так бы они и про должны были жить до сих пор, если бы в Москве не заговорили о перестройке. Сами они до этого не то чтобы не додумались, а просто не стали бы додумываться во избежание ненужных и бессмысленных хлопот. Они знали стариковскую мудрость: то, что построено, может быть на самом деле есть куча говна, и потому ее лучше не ворошить, иначе совсем жить нельзя будет из-за зловония. Они восприняли Горбачева прежде всего как такого дурака, который нарушил это правило.

Коммунистический кризис

Прежде чем продолжить описание событий в Партграде, сделаем небольшое социологическое отступление, касающееся общей ситуации в стране в начале восьмидесятых годов.

К концу брежневского правления в стране назрел кризис, который разразился во всю мощь с приходом Горбачева к власти. Горбачевцы свалили вину за него на брежневское и даже сталинское руководство. Бесспорно, Сталин

и Брежнев наделали много ошибок и глупостей. Но не они породили кризис. Кризис назрел и разразился в силу объективных закономерностей самого коммунистического социального строя. Человечество пропустило очередную (третью) мировую войну, и эти закономерности получили достаточно мирного времени, чтобы проявить свою неумолимую силу.

Созреванию кризиса способствовали также и внешние причины.

Необходимость тягаться с Западом, укреплять военную мощь страны и развивать международную активность в огромной степени истощили силы советского общества, снизили его способность сопротивляться надвигавшейся болезни. Но не это породило самое болезнь. Благодаря тому, что третья мировая война была пропущена, Запад не был разгромлен, а, наоборот, стал сильнее и приобрел новые перспективы.

Если бы не было Запада или если бы он был ослаблен в пропущенной потенциальной войне, состояние советского общества превозносилось бы как верх совершенства, советская система власти превозносилась бы как верх демократии, а условия жизни советских людей -- как земной рай. Но Запад уцелел и усилился. Он стал мерой и образцом для всего серьезного, что стало происходить и делаться в коммунистических странах. Усилилось наступление Запада на коммунистический мир в форме борьбы за демократию. Оно охватило не только сферу пропаганды, но и практической активности (экономические и политические санкции, стимулирование демократических движений, дискредитация политических режимов). Развитие в странах Запада и их давление на коммунистические страны оказались настолько сильными, что руководители последних впали в состояние растерянности, отказались от открытого применения специфически коммунистических методов решения своих проблем и встали на путь своего рода западнизации своих стран. Вследствие влияния Запада на умонастроения масс населения кризис углубился, а процесс переживания его и попытки выйти из него приняли западнообразные формы. Это породило чрезвычайно сложную и противоречивую ситуацию в коммунистических странах, а на Западе -- иллюзии и надежды на то, что коммунистический режим скоро рухнет в силу внутренней несостоятельности.

Рассматриваемый кризис явился первым в истории специфически коммунистическим кризисом. Он охватил все сферы общества, включая систему управления, экономику, идеологию, моральное и психологическое состояние масс. Он проявился в дефиците предметов потребления, в инфляции, в росте коррупции и преступности вообще, в распущенности, в идеологическом цинизме, в падении трудовой дисциплины, в пьянстве и прочих отрицательных явлениях, ставших предметом гласности и критики. Но самая глубокая суть и специфика его заключается в том, что система власти и управления утратила контроль над обществом, а высшие органы власти утратили контроль над всей системой управления.

Коммунистическое общество есть единый социальный организм -- органическое целое. В силу отсутствия в нем частного предпринимательства, классов частных собственников, свободного рынка, политического плюрализма и других явлений общества западного типа, здесь система власти и правления приобретает особую роль. Она здесь пронизывает общество во всех измерениях, становится фактически фундаментом всего здания общества. Ее роль здесь можно сравнить с ролью нервной системы в высокоразвитом биологическом организме. Разрушение этой системы или ее заболевание, выходящее за пределы некоей

нормы, ведет к гибели всего организма. Она здесь разрастается до таких размеров и приобретает такую силу, что становится господином общества. Коммунистическое общество поэтому есть общество чиновников прежде всего, подобно тому, как капиталистическое общество есть общество частных предпринимателей (капиталистов), а феодальное -- земельных собственников. Огромное число учреждений и людей, занятых в системе власти и управления, является абсолютно необходимым атрибутом реального коммунизма. Он так же немислим без этой системы, как капитализм без частных предпринимателей, денег, прибыли, конкуренции, банков.

Система власти и управления коммунистического общества имеет сложную структуру и сложные функции. Она подчиняется особым объективным законам структурирования и функционирования, Есть определенные нормы, касающиеся соотношения управляемого тела общества и его управляющей системы, а также взаимоотношений частей последней. Рассматриваемый кризис заключается прежде всего в том, что нарушились нормальные соотношения между управляющей системой и управляемым обществом. Во втором возникли бесчисленные явления, выходящие из- под контроля первой. Хотя управляющая система разрасталась, управляемое тело общества разрасталось в еще больших масштабах в смысле роста числа и усложнения объектов, подлежащих управлению. Слишком много всего построили. Слишком усложнили структуру и функции деловых коллективов и их отношений. Разрастание же системы управления не только не предотвратило дезорганизацию, а со своей стороны усилило ее. Оно привело к тому, что нарушилась координация частей управляющей системы, и высшие органы власти потеряли контроль над всей системой управления, в результате чего снизились возможности последней контролировать общество.

Горбачевское руководство начало реформаторскую суету с целью заручиться поддержкой Запада и предотвратить надвигающийся кризис. Но далеко не все во власти всесильной системы власти советского общества. Именно реформаторская активность Горбачева способствовала развязыванию кризиса. С нее потенциальный кризис превратился в актуальный, стал реальностью. Процесс вышел из-под контроля советского руководства и вынудил его на такое поведение, о котором оно и не помышляло. Перестройка явилась попыткой предотвратить кризис, проявлением и следствием кризиса, а когда кризис стал фактом -- попыткой выйти из него на пути поверхностной, иллюзорной и принудительной западнизации советского общества.

Вернемся, однако, к Партграду в тот период его жизни, когда развязанная Горбачевым перестройка докатилась и до него.

Перестройка

Несмотря на все описанные выше успехи и достижения, Партградская область продолжала считаться самой провинциальной частью России. О ее существовании далеко не всякий знал в Советском Союзе, а уж про Запад и говорить нечего. Советские люди узнавали о ее существовании главным образом из некрологов, в коих сообщалось, что такой-то выдающийся покойник происходил родом из рабочего класса, трудового крестьянства или столь же трудовой интеллигенции Партградской области. Рассказывали такую историю.

Брежнев, желая избавиться от одного из своих противников, велел направить его на работу в Партград, будучи уверен в том, что это находится где-то в Якутии, на Камчатке или даже в Монголии. Каковы же были его удивление и гнев, когда он увидел этого опального партийного работника среди руководителей области во время своего визита в Партград.

Такое положение Партграда сохранилось бы и по сей день, если бы над страной не взошла заря новой великой эпохи -- эпохи перестройки.

Партградские власти поначалу отнеслись к объявленному Горбачевым курсу на перестройку как к очередной кампании и показухе. Перестройку устраивало каждое новое руководство. Пройдет немного времени, думали руководители области, перестройка сойдет на нет и все вернется на круги своя, как и в прошлые разы. Надо сделать вид, будто в Партграде относятся к перестройке всерьез и прилагают усилия к ее осуществлению. Партградское начальство развило кипучую деятельность, выразившуюся в заседаниях, конференциях, речах, резолюциях, призывах и починах. Поменяли кое-кого в руководстве, переместив одних на место других, и наоборот. Уволили на пенсию тех, кто и без перестройки собирался на кладбище. Разоблачили в коррупции тех, кто уже был под судом или сидел в лагерях.

Но дело оказалось гораздо серьезнее, чем обычно, и руководители области пришли в замешательство: в Партграде вообще не нашлось ничего серьезного, что можно было бы и стоило бы перестраивать. Жизнь в городе и в области шла в строгом соответствии с привычным порядком, и казалось, что никакие силы в мире были не способны заставить людей жить и работать по-новому, т.е. с ускорением и с большей эффективностью, как требовала Москва. Руководители области собрались в обкоме партии на первое перестроечное совещание, чтобы выяснить явные и скрытые возможности перестройки. Все прекрасно понимали, что возможностей почти никаких не было. Военные заводы никакой перестройке не подлежали. Они получали сырье бесперебойно. Сбыт их продукции не зависел от советских покупателей. Производительность труда и качество их продукции зависели не столько от советских трудящихся, сколько от западной технологии, от советских шпионов и от тех стран, куда Советский Союз поставлял оружие. Химический комбинат, бактериологический центр и атомное предприятие были до такой степени засекречены, что о их работе не знал ничего даже начальник областного управления КГБ. Школы, институты, больницы и прочие учреждения работали вполне нормально, и никакие радикальные улучшения там не требовались, если не считать текущих мелочей. То же самое можно было сказать о средствах транспорта и массовой информации, а также о бесчисленных учреждениях управленческого аппарата и органов власти.

Однако се понимали, что указания Москвы выполнять придется так или иначе. Одни лихорадочно думали лишь о том, как бы в этой перестроечной суете не потерять свое место; другие -- о том, как бы поднажиться за ее счет.

Первый секретарь обкома партии Жидков из кожи лез, чтобы двинуть руководимую им область по пути перестройки. Но его усилия натолкнулись на непреодолимые препятствия. Этим препятствиям оказались не консерваторы и бюрократы, как лицемерно жаловался Горбачев и как искренне писали западные газеты, а само население области и вся организация его жизни. На словах все стали сразу "перестройщиками", все начали критиковать консерваторов и бюрократов и призывать "мыслить и действовать по-новому". А на деле не выходило ничего, кроме усиливающейся неразберихи, болтовни, очковтирательства. На поверхность

вылезли самые ловкие и циничные карьеристы и проходимцы. Начался разброд в самом руководстве областью. Чтобы не обвинять в консерватизме сам коммунистический социальный строй, стали искать козлов отпущения, которых можно было бы обвинить в консерватизме, бюрократизме и коррупции и на которых можно было бы свалить вину за первые неудачи. В обкоме партии собрались самые ответственные лица области и всю ночь обдумывали кандидатуры на роль тех, кто "встал поперек нашего стремительного движения по пути перестройки". Усталые, но довольные достигнутым соглашением "командиры области" разъехались по своим особнякам, квартирам и дачам.

Первые шаги

Новая эпоха в Партграде началась без грома и молний. В городе в этот день, как и во всей стране, шла обычная, полная героизма трудовая жизнь, В рабочее время трудящиеся мотались по магазинам в поисках предметов потребления, скупая по случаю все, что еще продавалось, и по питейным заведениям в поисках утешения, поглощая все, что льется. Во вне рабочее время они занимались тем же с удвоенной силой. В этот день в городе было прогуляно без уважительных причин 80 000 человеко-часов, допущено 50 000 случаев производственного брака, подобрано на улицах 2000 бесчувственно пьяных граждан, совершено 8000 хулиганских поступков и 400 крупных краж, совершено десять бандитских нападений с убийствами и тяжелыми телесными повреждениями, сделано 800 аборт, осуждено 2000 граждан на малые и большие- сроки, дано и взято 20 000 взяток, произнесено 10 000 партийно-комсомольских речей... Короче говоря, был обычный полноценный день советской жизни, полный радостей и огорчений, успехов и неудач, приобретений и потерь.

Но вот трудящиеся Партграда наконец-то получили в руки газеты, которые в этот день почему-то запоздали. Развернув газеты, они были сначала изумлены, а затем разразились неудержимым смехом. На первой странице газет была опубликована речь самого товарища Жидкова, первого секретаря Партградского обкома партии. "В нашей области, -- говорилось в речи, ухудшилось продовольственное снабжение". -- Как оно могло ухудшиться, -- спрашивали друг друга хохочущие партградцы, -- если оно всегда было хуже не придумаешь?!

"В области, -- говорилось далее в речи, -- упала трудовая дисциплина", -- Опять чепуха, -- надрывались от хохота партградцы. -- Она и раньше была на таком уровне, что ниже падать ей уже некуда было!

В речи говорилось, наконец, что в области возросло пьянство. Тут уж партградцы даже хохотать не могли. Они лишь стонали от чрезмерного внутреннего гогота и глотали катившиеся ручьем слезы. -- Чем они там вверху думают, идиоты, -- хрипели они, когда спазмы веселья слегка ослабевали. -- Пьянство в области давным-давно достигло высшего предела, превзошло его и в этом превышении достигло предела, выше которого подняться нельзя даже при самом сильном желании. Нельзя, если даже все ракетные установки, самолеты и подводные лодки превратить в самогонные аппараты, а все покупаемое на Западе и производимое дома зерно пустить на водку. Разве за счет покойников можно чуточку выше подняться. Советские покойники действительно не пьют. Пока не

пьют. Не пьют, поскольку им не подносят, хотя страна и шагнула в развитой социализм, до полного коммунизма все же еще не докатились. Это при полном коммунизме всем покойникам будут выдавать по пол-литра водки на день. Ах, какое ликование начнется тогда на наших перенаселенных кладбищах! Вот когда старые большевики, сгоревшие в крематориях, пожалеют о том, что клюнули на удочку марксизма!

В конце речи Жидкова шло перечисление предприятий и учреждений области, которые "еще не включились со всей серьезностью в перестройку". Назывались также имена консерваторов и бюрократов, которые суют палки в колеса новому курсу партии.

Обком предполагает, а ЦК располагает

А в Москве в это время на более высоком уровне решали, кого именно назначить врагами перестройки на местах. Петр Степанович Сусликов, недолюбливавший Жидкова, предложил его кандидатуру на эту роль. Горбачев, собиравшийся выдвигать своего сослуживца Крутова, одобрил кандидатуру Жидкова и предложил Крутова на его место. На другой день в центральной партийной газете "Правда" в передовой статье были перечислены районы страны, которые "еще не включились со всей серьезностью в перестройку". Среди них на первом месте шла Партгградская область. Имя Жидкова было названо среди консерваторов и бюрократов, сующих палки в колеса новому курсу партии. Судьба Жидкова была предрешена. Срочно собралось бюро обкома партии. На нем резкой критике подвергли самого Жидкова. Особенно усердствовала в этом Евдокия Тимофеевна Телкина, которая на предыдущем заседании особенно горячо поддерживала Жидкова. Второй секретарь обкома (секретарь по идеологии) сказал, что в западной прессе "муссируют слухи о мощной оппозиции новому курсу советского руководства на местах", что "мы должны продемонстрировать верность решениям Съезда партии и указаниям лично товарища Горбачева". Жидкова тут же с заседания отвезли в больницу с обширным инфарктом, причем не в больницу для высших лиц области, а в самую захудалую районную. На другой день те же газеты сообщили о том, что гражданин Жидков снят с поста за консерватизм, бюрократизм, зажим критики, коррупцию и моральное разложение, исключен из партии и предан суду. На том месте, где вчера красовался подретушированный портрет Жидкова, была помещена карикатура, изображавшая Жидкова, сующим палки в колеса горбачевской перестройке.

Революция сверху

Согласно марксистско-ленинскому учению, социальная революция есть скачкообразный перелом (переворот) в развитии общества в отличие от постепенного (эволюционного) процесса. Она происходит тогда, когда низшие слои населения (народные массы) уже не хотят жить по-старому, а высшие (правлящие) слои уже не могут управлять по-старому. Советские интеллектуалы, потерявшие или не приобретшие веру в постулаты марксизма-ленинизма и

всячески осмеивающие их, придали, этому марксистскому определению революционной ситуации более краткий и выразительный вид: революционная ситуация складывается тогда, когда внизу уже не хотят, а сверху уже не могут. Революцию осуществляют народные массы, возглавляемые революционерами, Последние сбрасывают прежних властителей, занимают их место и осуществляют преобразование общества.

Новейшая советская история внесла в марксистско- ленинскую теорию революции существенный корректив: была открыта новая форма революции, которая не соответствует приведенному выше описанию, а именно -- революция сверху. Вернее, открыли эту форму революции в средствах массовой информации на Западе. Открыли ее люди, не имевшие никакого представления о марксистско-ленинском учении о революции и имевшие еще более смутные представления о том реальном процессе в Советском Союзе, который они назвали революцией сверху, Но советским руководителям во главе с Горбачевым такая оценка их реформаторской суеты ("перестройки") пришлась по душе, и они окрестили ее революцией.

Горбачевская революция отличается от ленинской революции 1917 года соотношением верхов и низов. На сей раз сложилась такая ситуация, что верхи уже не хотят управлять по-старому, а низы уже не могут жить по-новому. Те же самые насмешники сформулировали эту революционную ситуацию так: сверху уже не хотят, а внизу уже не могут. Такого рода революцию осуществляют высшие руководители страны, возглавляющие народные массы и принуждающие их к преобразованиям. Они спихивают консервативных руководителей с их постов и сажают на их место своих сторонников. Если этот тип революции назвать революцией сверху, то ленинский тип следует назвать революцией снизу.

Известие о том, что в Москве решили считать перестройку революцией сверху, пришло в Партград глубокой ночью. Пришло в редакцию "Партградской правды". Редактор тут же связался с помощником Крутова, а тот немедленно ринулся к самому Крутову и поднял его с постели. При слове "революция" Крутов впал в панику. Еще со школьной скамьи он знал, что революция означает низложение власти и экспроприацию привилегированных классов. А у Крутова было что экспроприировать, пожалуй, побольше, чем у партградского генерал-губернатора до той революции. Но когда помощник Крутова растолковал ему, что речь шла о революции нового типа, проводимой властями и в интересах укрепления власти, он несколько успокоился. И возглавил революцию в Партграде. На экстренном совещании в обкоме партии он сказал, что ничего страшного в этой революции нет, что это есть лишь новый этап в перестройке. Но с трудящимися надо провести разъяснительную работу. Не то, услышав о революции, они бросятся скупать мыло, соль, спички, мануфактуру, керосин и прочие предметы широкого потребления, начнут закапывать ценные вещи, а некоторые постараются сбежать за границу. Могут начаться грабежи и насилия. Все так и было сделано. Но эффект разъяснительной работы оказался обратным желаемому. Все то, чего хотели избежать, произошло с удвоенной силой.

Катастройка

Повысили цены на алкогольные напитки и ограничили их продажу, Опустели и без того пустые магазины. Удлинились очереди. Подскочили цены на рынках. Дома, в очередях, в транспорте, на работе, на собраниях люди открыто поносили перестройку. Рассказывались бесчисленные анекдоты. Кто-то узнал, что слово "перестройка" на греческий язык переводится словом "катастрофа". На этой основе возникло новое слово "катастройка".

Пенсионеры и старые члены партии усмотрели в перестройке контрреволюцию и измену делу Ленина. Кампания гласности переросла в развенчивание всех идеалов коммунизма. Появление "неформальных" групп, какие раньше считались следствием тлетворного влияния Запада и преследовались, породило возмущение в среде рядового населения. А когда начали увольнять заслуженных работников из аппарата управления и закрывать некоторые учреждения и предприятия как нерентабельные, демонстрируя тем самым борьбу с бюрократизмом и за повышение эффективности производства, в области началась паника.

На экстренном заседании в обкоме партии руководители области доложили о реальном положении и потребовали от Крутова сообщить в Москву всю правду во избежание катастрофы. Крутов, боявшийся, что его за эту " всю правду" снимут с поста как консерватора и противника перестройки, лил, призывал к спокойствию и к "творческому подходу к процессу революционного преобразования общества". Он как опытный партийный работник знал, что главное в таких ситуациях -- набраться терпения и выждать, когда "все само собой образуется". Алкоголь партградцы все равно найдут, из-под земли выруют, но найдут. Уволенные бюрократы рассосутся и устроятся. Закрытые нерентабельные предприятия откроются под другими названиями. К продовольственным трудностям люди привыкли, и не такое видали, да выжили. Молодежь переберется и успокоится. На одной рок- музыке и жевательной резинке не проживешь. Надо учиться, устраиваться на работу, делать карьеру, добиваться улучшений бытовых условий, короче говоря -- надо жить по реальным законам жизни, а не по временным лозунгам.

Пьянство и коммунизм

Перестройка в Партграде, как и во всей стране, началась с борьбы с пьянством. Тут требуется небольшое отступление исторического порядка. Борьба с пьянством в России началась с первых дней существования нового социального строя. А некоторые историки даже полагают, что она началась еще накануне Октябрьской революции. Вроде бы есть данные, будто бы Ленин послал по этому поводу специальную телеграмму из Разлива, где он скрывался от ищеек Временного правительства, в штаб революции в Петроград еще за день до начала революции. В телеграмме вроде бы предлагалось питерскому пролетариату временно сократить пьянство, дабы не проспять революцию ли не сделать ее наоборот. Но Сталин вроде бы скрыл телеграмму, сказав, что если пролетариат перестанет пить, то социализма нам не видать, как своих ушей.

К концу сталинской эры пьянство в России приняло такие размеры, что

стало угрозой тому самому социальному строю, который был построен с его помощью. И партия начала исподволь проводить линию на сдерживание пьянства. Трудящиеся пьяницы, однако, стойко отстаивали свои позиции, завоеванные в течение многих десятилетий беспробудного пьянства. Их ряды неуклонно расширялись.

Еще в те годы, когда Петр Степанович Сусликов стоял во главе области, он не раз сиживал со своим другом Горбанем на террасе своей дачи, пил водочку, закусывал икоркой, севрюжкой, осетринкой и прочими дарами закрытого распределителя продуктов, вел неторопливую беседу о делах государственного значения.-- А знаешь, Григорий Яковлевич, ведь пропьют наши трудящиеся коммунизм, если мы меры не примем. У нас на заводах иной день ни одного трезвого в рабочее время не встретишь. Сколько брака и аварий из-за пьянства! А прости! А воровство! А хулиганство! Ведь если по-честному, всех надо судить, мерзавцев. -- Знаю, Петр Степанович, сам знаю! А что поделаешь? Народ -- сила. Одними уговорами тут не отделаешься. Сажать? Всех не пересажаешь. Наш народ еще не дорос до коммунистической сознательности. Вот мы с тобой! Мы же выпиваем, а голову не теряем. Главное -- выпить в меру и закусить как следует. После работы, конечно. А они?! Пьют без закуски и на работе, мерзавцы. -- Я думаю, что наши ученые должны изобрести такую водку, чтобы она сохранила все положительные качества нашей водки, но чтобы не имела никаких отрицательных. -- Наш народ такую водку пить не будет. Что это за водка, если после нее не мутит в животе, не раскалывается на части голова и не хочется учинить дебош?! -- Ты прав. Но что-то делать надо. Ведь пропадает народ, спивается; Ну, давай выпьем за трезвость!

Петр Степанович и Григорий Яковлевич чокались, опрокидывали рюмочки, закусывали "чем бог послал" и расставались, довольные тем, что исполнили свой долг перед партией и народом.

Трезвость -- норма жизни

Горбачевская кампания против пьянства превзошла все то, что на этот счет знала советская история. Крыши домов Партграда украсились лозунгами вроде "Трезвость норма нашей жизни", "Трезвость -- наше оружие", "Строить коммунизм на трезвую голову". Витрины магазинов украсились плакатами с изображением жутких последствий пьянства. Особенно сильное впечатление произвело изображение печени алкоголика. В этот день трудящиеся выпили алкоголя вдвое больше, чем обычно. Тысячи юношей и девушек пополнили ряды пьяниц. В течение трех дней было задержано более пяти тысяч граждан, пьянствовавших во время рабочего дня. Милиция обыскала пятнадцать тысяч домов и конфисковала двадцать тысяч самогонных аппаратов. Это означает, что в некоторых семьях жена и муж имели свои отдельные аппараты. В самых интеллигентных семьях свои маленькие аппаратики имели, очевидно, и дети. По телевидению выступили ведущие алкоголики города с призывом к трудящимся пить только воду.

Но пьянство не уменьшилось. И резко возросла преступность, связанная с запретами на пьянство и с пьянством вопреки запретам. В этом году за мелкие

хищения в интересах пьянства было осуждено в три раза больше людей, чем до начала кампании трезвости. Возросло число отравлений одуряющими жидкостями. Больше всего опечалило как пьющих, так и непьющих то, что повышение цены на водку нанесло непоправимый удар по особому рода культуре, возникшей на основе старой цены. Пол-литра водки стоило три рубля. Пьяницы скидывались по рублю и покупали поллитровку. Отсюда пошло выражение "на троих" и обычай "скидываться на троих". На этой чисто арифметической основе возникло множество анекдотов и шуток. Вот два примера. Как, спрашивается, разделить восемьсот на три без остатка? Ответ: триста грамм водки делится на три без остатка, а оставшееся пол-литра на троих без остатка разделит вам любой пьяница. Сбросили американцы на парашюте трех шпионов в России. Один из них спустился в лесу, закопал парашют. Все в порядке, никаких кагебешников. Пошел в поселок. К нему подошли два человека и сказали: "А вот и третий!". И шпион сознался.

Но все же культурный аспект пьянства не захирел совсем. Талант великого русского народа получил новую сферу применения, -- изобретение новых видов одуряющих средств. Последние стали изготавливать из зубной пасты, столярного клея, стирального порошка и даже из старых патефонных пластинок. Так и стали говорить: "Пошли, тяпнем Шалапина!" или "Вчера наклюкались Собинова". Стали употреблять новые, специфически перестроечные выражения вроде "морду перестроить", "дать в глазность", "пороть горбачушь".

Борьба против бюрократизма

Второй по значению после антиалкогольной кампании была кампания против бюрократизма. И была она столь же бессмысленной и безрезультатной, как и первая.

Борьба против бюрократизма началась сразу же после революции. Был создан специальный орган для этого (Рабоче-Крестьянская Инспекция, сокращенно Рабкрин) во главе со Сталиным. Но чем упорнее велась эта борьба, тем сильнее разрастался государственно-бюрократический аппарат. Это не было отклонением от неких здоровых норм. Наоборот, это было закономерным следствием самого нового социального строя.

Партград не был исключением из общего правила. И здесь велась борьба с бюрократизмом. Как и в других местах, она служила одним лицам в системе власти средством потеснить других и занять их место. Это была борьба внутри бюрократического аппарата, лишь внешне принимавшая форму борьбы против него. Находились козлы отпущения, расправа с которыми (часто лишь кажущаяся) создавала видимость серьезности мероприятия. Так и на этот раз на роль козлов отпущения были выбраны лица из "мафии" Жидкова. Публично их обвинили во всех смертных грехах, включая и бюрократизм. Выходило, что это по их вине в области образовался дефицит предметов потребления. Все неполадки с жильем, транспортом, школами, больницами свалили тоже на них. На них свалили даже то, что от них никак не зависело, например -- катастрофу в "Атоме", засуху и дожди.

В руководстве области произошли изменения в личном составе. Поменяли секретарей обкома, горкомов и райкомов партии. Поменяли председателей

советов. В общей сложности поменяли более двухсот должностных лиц. Многих уволили на пенсию. Но большинство все равно осталось на каких-то должностях в аппарате управления. Все они стали перестройщиками и критиками застойного периода.

Управленческий кризис

Общий кризис системы власти и управления захватил, однако, и управленческий аппарат Партграда. Крутов жаждал угодить Москве, чтобы удержаться на посту. Но он видел, что Москва не едина. Получая инструкции от Сусликова и советуясь с ним, он чувствовал во всем двойственность. От него требовали более энергично проводить перестройку, и вместе с тем ему намекали на то, чтобы он не особенно усердствовал, берег опытные кадры и не забывал о воспитании населения в нужном духе. Выход из положения он находил в том, что все меньше и меньше вмешивался в работу подконтрольных частей системы управления и управляемых учреждений и предприятий области. Показуха, которой была объявлена решительная борьба, принимала новые, более рафинированные формы. Она углубилась по существу, внешне приняв вид открытости и объективности. И нечто подобное происходило на всех уровнях -- городов, районов, отдельных предприятий и учреждений, более мелких коллективов, отдельных граждан. Вместо декларированной наверху перестройки получалась лишь имитация ее на более низких уровнях. Имитация грандиозная. Настолько грандиозная и глубокая, что многие воспринимали ее как нечто подлинное. Интересным здесь является то, что разрегулирование аппарата власти и управления происходило несмотря на то, что представители и руководители различных подразделений этого аппарата в личном отношении образовывали мафии, тесно спаянные круговой порукой и взаимной выручкой. Образование таких мафий даже способствовало кризису аппарата. Если первый секретарь обкома партии выпивает в одной компании с председателем областного совета и начальником управления КГБ, это не означает, что система управления есть гармоническое целое. Расставшись и уйдя в свои ведомства, эти люди действуют уже независимо друг от друга, а панибратские отношения и совместные темные делишки дают им больше оснований игнорировать друг друга. Натолкнувшись на неявное сопротивление широких слоев населения навязываемым сверху реформам и зная заранее, что эти реформы не могут быть реализованы так, как хотелось бы Горбачеву и его соратникам, партградский управленческий аппарат стал сознательно прилагать усилия к тому, чтобы сделать имитацию перестройки наиболее близкой к подлинности. Границы допустимого были нарушены. Имитация позитивных намерений перестройки перешла в подлинное кризисное состояние области. Люди уверовали не столько в то, что в результате реформ общество подыметься на более высокий уровень, а в то, что в результате глупостей руководства общество пало ниже самого низкого уровня. Кризис был в некотором роде спущен с вершин власти в Партград, а не возник спонтанно в самих основах жизни области. Партград постепенно втянулся в сферу действия кризиса, начавшегося с казалось бы обычных разговоров о реформах на вершинах власти.

Гласность

Эпоха гласности началась в Партграде раньше, чем в Москве. Собственно говоря, Москва сначала провела эксперимент с гласностью в Партграде. И лишь тогда, когда убедились в пользе гласности на этом примере, ее решили ввести по всей стране. Началось все с самого, казалось бы, заурядного события: на улице Робеспьера из-за каких-то неполадок с газом взорвался новый жилой дом. Взрыв был грандиозный. Его слышали во всем городе. Смотреть на результаты взрыва бегали все жители города, включая безногих инвалидов и валяющихся пьяниц. Ходили слухи, будто при взрыве погибло пятьсот человек. Любители сплетен и слухов увеличивали цифру погибших вдвое, а то и втрое. Недобитые диссиденты ринулись было в Москву с намерением передать информацию западным журналистам, но их перехватили по дороге на вокзал. В обкоме партии в экстренном порядке собрались руководители области. Крутов связался лично с Сусликовым. Тот посоветовал пресечь ложные слухи. Крутов истолковал это как совет предать факт гласности, но в такой форме, чтобы из этого польза вышла. Так и поступили. Информацию напечатали, уменьшив число жертв и взвалив вину на бюрократов из прежнего руководства. Поскольку число жертв оказалось огромным даже после сильного преуменьшения, на Западе эту информацию истолковали как начало новой эпохи гласности.

Настоящий ураган гласности в Партграде начался в связи с разоблачением наркомании, проституции и гомосексуализма. Хотя наркоманов в области не было вообще, кампания против них прошла так, что даже в Москве позавидовали. В Партград завезли наркотики из Средней Азии и обучили употреблению их "неустойчивых элементов". Провели показательные процессы над "торговцами смертью". Более пятисот человек было приговорено к длительным срокам заключения в лагерях строгого режима. Но что касается профилактики наркомании, то тут произошел срыв: партградцы к наркотикам привыкли и уже не захотели от них отказываться. И тогда появились настоящие торговцы смертью, против которых милиция и КГБ оказались бессильными.

Проституция в Партграде до начала перестройки тоже не существовала. Это не означает, что тут процветало целомудрие и сдержанность в отношениях полов. Как раз наоборот. В Партграде, как и во всей стране, процветал промискуитет, причем -- в самых примитивных формах. Проституция не существовала в том смысле, что не было женщин, профессионально зарабатывавших на жизнь своим телом. Партградцы использовали свои сексуальные способности с целью добиться желаемого, но это не было проституцией в строгом смысле слова. Это вполне укладывалось в рамки норм коммунистической морали. Это с проституцией не имеет ничего общего. Когда началась эпоха гласности, и по всей стране стали публиковать разоблачительные материалы о ранее скрывавшихся пороках, журналист "Партградской правды" разыскал двух старых шлюх, иногда подрабатывавших, проводя время с пьяными инвалидами, каковыми был переполнен Партград, и солдатами. Журналист угостил шлюх настоящей водкой и вызвал их на откровенность. И вот в газете появился очерк, потрясший партградцев и вызвавший массу откликов в центральной прессе. После этого множество молодых девушек приняло решение стать проститутками, поскольку, как об этом писали

газеты, проститутки зарабатывают больше, чем профессора, инженеры, стюардессы и даже пилоты.

Экономическая реформа

Целый ряд предприятий Партграда перевели на самофинансирование и предоставили им неслыханную доселе свободу. Застрельщиком в деле перестройки экономики стал автомобильный завод. Руководители завода немедленно укатили в заграничные командировки с целью приобрести для завода новейшую технологию и найти рынки сбыта для продукции. Командировки оказались успешными. Руководители вернулись с сумками, набитыми заграничными вещичками, компьютерами, видео и прочей аппаратурой, продаваемой почти легально за бешеные деньги, кроме того, все они получили в подарок по автомашине от западных фирм, заключивших выгодные сделки с советским предприятием, минуя бюрократические инстанции.

Руководители завода особенно гордились тем, что закупили ультрасовременный сборочный конвейер. Даже не столько закупили (цена была символической), сколько получили в подарок в благодарность за то, что советское правительство согласилось принять от этой западной страны беспроцентный заем на неопределенный срок. Конвейер смонтировали сами западные мастера. Зная, что русские халтурщики пропускают бракованные детали, они установили на конвейере робота, который должен был хватать бракованные детали и сбрасывать их с конвейера.

Пуск конвейера отмечали весьма торжественно. На церемонию из Москвы прилетел помощник Сусликова Кобытов с оравой западных и советских журналистов. Иностранцы продемонстрировали работу конвейера, используя при этом детали, привезенные с Запада. Эффект был ошеломляющий. Экономисты подсчитали, что производительность завода возрастет более чем в пять раз, и завод по экономической эффективности поднимется на уровень ведущих мировых автомобильных предприятий. К тому же на заводе высвободится пять тысяч рабочих, которых можно будет использовать в Сибири и на севере страны. Руководители области рапортовали в Москву об успешном претворении в жизнь горбачевской экономической реформы.

Но одно дело -- детали, изготовленные на Западе. И другое дело -- отечественные. Кончились торжества. Сенсация с конвейером сменилась другой сенсацией с дебатами в Верховном Совете. Иностранцы уехали домой. На конвейер пустили отечественные детали. И тут произошло то, о чем старались не думать ранее. Робот начал хватать одну деталь за другой и сбрасывать их с конвейера в кучу брака. Не пропускал ни одну! На заводе началась паника. Начальство собралось на экстренное совещание. Что было делать? Робот -- не человек. Его не напоишь водкой, не подкупишь взяткой или премией, не проработаешь на партийном собрании, не уволишь. Не известно, как окончилась бы эта история, если бы инженеры в шутку не обратились к пьяному работяге, проходившему мимо, с просьбой выручить. Тот, не говоря ни слова, взял грязную веревку и подвязал руку робота ровно настолько, чтобы он обозначил хватательное движение, но чтобы бракованную деталь оставлял на конвейере. И конвейер заработал на полную мощность. Проблема была решена.

Машины, правда, получались бракованные. Но это уже было не столь важно. Главное, производительность завода поднялась до западного уровня. Заслугу инженеры присвоили себе. Работягу за пьянство в рабочее время уволили и выслали из города в "Атом". Попробовали было заменить веревку металлической цепочкой, но ничего хорошего из этого не вышло. Пришлось вернуться к старой веревке, восстановив на работе того пьяного работягу. Робот слушался почему-то только веревку, подвязанную именно этим пьянчугой. В чем секрет этого феномена, не могли разгадать ведущие ученые страны. Академия Наук предложила переориентировать робота на сбрасывание небракованных деталей. Хотя идея была разумной, рисковать не стали. Бракованные автомашины, производимые в Партграде, охотно покупала за гроши какая-то итальянская фирма, занимавшаяся утилизацией старых машин. Примеру автозавода последовал протезный комбинат. Он принял решение наладить производство миниатюрных автомобильчиков на основе инвалидных колясок, причем таких, что их могут использовать не только инвалиды, но и здоровые. Моторчики для автомобильчиков решили закупать в ФРГ, на заводе детских игрушек. Колеса решили закупать в Японии, на заводе детских велосипедов. Кузова взялась поставлять итальянская фирма, утилизирующая бракованную продукцию партградского автозавода. И опять-таки десятки сотрудников комбината вместе с сотрудниками КГБ и ГРУ укатили за границу с пустыми чемоданами, надеясь наполнить их предметами западного комфорта. Скоро все партградские предприятия включились в ускоренное развитие экономики на основе свободы предпринимательства и самофинансирования. В городе по этому поводу возник анекдот. На вопрос, чем ускоренное развитие отличается от обычного, партградец отвечает: тем же, чем понос отличается от обычного испражнения, а именно то же самое говно, только с ускорением.

Партградский Чаадаев

Крутов, живший в постоянном страхе, что гласность доберется до подноготной перестройки, и он станет предметом насмешек распоясавшейся прессы, собрался было проситься на пенсию по состоянию здоровья, но его помощник, бывший ранее помощником Жидкова, отсоветовал ему совершать такой опрометчивый поступок. -- Если Вы, Сидор Егорович, попроситесь на пенсию, Вас немедленно объявят консерватором и свалят на Вас вину за все грехи перестройки. Я Вас сведу с одним человеком. Должность у него маленькая -- всего лишь заведующий овощной базой. Зато голова у него большая. Можно сказать, гений, На Западе он наверняка стал бы финансовым воротилой или президентом, А у нас в России он вынужден прозябать на какой-то паршивой овощной базе, на которой и овощей-то никаких нет. Одним словом, как Чаадаев. -- А это еще кто такой, -- спросил Крутов. -- Друг Пушкина. С декабристами был близок. Письма писал о положении в России. За это его сумасшедшим объявили. -- Диссидент, короче говоря. Ну, да теперь диссиденты реабилитированы. Полезное дело делают. Ладно, давай твоего Чаадаева! И вот состоялась встреча Крутова с партградским "Чаадаевым" -- с заведующим овощной базой Гробышкой. Встреча произошла в загородной вилле последнего. Снаружи вилла выглядела как заурядная дача заурядного советского

жулика среднего масштаба. Но войдя внутрь, Крутов понял, что он, первый человек в области, просто бедняк в сравнении с этим "Чаадаевым". После ужина, поразившего видавшего виды Крутова царским изобилием, прошли в кабинет хозяина. -- Вот это библиотечка, -- воскликнул Крутов при виде огромного количества книг. -- Всю жизнь собирал, -- сказал Гробыка с гордостью. -- Теперь ей цены нет. Пустить на черный рынок -- все финансовые трудности области покрывать можно. Только не стоит это делать. -- Почему?! За такой патриотический поступок мы Вас орденом наградим, в газетах прославим. -- Почести мне не нужны, я не тщеславен. И не жаден. Дело не в этом. Трудности не мешают жить. Без них вообще нельзя. Избавитесь от одних трудностей, появятся новые, еще более трудные. Так уж лучше со старыми жить, с привычными.

После таких намеков разговор зашел об экономической реформе и вообще о положении в области. -- Вы, Сидор Егорович, не первый год на руководящей работе, не мне Вас учить, -- сказал Гробыка. -- Эта реформа не в первый раз у нас проводится. А результат? .. И на сей раз результат будет тот же. В чем тут загвоздка?-- В чем, по- Вашему? -- А в том, что наши вожди и теоретики не принимают во внимание специфику нашего строя. Вот возьмите мою базу! Она с первых дней существования находится на самофинансировании. Она финансирует не только себя, но и кое-кого еще.

Гробыка не стал уточнять, кого именно. Да Крутов и сам знал, что все руководители области пользовались услугами таких экономических гениев, как Гробыка, делая вид, будто понятия о них не имеют. -- В Ставрополе, которым много лет руководил сам Михаил Сергеевич, овощей производили в пять раз больше, чем у нас. А дефицит их ощущался уже тогда. У нас же никакого дефицита не было. И сейчас как-то выкручиваемся В чем тут дело? -- И в самом деле, в чем? -- Дайте мне вместо овощей заниматься автомашинами, компьютерами, ботинками или романами, и я за полгода наведу такой порядок, что в Москве взвоят от восторга. Согласен, машины и романы будут плохими сравнительно с западными. Но какое это имеет значение?! Дело же не в них. Со страной ничего особенного не случится, если роман будет скучный, а машина будет ломаться через каждый километр. -- Так в чем же секрет? -- Порядок должен быть. Уверенность. Люди должны думать, будто у них все есть или в принципе достижимо. В Ставрополе и в Москве думают, что нет картошки и капусты. И кричат. И страдают. И на Запад поглядывают. Вспоминают, что при царе картошки и капусты вдоволь было. У нас в Партграде люди думают, будто у нас, слава Богу, это еще есть. И помалкивают.-- Что же, по- Вашему, опять гайки закручивать? -- При чем тут гайки?! Я не против перестройки. Только как ее понимать? Если по- газетному, то пиши пропало. Первым делом, Сидор Егорович, перестаньте газеты читать. Пусть помощники читают, это их дело. А Ваше дело -- руководить. И пошлите подальше московское начальство и московских трепачей. Наплюйте на все вообще. -- Как это так?! -- А вот так: тьфу на вас на всех и на все! -- Так ведь меня за это... -- Ничего, дорогой не случится. Уважать только больше будут. Они к Вам с приказами. А Вы на это: тьфу на ваши приказы! Они к Вам с нотациями. А Вы на это: тьфу на ваши нотации. Они Вам нагоняй. А Вы твердо на своем стоите: тьфу! Вы сразу почувствуете, как дело пойдет на лад, все постепенно образуется и успокоится Я, между прочим, ни на базе своей, ни в колхозах-поставщиках, ни на рынках никогда не появляюсь. Все само собой делается. Главное -- не мешать делу

самому делаться так, как оно может и хочет делаться. Если дело само не делается так, как нужно, никакими силами его не заставите делаться так, как вам хочется.

Чем дольше и откровеннее говорил Гробыка, тем спокойнее и радостнее становилось на душе у Крутова. Зародилась надежда на успех реформы и перестройки вообще. А когда партградский Чаадаев намекнул ему на возможность обставить его новую дачу заграничной мебелью, надежда перешла в уверенность. -- Твой Чаадаев действительно голова, -- сказал Крутов помощнику после встречи. -- А что если его начать выдвигать на руководящую работу? -- Не пойдет, -- ответил помощник. -- Зачем это ему, если он и так фактически заправляет областью?!

Русское экономическое чудо

В Партграде никакого ленинского НЭПа фактически не было: не успели частники подняться и развернуться, как их всех засудили. Но после отмены ленинского НЭПа в Партграде началось некоторое оживление "частного сектора". Это -- приусадебные участки колхозников и дачные участки городских жителей, на которых выращивались овощи и фрукты и продавались на городских "колхозных рынках", а также частные портные, сапожники, врачи, учителя-репетиторы. Постоянно возникали нелегальные частные предприятия более крупного размера. Создатели их время от времени разоблачались и сажались в тюрьмы. В Партграде в течение нескольких лет процветала подпольная фабрика, производившая "заграничные" вещи, -- дамские кофточки, джинсы, сапоги, сумки. На самом деле вещи делались в Партграде, но на них приделывали заграничные этикетки и продавали их на черном рынке за большие деньги. Начальство смотрело на это сквозь пальцы, поскольку получало от жуликов взятки, превосходящие их заработную плату. Сам прежний первый секретарь обкома партии Жидков покрывал махинации жуликов. Его жена стала фактически главой партградских уголовных мафий. Помимо упомянутой фабрики, в Партградской области процветал нелегальный "дом отдыха", бывший фактически борделем для привилегированных лиц. В городе все знали о существовании такого рода банд, писали письма в центральные газеты, в КГБ и в ЦК КПСС. Но без толку, так как Жидков был старым другом самого Брежнева. Лишь со сменой руководства области разоблачили и арестовали всю банду.

Намерение горбачевского руководства начать "новый НЭП", т.е. расширить частное предпринимательство, поставило партградские власти в затруднительное положение. Те люди, которые могли бы добровольно и успешно выполнить новую установку Москвы, сидели в тюрьмах. А желающих последовать их примеру пока не находилось, кроме жуликов. Никто не верил в серьезность новой установки. Все по опыту знали, что быть "частником" в советских условиях -- значит быть жуликом. Как только изменится установка свыше (а она непременно изменится!), всех "частников" разоблачат и посадят.

Чтобы угодить Москве, решили досрочно освободить из тюрем кое-кого из бывших "частников" и спекулянтов. В частности, освободили организатора подпольной швейной мастерской, изготавливавшей американские джинсы. Многочисленные мелкие мастерские по ремонту домашней утвари, обуви, одежды,

часов превратили в "частные" предприятия. Кроме того, открыли частный ресторан и частные зубные и гомеопатические больницы. Мастерские, упомянутые выше, всегда были очагами преступности. Государству они приносили доход ничтожный, зато работники мастерских наживались основательно. Их регулярно разоблачали и сажали в тюрьмы. Обстановку в них "оздоравливали" новыми честными кадрами. Но последние уже через несколько месяцев превращались в отъявленных жуликов. Превращая эти мастерские в частные предприятия, руководствовались тем соображением, что "частники" воровать будут не больше, чем государственные служащие, зато дело будут делать лучше. Первые дни такой расчет, казалось, подтвердился. Но вскоре в органы власти посыпались бесчисленные жалобы жителей. "Частники" воровали еще больше, а дело делали ничуть не лучше, чем их предшественники. Не лучше обстояло дело с частным сектором на колхозном рынке. КГБ арестовало одну старуху, которая ухитрилась со своего маленького приусадебного участка продавать на рынке овощей и мясо-молочных продуктов больше, чем четыре колхоза с количеством людей свыше двухсот человек. Местные прогрессивные экономисты, воспользовавшись неслыханной доселе свободой слова и установкой на гласность, написали кучу статей в газетах и журналах о достоинствах "разумного подхода к частной инициативе". Статьи эти произвели сенсацию на Западе. В Партграде, в свою очередь, восприняли западные восторги по поводу нового НЭПа как высшую похвалу. Высокопроизводительную старуху хотели было представить к званию Героя Социалистического Труда, но секретарь обкома партии по идеологии засомневался в том, можно ли частный труд считать социалистическим. Запросили Москву. Московские передовые мыслители заявили, что в известных условиях частный труд, служащий делу социализма, может рассматриваться как социалистический. Так бы и стала высокопродуктивная старуха Героем Социалистического Труда, если бы члены шайки жуликов, сбывавших колхозные овощи и мясо-молочные продукты через нее, не перегрызлись между собой и не настроили друг на друга доносы в КГБ. Старуху и жуликов, которые были руководителями этих колхозов, арестовали. Аресты напугали прочих "частников", и они резко сократили свою активность. Посоветовавшись с Москвою, товарищ Крутов предложил местному начальству старуху временно освободить, а по деревням провести разъяснительную кампанию, чтобы крестьяне спокойно везли продукты своей "частной" деятельности на городские рынки. Но больше всего славы области, а затем -- хлопот принесли два частных предприятия: мастерская металлических изделий и частный туалет, превратившийся в совместный советско-немецкий туалетный концерн. Частная мастерская металлических изделий (гвоздей, винтов, гаек, шайб, кнопок, скрепок, петель, дверных ручек, замков и т.п.) буквально в течение нескольких недель развила такую экономическую эффективность, которая превзошла все самые высшие мировые показатели на этот счет, включая даже японские. Хозяином мастерской назначили старого члена партии, бывшего начальника цеха Машиностроительного завода. В Партграде заговорили о "русском экономическом чуде", сопоставляя с японским и немецким. Статья с таким заголовком появилась даже в столичной прессе и в журнале "Коммунист". Ведущие экономисты страны, включая ближайшего советника Горбачева академика Обалдяна, написали обстоятельные работы с чрезвычайно умным объяснением

этого экономического феномена. Опыт этой частной мастерской в значительной мере способствовал решению высших властей переводить предприятия на систему самофинансирования или самокупаемости, так как мастерская не только окунала себя с лихвой, но сделала возможным успешное самофинансирование целого ряда предприятий города, включая упомянутый Машиностроительный завод.

Еще более успешным оказался опыт с частным туалетом. Возглавил его бывший директор комиссионного магазина, осужденный пять лет назад за крупные хищения на десять лет лагерей строгого режима, но досрочно освобожденный за "образцовое поведение в месте отбытия наказания" и даже восстановленный в партии с сохранением стажа. Туалет стал самым образцовым предприятием города, маяком перестройки в самом высоком смысле слова. По финансовому обороту туалет превзошел мастерскую металлических изделий и вышел в число крупнейших предприятий города. А главное -- туалет вступил в прямые контакты с западногерманскими фирмами, которые поставили ему оборудование высшего мирового класса, а также туалетную бумагу и различные туалетно-косметические средства. В газетах писали, что такие унитазы, какие установлены в партградском частном туалете, можно увидеть только в лучших мировых отелях и в виллах миллионеров, что даже у принца Чарльза и леди Дайяны унитаз и биде хуже партградских. При туалете вскоре открылся частный магазин, в котором можно было приобрести вещи высших мировых достижений туалетного дела. Кроме того, при туалете открылось еще одно частное учреждение, в котором граждан обучали, как правильно пользоваться достижениями туалетной цивилизации, частный медицинский пункт и еще кое-что, о чем знали все, но помалкивали во избежание нареканий в консерватизме.

Когда до Партграда дошла информация (не слух, а именно информация) о случаях заболевания СПИДом в Москве, туалетный концерн закупил сто миллионов презервативов в ФРГ по бросовой цене. Немцы собирались их выбросить на свалку как устаревшие. Партградцы презервативами не пользовались. Как писали в газетах, не доросли еще до такого уровня, отстали от Запада вследствие сталинского террора брежневского застоя. Но покупали презервативы охотно: в связи с инфляцией рубля презервативы циркулировали как валюта наравне с долларами, марками и Библией. -- Если перестройка продлится еще пару лет, говорил глава туалетного концерна, попивая баварское пиво и рейнское вино, -- мы возьмем в свои руки всю экономику области. А там, Бог даст, и советскую власть отменим. У меня в обкоме связи есть, поддержат. Парламентарную систему введем. Сахарова президентом поставим, Ельцина премьер-министром. -- На что нам сдался парламентаризм, -- возражала его супруга. -- Наш брат Иван к парламентаризму не приучен. Лучше монархию установим. Газеты пишут, кости царя нашли. Вроде бы кто-то уцелел. Неспроста это! -- Хорошая идея! А кого царем поставим? -- Солженицына, конечно, кого же еще?! -- Предложение принимается! Завтра же над каждой стоячей и сидячей точкой портреты его повесить! Комитет создать по поводу его возвращения на Родина! Ты во главе встанешь. -- Мне, Вань, хотелось бы в народные депутаты. -- Будет сделано! Выдвинем. Платформу свою придумаем. Нажмем на канцлера Коля и на Геншера. Помогут.

Тревоги руководства

В "Партградской правде" появилась восторженная статья о "русском экономическом чуде". После этого КГБ и милиция всерьез взялись за изучение секрета этого "чуда". Горбань встретился с Крутовым и имел с ним следующую беседу.

-- Ситуация с частным сектором получается не просто криминальная, -- начал Горбань, -- а сверхкриминальная. Вот стоимость продукции, произведенной ММИ за полгода.

-- Ого! Больше, чем Машиностроительный завод дал! -- Да. А ведь на заводе работает тысяча человек, тогда как в частной мастерской всего пятьдесят. Вот тебе установленные цены на продукцию мастерской. Возьми листок бумаги и раздели, если еще не забыл арифметику. А если забыл, попроси внука, он тебе вмиг расчет сделает.

-- Увы, не сделает. Теперь у нас, как на Западе, таблицу умножения даже профессора математики не знают.

-- Видишь, что получается? Эта ММИ должна была бы одними гвоздями всю область завалить, как снегом. А где они, гвоздочки-то? Поди, найди их в магазинах! -- Где?!

-- А вот где! Эти жулики в соответствии с московской установкой сами нашли рынок сбыта для своей продукции. Они сбывают ее тем, кто строит частные дачи, причем по ценам в десять раз выше государственных. Даже в Прибалтике и в Закавказье продают, сволочи! Что делать? Я обязан сообщить обо всем в Москву.

-- погоди, не торопись. В Москве на это все иначе смотрят. Может быть сумеем спустить все на тормозах. -- Мы с тобой не одни. Знаешь, сколько писем и 'В0 доносов уже поступило в управление?! Наш народ хлебом не корми, а дай кляузы сочинить. Они, мерзавцы, и в Москву пишут. Но мастерская- еще полбеда. Еще хуже дело с туалетным концерном. Тут, брат, нам не миновать фельетона в центральной прессе. Теперь у нас гласность, если пронюхают-- наверняка настрочат. Вся страна смеяться будет. В этом частном туалете всего четыре унитаза ("сидячих точки") и шесть писсуаров ("стоячих точек"). Вот тебе установленные государством расценки. Стоячая точка без мытья рук-- пятьдесят копеек, с мытьем рук -- рубль, с причесыванием у зеркала -- два рубля. Сидячая точка без бумаги -- рубль, с бумагой -- два рубля. Чтобы даже при таких живодерских ценах дать такой доход, какой туалет получил за эти полгода, нужно было бы, чтобы весь Партград ходил справлять нужду в этот туалет, причем каждый должен был бы занимать стоячую точку на одну секунду, а сидячую -- на две секунды. А по наблюдениям КГБ туалет пустовал. Посещали его лишь родственники да друзья "частников", причем -- бесплатно. Откуда, спрашивается, такие доходы?! А вот откуда!

И Горбань нарисовал Крутову такую картину организованной преступности международного масштаба, о которой он слышал от своего сына, читавшего западные книги и журналы и слушавшего западные радиостанции. В сознании Крутова всплыло сочетание слов "высшая мера", которое он еще не так давно произнес сам в связи с делом своего предшественника. Но тут он вспомнил беседу с Гробышкой. -- Не будем пороть горячку и впадать в панику. Люди полезное дело делают. Побеседовать с ними, конечно, стоит.

После беседы с частниками Крутов и Горбань получили в подарок от частных мастерских по золотому портсигару и по ожерелью для супруг, а от частного туалета по новейшему унитазу и по биде из ФРГ. Прогресс в Партграде брал свое.

Либерализация в Партграде

Либерализацию в Партграде сначала истолковали так, как ее и следовало бы истолковать в соответствии с традицией. Из лагерей и тюрем выпустили несколько искалеченных людей, считавшихся диссидентами. Зато провели такую воспитательную кампанию, после которой партградцы перестали даже рассказывать анекдоты, сочиненные в годы брежневского террора. Партградцы привыкли к тому, что когда начинают много говорить о свободе, то дело кончается арестами. Из учреждений стали изымать под разными предлогами политически неустойчивых сотрудников, особенно молодых. Милиция совместно с народными дружинниками совершила облаву на места, где продавались запрещенные книги. На улицах стали задерживать молодых людей с транзисторными радиоприемниками, приспособленными для слушания западных радиостанций.

Но вскоре по указанию из Москвы начались послабления. Появились "неформальные" объединения. Наибольшую известность из них в городе приобрели "липари" и "металлисты". Первые были молодые люди из района Новых Липок. Как правило, они были единственные дети в более или менее благополучных семьях, не сумевшие устроиться в приличные учебные заведения. Работали они лишь время от времени где придется. Спекулировали на черном рынке "заграничными вещичками" -- книгами, кассетами, транзисторами, джинсами, сигаретами. По примеру москвичей того же рода организовались в группы, объявив целью групп -- "культурное самовыражение и время провождение, независимое от комсомола и от марксизма-ленинизма". "Металлисты" же, разделяя программу "липарей", отличались от них тем, что одевались одинаково в заграничные куртки и джинсы, украшенные металлическими бляхами, и стриглись наподобие западных панков. Они были из рабочих семей и сами причисляли себя к "рабочему классу". Начальник областного управления КГБ Горбань сказал по этому поводу, что "у нас даже поддаваться тлетворному влиянию и разлагаться морально как следует не умеют".

В обкоме партии решили возродить диссидентское движение, но в таких формах, которые вполне укладываются в русло перестройки. Нашли одного бездарного и вполне преуспевающего писателя, которому однажды задержали на короткое время публикацию его сверхбездарного романа, и напечатали о нем статью в газете как о жертве брежневского "террора". Писатель однажды отсидел пятнадцать суток за хулиганство в пьяном виде. И это ему поставили в заслугу: был якобы репрессирован за критику брежневского бюрократизма и коррупции. Нашли не менее бездарного художника, отбывавшего когда-то наказание за растление малолетних. О нем тоже решили написать статью как о жертве брежневизма, устроить его выставку и рекомендовать его иностранцам как диссидента.

-- Надо проследить за тем, -- сказал товарищ Крутов, -- чтобы

освобожденные узники совести не вздумали на радости вместо обличения язв нашего общества заниматься его восхвалением. Сейчас это было бы неуместно.

Западники и славянофилы

Еще в брежневские годы в Партграде по примеру Москвы возродились движения славянофилов и западников. Сначала они были едины, поскольку все были за прогресс. Различались они сначала тем, что первые пили водку и кричали от удовольствия, а вторые тоже пили водку, но при этом вздыхали по виски и кальвадосу, о которых вычитали в книгах западных писателей. Но вот однажды вождь западников пренебрежительно отозвался о русском квасе. Хотя квас в Партграде давно исчез, вождь славянофилов заявил, что он такое оскорбление русского национального достоинства стерпеть не может. И пошло!! И кончилось полным разрывом и противопоставлением. Западники настаивали на приобщении Партграда к джинсам, бородам, колготкам, транзисторам, Хемингуэю, Бергману, Антониони и всему прочему, что на Западе стало неотъемлемым атрибутом жизни культурного человека конца двадцатого века. Славянофилы обвиняли Запад в бездуховности и звали к основам народной жизни, восхваляли частушки, народные обряды и героическое прошлое. Вождь славянофилов опубликовал статью "Запад нам не указ". В ней он призвал к возрождению обычая мазать ворота дегтем, если невеста потеряла невинность до вступления в брак. Статья наделала много шума. Народные массы в лице одной столетней глухонемой старухи поддержали это предложение. Но в практическом его исполнении возникли трудности. Выяснилось, что в городе нет ворот и нет дегтя. Но это было еще полбеды. Выяснилось, что нет народа. Сунулись в деревню. И в каждом доме увидели холодильник и телевизор. А все девки красовались в колготках, Даже спали в них. Парни же поголовно ходили в джинсах с американскими нашивками. После этого движение славянофилов пошло на спад. А потому прекратили существование и западники. С началом перестройки, однако, эти традиционно русские линии возродились вновь, причем -- в масштабах, какие были немыслимы не только в Партграде, но и в России вообще. Продолжением славянофильской традиции явилось патриотическое движение "Патриот", а западнической -- интернационалистское движение "Демократ". Расхождение между ними началось сразу же на политической почве, так как водку в магазинах купить было трудно и дорого, и все глушили самогонку.

Патриоты

Патриоты, следуя примеру московской "Памяти", начали с заботы об охране памятников старины. Но таковых, если не считать монастыря и нескольких церквей, не имеющих никакой архитектурной и исторической ценности и уже находившихся под надежной охраной предприимчивых попов, в Партграде не оказалось. Охранять было нечего. И тогда патриоты сделали открытие, потрясшее партградцев своей неумолимой логикой: памятники старины не

сохранились по той причине, что их умышленно уничтожили сионисты, космополиты и масоны, окопавшиеся во всех учреждениях страны. Эти темные элементы вообще виноваты во всех несчастьях русского народа. Не исключено, что это именно они в свое время подбросили змею, когда легендарный князь Олег справлял естественную нужду у стен будущего партградского Кремля. И строительство Кремля сорвали они, переслав деньги в Израиль.

Партградцы отнеслись к воззванию патриотов в общем и целом одобрительно. Только они столкнулись с некоторыми трудностями в его осуществлении. Во-первых, в Партградской области было очень мало евреев. Да и те, которые были, забыли о том, что они евреи. Этот факт патриоты истолковали как показатель хитрости евреев: мол, в такую глушь, как Партград, они не хотят поселиться. Это, мол, только всетерпеливые русские могут жить в таких свинских условиях. А евреи окопались в Москве, на более сытных местах и поближе к Западу. Во-вторых, "во всех звеньях партии" в Партграде не нашлось ни одного еврея, который окопался бы там. Тогда пустили слух, будто Жидков сам был наполовину еврей, а может быть на все сто процентов, что его настоящая фамилия не Жидков, а Жидов, что если он и не еврей, то его жена была явной еврейкой, что если они и не были евреями, то их дети были ярковыраженными жидами.

На выборах народных депутатов патриоты выдвинули своих кандидатов. Среди них -- упомянутых выше художника и писателя, а также супругу президента (как теперь стали называть заведующих) туалетного концерна Анну Спиридоновну (в народе -- Нюшку). Возглавив комитет по возведению Солженицына на русский престол, Нюшка стала популярной общественной деятельницей области, Ее избирательная платформа состояла из одного пункта: добиться выдачи по 'куску мыла на каждую жопу населения ежемесячно. Поскольку в городе в это время мыло днем с огнем найти было нельзя, платформа имела бешеный успех. Нюшка получила десять раз больше голосов, чем кандидат от КПСС второй секретарь обкома партии. На Западе заговорили о поражении коммунистов на выборах в парламент. Крупнейший эксперт по кремленологии объявил на этом основании о начале посткоммунистической эры.

Демократы

К демократам сначала присоединилось всего несколько личностей, которых в застойные годы посадили бы в "психушку" или выслали бы в "Атом". Во главе их встал тот самый чудом уцелевший студент, который в свое время подготовил первый номер нелегального журнала "Гласность". Его выпустили из лагеря с расчетом на то, что он будет действовать в духе перестроечной установки на гласность и демократизацию.

Демократы стали выпускать журнал "Демократ". Когда число участников движения перевалило за сотню, к нему примкнуло несколько преподавателей институтов и сотрудников научно-исследовательских учреждений. В их числе был доцент, по примеру знаменитого московского коллеги возглавлявший мировой славы. Он отпихнул студента и возглавил движение.

Демократическое движение, однако, зашло дальше, чем предполагало начальство. Вернее начальство начало вытворять фортели, о коих раньше не

могли помыслить даже диссиденты. Один из членов бюро обкома партии обвинил Крутова в непоследовательности и нерешительности в проведении перестройки, вышел из состава бюро, примкнул к демократам, отпихнул доцента и возглавил движение. На выборах народных депутатов он набрал больше всех голосов, создал оппозиционную парламентскую группу и заявил об образовании новой демократической партии. Группа выдвинула свою платформу со следующими требованиями: 1) передать всю власть Советам, превратив их в учреждения парламентского типа, 2) покончить с однопартийной системой, 3) передать средства производства тем, кто работает, землю передать крестьянам, а фабрики рабочим, 4) лишить органы управления командных функций, 5) превратить область в федерацию независимых районов, 6) не бросать битые бутылки на траву, не плевать на пол, не давить клопов и тараканов, не испускать сероводород по ночам, 7) разработать законодательство стояния в очередях, 8) разрешить партградцам выезжать на Запад возвращаться обратно в любое время суток без разрешения властей и прямо, минуя Москву, установив для этого прямую связь Партграда со всеми столицами мира.

После опубликования платформы демократов Партград погрузился в дискуссию, какой в стране не было с двадцатых годов. Возникли, в частности, такие проблемы. Что делать, если Советы не возьмут высшую власть в свои руки. Что делать, если трудящиеся не захотят вступать в другие партии? Кого считать работающим? Какие средства производства отдать в собственность учителям, врачам, музыкантам, артистам, милиционерам, бухгалтерам, солдатам, офицерам? Кто будет командовать производством, если органы управления перестанут это делать? Как быть с железными дорогами, с воздушным флотом и прочими предприятиями большого масштаба? Как быть с армией и разведкой? В чью собственность передать тюрьмы и лагеря?

Дискуссия настолько завладела умами и чувствами партградцев, что они забыли не только о повышении производительности труда, но и о поддержании его на прежнем низком уровне. Пьянство приняло размеры, каких не было в самые застойные годы.

Неокоммунисты

Самые большие тревоги партградского руководства вызвало образование группы неокоммунистов из студентов, школьников старших классов, молодых рабочих. Неокоммунисты заявили, что считают перестройку не революцией, а контрреволюцией сверху и изменой идеалам коммунизма, что они протестуют против оплевывания прошлого страны, что нынешнее руководство повинно в недостатках не меньше, чем брежневское и сталинское. Они организовали демонстрацию из нескольких десятков человек и двинулись к обкому партии с лозунгами: "Да здравствует коммунизм!" и "Отстоим положительные завоевания советской истории!". Из здания обкома к ним вышла Маоцзедунька. Под одобрительный хохот зевак она спросила, в чем именно неокоммунисты ("сопляки", как она их назвала) увидели положительные достижения советской истории в Партграде. Демонстранты пытались было ответить на вопрос, но им не дали говорить. По приказанию Маоцзедуньки "хулиганов" отвели в милицию, где их посадили на пятнадцать суток под арест. После освобождения они написали и

размножили "Новый коммунистический манифест", в котором провозгласили борьбу за идеалы и достижения коммунизма основной формой социальной борьбы на современном этапе истории. В советской прессе выступление некоммунистов расценили как провокационную вылазку консерваторов. В западной прессе о них упомянули мельком, да и то как о неосталинистах. Их без шума изъяли из города и отправили в "Атом". Главными врагами реального коммунизма вновь стали коммунисты-идеалисты.

Культурный ренессанс

Согласно официальным отчетам и газетам, в Партграде идет интенсивная культурная жизнь. В городе есть все, что есть в Москве, только масштабами поменьше и качеством пониже. Здесь есть и отделение Союза писателей, и отделение Союза художников, и отделение Союза композиторов. Писателей, например, здесь больше, чем было во всей царской России до революции.. Раньше здесь были свои Толстые, свои Чеховы, свои Горькие и Маяковские. Теперь времена изменились, и партградские писатели предпочитают считаться местными Хемингуэями, Ионесками, Дюрренматами, Стейнбеками, Гринами, Апдайками, Есть даже претенденты на местные Агаты Кристи, причем -- это главным образом мужчины. И местные художники теперь все суть Пикассо, Дали, Кандинские. А после того, как книжные спекулянты завезли в Партград альбомы современных западных художников, тут появились все течения современной западной живописи и графики. Особенно модными стали абстракционисты. Даже любители, никогда не державшие в руках кисти, вдруг обнаружили, что они в течение нескольких дней способны наляпать нечто такое, что сразу же выдвигает их в ряды самых прогрессивных художников мира, Конечно, такое положение сложилось не сразу и не без борьбы. Начальство и массы населения, руководимого начальством, долго сопротивлялись новым веяниям в культуре. После того, как эти новые веяния были разгромлены в Москве и, разумеется, во всех провинциальных городах, высшее руководство решило разрешить их до некоторой степени. В результате бывший партградский сюрреалист стал во главе Партградского отделения Союза художников, партградский авангардист стал во главе Партградского отделения Союза композиторов, а Партградский Камю -- во главе Партградского отделения Союза писателей.

О том, что в стране начался "культурный ренессанс", партградцы узнали из передач западных радиостанций ("голосов"), которые буквально стали захлебываться от восторгов по поводу свобод, предоставленных горбачевским руководством деятелям советской культуры. За это в Советском Союзе перестали их глушить. Жителям Партграда показали несколько на редкость плохих фильмов, которые якобы (согласно "голосам") были шедеврами киноискусства, за что были запрещены реакционным брежневским руководством. Затем в книжных магазинах появились не менее скверные книжки, которые, согласно тем же "голосам", были шедеврами литературы, за что были запрещены тем же реакционным брежневским руководством. Партградским театрам представили право самим определять свой репертуар и устанавливать цены на билеты. В первую неделю ранее пустовавшие театры наполовину заполнились зрителями, хотя цены на билеты увеличились

вдвое. Проводники горбачевского курса возликовали. В газетах появились огромные статьи с дифирамбами мудрому решению ЦК. Но в следующую неделю театры опустели совсем. Партградцы, убедившись в том, что ранее запрещенные спектакли были еще скучнее тех, которые разрешались, решили не тратить зря деньги на театры. Тогда билеты стали распределять по учреждениям и предприятиям города, обязывая комсомольцев и членов партии покупать их в порядке общественной нагрузки. Хотя профсоюзная организация оплачивала половину стоимости билетов, коммунисты и комсомольцы отказались их покупать, ссылаясь на горбачевскую же установку на "дальнейшую демократизацию" общества. А так как в Партграде не было иностранцев, которые, как в Москве, клюнули бы на удочку "культурного ренессанса", то в театральном ренессансе сложилась катастрофическая ситуация. Жаждавшие свободы творчества артисты и режиссеры попросились обратно под "жестокый контроль цензуры". Но их туда не пустили. "Хотели свободы, -- сказали им в обкоме партии, -- так и выкручивайтесь своими силами". Тогда актеры, считавшиеся самыми талантливыми и гонимыми, образовали свой "Независимый театр". Бездарный писатель-конъюнктурщик, прикинувшийся жертвой брежневского террора, срочно переписал пьесу живущего на Западе писателя, изгнанного из страны в застойные годы за критику Брежнева. Пьесу немедленно издали на Западе, и она принесла там партградскому мародеру сенсационный успех. Живущий на Западе писатель заикнулся было о плагиате. Но партградский жулик заявил, что написал пьесу двадцать лет назад, что она распространялась в "самиздате", и что писатель-эмигрант сам позаимствовал из нее. На Западе охотно приняли такое объяснение. Пьеса в Партграде успеха не имела. Зато театр выехал с ней на гастроли на Запад, где от нее были в восторге. Впрочем, на Западе восторгались русскими в том же смысле, в каком восторгались искусством папуасов, похлопывая по плечу и понимающе перемигиваясь.

Аналогичная ситуация сложилась для партградских художников. На их выставки жители города перестали ходить совсем, поскольку они еще не доросли до западных "измов", ранее запрещенных и недавно разрешенных в Партграде. О продаже картин и думать нечего было, так как основными покупателями произведений изобразительного искусства были государственные учреждения и предприятия, которые предпочитали портреты вождей и знаменитых граждан страны, и сцены из трудовой и боевой жизни общества. А иностранцев, которые могли бы за валюту скупать мазню партградских модернистов и авангардистов, в городе тоже не было. Тогда партградских новаторов решили послать с их мазней на Запад вслед за театром. И там они имели бешеный успех.

Наконец, писателям разрешили создать независимый кооператив с правом издавать книги по своему усмотрению. Кооператив попробовал издавать сочинения партградских писателей, которые якобы были написаны еще в брежневские годы, но были запрещены. Прочитав две-три книжонки такого рода, партградцы пришли к выводу, что в свое время правильно поступили, запретив эту белиберду. И перестали их покупать. Тогда кооператив начал печатать западные детективы и порнографию. И дела его пошли успешнее. Затем при кооперативе открыли столовую, в которой по сносным ценам продавали пельмени и котлеты. Эта продукция имела гораздо больший успех, чем книги. Члены кооператива стали приобретать квартиры, дачи и автомашины, выезжать на Запад, привозя оттуда компьютеры, видео и прочие заграничные вещички, имевшие спрос как на черном рынке, так и в скупочных магазинах.

Группа начинающих писателей попыталась издать в кооперативе сборник своих сочинений. Но их прогнали в шею, отослав в государственное издательство. Там отказались их печатать, посоветовав обратиться в кооператив. Молодые писатели послали сборник на Запад. На и там печатать не стали, сказав, что такой свободы творчества, как теперь в Советском Союзе, нет даже на Западе. И если уж независимый литературный кооператив не хочет их стряпню печатать, то это означает, что их вообще печатать не следует.

Религиозное возрождение

До революции Партградская область была очень набожной. Следы этой набожности сохранились до сих пор. Если верить западной прессе, они-то и послужат основой для религиозного возрождения в России. Вот один из характерных примеров глубокой набожности русского народа.

В Новых Липках в одной многосемейной квартире жили две старухи. Они ненавидели друг друга и всячески пакостили друг другу. И какие только пакости они ни измышляли! Бросить противнице кусок мыла в кастрюлю с супом было самым невинным делом для них. И вот одна старуха умерла. Другая злорадствовала: мол, покойную Бог наказал за ее пакости, а она еще поживет! -- Зря радуешься, бабка, -- сказал живой старухе сосед, которому в жилищном отделе районного Совета пообещали отдать комнату старух после их смерти. Покойная на том свете пожалуется на тебя Богу, расскажет, как ты ей в суп куски мыла бросала. И Бог пошлет ее за это в рай, а тебя -- в ад. -- Это не я ей, а она мне мыло в суп бросала! -- завопила возмущенная старуха. -- Ну, я этой стерве покажу! Я Богу всю правду о ней выложу!

Старуха решила как можно быстрее попасть на тот свет, чтобы оправдаться перед Богом и учинить какую-нибудь пакость ненавистной противнице. И в тот же день вечером она умерла, сжимая костлявой рукой кусок "хозяйственного" мыла -- самого отвратительного и дешевого мыла изо всех мыл, когда-либо существовавших в истории человечества. Отпевавший ее священник сказал, что покойная явила миру поразительный пример крепости веры. Похороны старухи превратились в своего рода демонстрацию. Стали поговаривать о том, чтобы присвоить старухе какой-то святой чин, кажется -- чин великомученицы.

До революции все дома в Партграде были увешаны иконами. Иконы висели даже в амбарах и сараях. После революции почти все церкви были закрыты, и иконы еще более обесценились. Антирелигиозная пропаганда и "раскулачивание" крестьян привели к полной инфляции икон. Ими топили печи, заколачивали окна и двери, чинили дыры в стенах и заборах. Но вот до Партграда докатился слух, будто в Москве иконы стали входить в цену. Это произошло уже после войны, Несколько предприимчивых мужиков нагрузили иконами мешки, свезли их в Москву, продали за приличные (по их представлениям) деньги и вернулись обратно пьяные и довольные. После этого начался иконный бум. Иконы целыми возами собирались по деревням и отправлялись в Москву. А цены на них все росли и росли. Это породило слух, будто самого Бога скоро реабилитируют, будто московские вожди потихоньку окрестились на всякий случай и прочее. Когда отремонтировали монастырь и открыли церковь в центре города, слух обрел силу достоверности. Хотя по всем партийным организациям разослали

закрытое письмо обкома партии, а пропагандисты на основе его провели широкую пропагандистскую разъяснительную кампанию, что это связано с вниманием к культуре прошлого и с разрядкой напряженности в мире, этому уже никто не поверил. Тяга к религии усиливалась с каждым днем. Наконец, в городе появились молодые люди с бородами, увешанные крестами и говорившие на "о". Они свели близкие знакомства с местными священнослужителями и верующими. Сняли на окраине города целый дом. Изъездили всю область. Возвращались в город только ночью, так что никто не видел, с чем. Это был самый светлый период в жизни области. Все ходили просветленные. Начальник милиции построил себе новую дачу. Многие работники руководящих учреждений приобрели новые машины. В городе замелькали модные заграничные вещи, зазвучали заграничные радиоприемники. Все чаще слышались слова "гуд-бай", "о'кей", "герлы", "босс". На Западе заговорили о начале религиозного возрождения в недрах России.

Вдруг грянул гром: бородатые молодые люди оказались московскими жуликами. Они за бесценно скупали в деревнях иконы и продавали в Москве иностранцам за валюту,

Религиозное возрождение пришло в упадок и заглохло бы совсем, если бы не началась перестройка.

Перестройка церкви

В ведение попов передали монастырь имени Ленина, в котором помещался музей атеизма. Монастырь был назван именем Ленина в качестве музея, а не монастыря. Но это название за ним сохранилось и после того, как часть монастыря отдали под настоящий монастырь и под Духовную семинарию. Монахи обязались сохранять ту часть монастыря, где помещался антирелигиозный музей, в образцовом порядке. И надо отдать им должное, слово свое они сдержали. Партградский епископ сказал по этому поводу во время встречи в Москве с религиозной делегацией из Западной Европы, что марксистское учение нисколько не противоречит христианскому учению.

Монахи "реставрировали" монастырь, т.е. почти полностью отстроили его заново, причем -- с учетом советской исторической концепции, идеологии и внешнеполитической ситуации. Реставрировали по последнему слову техники, включая компьютеры. Например, если экскурсовод хочет показать вам подземную камеру, в которую была когда-то заточена особа царского рода, он нажимает кнопку, пол раздвигается, перед вами открывается каменный колодец, на дне его вы видите чучело несчастной княгини, прикованное здоровой цепью к стене, вода начинает заливать пол, чучела огромных крыс забираются (кибернетика!) на возвышение, на котором на соломе лежит княгиня... Или экскурсоводу требуется охарактеризовать положение трудящихся в дореволюционной России. Опять-таки нажимается кнопка. Раздвигается стена камеры. За пуленепробиваемой прозрачной преградой вы видите подвешенное на дыбе чучело трудящегося. Еще нажим на кнопку. Трудящийся поднимается вверх, руки выламываются, стоящие по бокам чучела палачи начинают его бить батогами, а другие -- поджаривать ему пятки. И в это время вы слышите ледяной,

безэмоциональный голос экскурсовода: вот так, мол, жили трудящиеся нашей области до революции. А теперь повернемся на сто восемьдесят градусов! Еще нажим на кнопку. И перед вами залитая ярким светом панорама города. Вдали -- заводы. В небе -- самолеты и ракеты. Идут студенты в университет. Здоровые малыши купаются в бассейне и играют на детской площадке. Шикарная квартира рядового гражданина в разрезе. Тучные нивы. Тучные стада домашнего скота. Магазины, полные продуктов. Хотя посетители знают, что эти тучные нивы и стада, а также магазины с изобилием предметов потребления суть плод воображения отделов пропаганды райкома, горкома и обкома партии, зрелище все равно потрясает их. И они покидают монастырь имени Ленина с надеждой на то, что может быть действительно скоро появится колбаса и селедка в магазинах. На торжественное открытие монастыря и семинарии прибыли представители ЦК КПСС и культурных организаций, включая представителей антирелигиозного общества "Религия -- опиум для народа", представители всех дружественных церквей и религий, а также представители "Эмнистиинтернейшенел", Папа Римский не приехал, сославшись на запланированный визит на Галапагосские острова. Его за это осудили единодушно. Многие выступавшие говорили о том, что пора начать перестройку в Ватикане, что пап надо выбирать, по крайней мере, из двух кандидатов, причем -- не обязательно из католиков и даже не обязательно из верующих, что пора наконец-то на пост папы выбирать советского человека. Все сошлись на том, что первым советским папой должен стать сам Горбачев или в крайнем случае Ельцин. Последний даже лучше, так как он сейчас фактически безработный. А перестройку в Ватикане он устроит такую, что там через год забудут, как нужно креститься. Наконец, пронесся слух, будто Горбачев окрестился, чтобы привлечь православную церковь на сторону перестройки, затем сделал обрезание, чтобы завоевать симпатии американских евреев и Израиля, и по настоянию мусульманки супруги перешел в магометанскую веру, чтобы завоевать на свою сторону весь арабский мир. В Партграде возникли комитеты, агитировавшие за построение в городе мечети и синагоги, а также за поголовное обрезание. Членам партии и комсомольцам разрешили посещать церковь, исполнять церковные обряды, крестить детей. Особенно рекомендовали гражданам соблюдать Великий пост. Общество "Религия -- опиум для народа" предложило удлинить поет вдвое. Если все жители области будут поститься шесть месяцев в году,-- писали в газетах,-- то продовольственные трудности сократятся вдвое.

Перестройка образа смерти

Похоронным комплексом в Партграде называли кладбище совместно с моргом, крематорием, колумбарием и мастерскими по изготовлению надгробных сооружений (памятников, оград и крестов), урн для праха покойных, искусственных и естественных цветов.

Партградское кладбище является одним из самых замечательных во всей России. В центре кладбища находится крематорий, похожий на богатый дворянский дворец восемнадцатого века. Это производит удивительное впечатление. Товарищ Сусликов, бывший в свое время первым секретарем обкома

партии, в речи на торжественном открытии крематория заявил, что "глядя на такое величественное здание, испытываешь радостное чувство строителя нового общества". В газетах написали, что "в нашем городе вступило в строй новое предприятие по производству останков скончавшихся трудящихся, равного которому не только по мощности, но и по красоте нет в Европе". За крематорием -- колумбарий. Колумбарий тоже замечательный. Покойники в нем занимают точно такое положение, какое они занимали при жизни. Ритуал похорон через крематорий отработан настолько четко и артистично, что второй секретарь обкома партии (т.е. секретарь по идеологии) сравнил его с уровнем балета Большого театра. Он вроде бы даже внес предложение выезжать с крематорием на гастроли за границу. Но Москва отвергла его идею на том основании, что члены похоронной труппы полностью станут невозвращенцами. По словам того же главного идеолога области, Похоронный комплекс стал "составной частью нашего образа жизни".

Работников Похоронного комплекса в городе называют "тружениками загробного мира"; Их регулярно сажают в тюрьму за жульничество и взятки. Но вместе с тем, Похоронный комплекс является единственным рентабельным предприятием области, если не считать отделенную от государства церковь. Работники загробного мира первыми в области откликнулись на призывы высшего руководства начать мыслить по-новому и включиться в перестройку всего образа жизни страны. Хотя они имели дело не столько с образом жизни, сколько с образом смерти, они, как это и следовало ожидать от советских граждан, озабоченных прогрессом своего общества, решили проявить инициативу и начать перестройку всего образа смерти страны. Вечером они собрались в конторе кладбища.

Стол был уставлен и завален алкогольными напитками и закусками, какие теперь нельзя было достать даже в продуктовом распределителе обкома партии. Засиделись далеко за полночь. Заседание было очень содержательным и веселым. Были рассказаны все новые шутки и анекдоты про Горбачева, включая шутку насчет горбатого, которого способна исправить лишь могила. Между шутками и анекдотами обсудили и деловые проблемы. Сам заведующий Похоронным комплексом внес предложение вместо дорогостоящих и громоздких гробов хоронить покойников в целлофановых пакетах, предварительно расчленив трупы на мелкие куски. Секретарь партийной организации предложил делать могилы не горизонтальные, а вертикальные. Такие могилы будут занимать меньше места. Кроме того, для рытья таких могил можно использовать недавно привезенные из ФРГ машины для посадки деревьев. Тем самым в несколько раз повысится производительность труда копальщиков могил, и в этом отношении Похоронный комплекс выйдет на уровень мировых стандартов. Секретарь комсомольской организации внес предложение прессовать покойников.

Причем, при достаточно мощном прессе покойников можно будет помещать даже в спичечные коробки. В спрессованном виде их можно будет помещать в колумбарий. Тем самым облегчится работа крематория и сократится потребность в могилах. Главный инженер внес ценное предложение, касающееся борьбы с бюрократизмом и коррупцией: уволить сторожа, который брал взятки, и вместо него завести пару злых собак. Кто-то добавил, что для собак надо нанять двух собаководов. Председатель месткома сказал, что областной Совет профсоюзов одобрит эту инициативу насчет собаководов. Но сторожа увольнять не следует. Достаточно изменить его статус -- впредь называть привратником. Одним

словом, на другой день все партградские газеты напечатали обращение партградских трудящихся загробного мира ко всем работникам похоронно-могильного дела страны включиться в перестройку образа жизни страны на порученном им участке строительства коммунизма. Но, несмотря на все это, работников загробного мира опять посадили в тюрьму. На сей раз посадили не за взятки, а за дело более серьезное, можно сказать -- политическое. Взятки они, конечно, брали. А кто их в наше время не берет?! Особенность тут заключалась лишь в том, что они, как написали в своем письме старые коммунисты-пенсионеры в газету "Партградская правда", "наживались на человеческом горе и драли три шкуры с покойников". Эти коммунисты- пенсионеры написали также письмо в управление КГБ, в котором обратили внимание "чекистов" на то, что "на кладбище сложилась нездоровая атмосфера ". Как выяснилось, эта "нездоровая атмосфера" заключалась в следующем. В ответ на решение ЦК КПСС повысить эффективность работы предприятий сотрудники Похоронного комплекса взяли на себя социалистическое обязательство увеличить производительность своего предприятия вдвое, Но на их беду выяснилось, что темпы роста смертности в городе стали сокращаться. Что делать? Выход из положения нашли в том, что одних и тех же покойников стали хоронить по несколько раз и стали приобретать покойников за взятки в других населенных пунктах, В результате они скупили всех покойников в области, перевыполнив тем самым (по отчетам, конечно) план работы Комплекса в три раза. За это "труженики загробного мира" получили премии и награды. Но зато все другие кладбища области недовыполнили план, что снизило общие показатели области в общесоюзном социалистическом соревновании...

Старики и перестройка

Дом престарелых имени Н.К. Крупской построили в непосредственной близости от Похоронного комплекса. При этом руководствовались самыми высокими гуманными соображениями: как писали в газетах, "советские люди должны с уверенностью и с открытыми глазами смотреть в будущее". Были приняты во внимание и практические соображения. Поскольку престарелые люди умирают чаще, чем молодые, как писали в тех же газетах, затраты на их захоронение оказываются непроизводительно высокими. А так как Дом престарелых расположен почти что на территории Похоронного комплекса, не нужно было строить особый морг и тратиться на перемещение покойников к месту захоронения.

Дом стал "предприятием" (опять-таки газетное выражение) республиканского значения. В него со всей России свозили стариков, от которых хотели избавиться родственники. Устроиться в него было не так-то просто: число желающих превышало число мест. Поэтому приходилось давать большую взятку. Кроме того, начальство Дома использовало его как нелегальную гостиницу для всякого рода жуликов и спекулянтов, что сокращало число "рабочих мест" (газетное выражение) для престарелых.

На содержание обитателей Дома отпускалось средств меньше, чем на солдат. Сотрудники Дома обворовывали их во всем. В результате старики мерли, как мухи осенью. В городе это никого не волновало- старики были чужие. Кроме

того, в официальных отчетах это выглядело гораздо лучше, чем если бы старики жили долго: работу Дома оценивали по числу обслуженных душ. Городское начальство, контролировавшее Дом, получало солидные взятки от работников Дома и смотрело на происходящее в нем до поры до времени сквозь пальцы. Работники Дома, как и Похоронного комплекса, регулярно арестовывались за жульничество. Когда центральное руководство выдвинуло лозунг ускоренного развития, работники Дома встретили его с энтузиазмом. Они взяли на себя обязательство увеличить пропускную способность Дома. Но это превысило меру, и энтузиасты перестройки попали в тюрьму вместе с работниками загробного мира.

Еще задолго до "перестройки" обитатели Дома престарелых занимались спекуляцией, перепродажей ворованных вещей, сводничеством и самогоноварением, чтобы как-то заработать на существование. В свои мелкие махинации они вовлекали обслуживающий персонал. Последний в конце концов брал бразды правления в свои руки, и в Доме образовывались гангстерские банды из стариков и старух. Эти банды время от времени разоблачались. Персонал судили, а стариков отправляли в морг. Но на смену павших бойцов становились новые, и в Доме с удвоенной силой вспыхивал черный бизнес. С началом горбачевской антиалкогольной кампании Дом превратился в один из крупнейших центров спекуляции алкогольными напитками и самогоноварения. Милиция однажды произвела тотальный обыск в Доме. Почти в каждой комнатухе был обнаружен самогонный аппарат. Старики устроили настоящее восстание, когда милиция попыталась изъять аппараты. Они забаррикадировались в комнатухах, угрожая спалить Дом со всеми обитателями. После консультации с Москвой стариков решили оставить в покое, полагая, что они сами скоро вымрут. Расчет был верный: половина умерла через пару дней, не выдержав нервного напряжения. И Дом престарелых заселили еще здоровыми пенсионерами. Они оказались умнее и предприимчивее предшественников. Совместно с частниками они организовали преступный синдикат с международными связями. В их среде зародилась идея прорубить через Партград если не окно, то дыру в Европу, превратив Партград в открытый для иностранцев город.

Борьба с коррупцией

Коммунизм не изобрел коррупцию. Но он и не уничтожил ее. Наоборот, он придал ей новые силы и формы. В задачу упомянутого выше органа по борьбе с бюрократизмом входило также руководство борьбой с коррупцией. Уже тогда коррупция приняла неслыханные ранее масштабы; В течение всей советской истории с коррупцией велась систематическая борьба. Но искоренить ее так и не удалось. И это не случайно. Коррупция оказалась естественной для коммунистического общества формой распределения и перераспределения жизненных благ. Фактически здесь принципом распределения стал не принцип "По труду", а принцип "Каждый имеет столько, сколько он может урвать от общества, используя свое социальное положение". Лицам в системе власти и управления приходится быть коррумпными не столько в силу возможностей их положения, сколько в силу необходимости, в силу условий самой системы. Человек, уклоняющийся от коррупции, не может нормально и долго работать в

этой системе.

Надо различить коррупцию как социальное явление и как преступление. Юридической оценке подлежат лишь отклонения от неких неписанных норм и правил коррупции, а не сама она как таковая. Причем, это делается на основе особых распоряжений сверху ли согласованных решений местных властей. Когда начинается кампания по борьбе с коррупцией, то отбираются подходящие кандидатуры на роль козлов отпущения и по их поводу подымается шумиха. Обвинения в коррупции используются также как средство дискредитации противников и конкурентов. Горбачев, например, обвинил в коррупции Гришина, став генсеком. А если бы генсеком стал Гришин, он обвинил бы в коррупции Горбачева.

Горбачевская кампания против коррупции имела главной задачей скомпрометировать бывших брежневцев, выбросить их из аппарата власти и насадить на их место своих людей. Первой жертвой этой кампании пал Портянкин. В Партграде козлом отпущения стал Жидков, бывший ставленником Брежнева. На его место пришел горбачевец Крутов, который в отношении коррупционности превосходил Жидкова раза в два по крайней мере. Над Жидковым хотели устроить образцово-показательный процесс. Хотели предать гласности махинации его "мафии". Но он умер, Газетные статьи с разоблачением его особого эффекта не имели. Нужен был живой козел отпущения, который сам помог бы сыграть спектакль должным образом. На совещании в обкоме партии долго искали подходящую кандидатуру, такую, чтобы и волки остались целы, и овцы были сыты (так но ошибке перефразировал старую поговорку сам Крутов, но именно в такой форме она отвечала сути проблемы).

Выручил журнал "Демократ". В первом его номере была статья о партградских миллионерах, получающих официально мизерную зарплату, не занимающих высоких постов, но практически играющих огромную роль в жизни области. Были названы имена десяти "фактических хозяев области". Номером один среди них шел Гробыка. Но его на совещании в обкоме обошли молчанием. Все собравшиеся так или иначе имели с ним дело. И сам Сусликов ему покровительствовал. Если его тронуть, скандал может выйти на всю планету. Все высшие лица области и кое-кто в Москве могут оказаться скомпрометированными. Вторым в списке подпольных миллионеров шел завхоз протезного комбината. Тот тоже держал в своих руках десятки должностных лиц области, но рангом пониже. Кое-кем из них можно пожертвовать. Да и связи завхоза с должностными лицами не столь явные, как в случае Гробыки. Их замаять можно, их можно обнаружить ровно настолько, насколько это требуется в данной политической ситуации. Завхоза и решили сделать образцово-показательным преступником, на разоблачении которого решили продемонстрировать серьезность начавшейся борьбы за оздоровление советского общества, Создали для этого специальную комиссию. Последняя обнаружила следующее.

Коммунистическое преступление

Есть преступления, общие всем временам и народам, всем типам общественного устройства. Но есть преступления, которые неразрывно связаны

со спецификой данного времени, данного народа, данного социального строя. То, что обнаружила комиссия обкома партии, было преступлением специфически коммунистическим.

Каждое советское учреждение украшено бюстами и портретами классиков марксизма, руководителей партии и правительства и других знаменитых личностей, а также лозунгами, плакатами, репродукциями и копиями картин известных советских художников и классиков мирового искусства. Члены комиссии подсчитали число и стоимость этих ритуальных украшений в комбинате. Цифры получились устрашающие. Гранитная четырехметровая статуя Ленина перед главным корпусом. Две гипсовые двухметровые статуи Ленина внутри помещений. Одна из них окрашена под бронзу, другая -- под белый мрамор. Шесть четырехпудовых бюстов Ленина, восемь трехпудовых, двенадцать пудовых и менее. Один трехпудовый бюст Маркса и три пудовых. Почему-то классики марксизма измерялись именно в пудах, а не в фунтах и килограммах. Число портретов классиков марксизма, руководителей партии и правительства, всякого рода знаменитых и чтимых личностей перевалило за многие сотни. Плюс к этой красоте, которая находилась на виду, обширные подвалы комбината были битком набиты добром того же рода, оставшимся от прошлого и закупленным про запас. Огромное помещение занимали статуи, бюсты, портреты и картины с изображениями Сталина, Бери, Маленкова, Хрущева; Брежнева и прочих деятелей прошлого. Поразительно, что "произведений искусства", посвященных Брежневу, оказалось больше, чем посвященных Сталину. И стоимость их в два раза превзошла стоимость сталинских. Особый подвал был заполнен предметами для демонстраций и праздников. -- Ничего себе музейчик, -- резюмировал впечатления членов комиссии ее глава. -- По сравнению с ним Эрмитаж и Лувр суть жалкие коллекции любителей. А что же должно твориться в более крупных учреждениях?! А во всей области?! А в масштабах всей страны?! Члены комиссии хохотали до слез, разглядывая портреты руководителей области, в особенности покойного Жидкова и здравствующей Маоцзедуньки. Последняя была изображена в виде Моны Лизы на фоне свинарника. -- Напрасно смеетесь, -- сказал эксперт из Союза художников. -- Через пятьсот лет эта картина будет стоять подороже Сикстинской Мадонны. Если уцелеет, конечно. Ведь и над Сикстинской Мадонной в свое время смеялись. Ее случайно нашли в каком-то сарае. -- А что, если это говно, извиняюсь за грубое выражение, вывозить на Запад продавать там, -- заметил представитель милиции. -- Наверняка там найдутся любители, которые за это большие деньги дадут. А валюта нам теперь очень нужна. Завхоз ухитрился украсть за счет идеологических шедевров огромные деньги. Оказалось, что на эти шедевры были установлены цены, в которых непосвященные разобратся не способны. Например, статуя Ленина высотой в два с половиной метра стоит на тысячу рублей дороже, чем статуя высотой два метра тридцать пять сантиметров. Стоит сделать подставку на десять сантиметров потолще и прикрыть ее красной тряпкой, как все будут воспринимать укороченную статую за двухсполовинометровую. А тысячу рублей завхоз вместе с жуликом из скульптурного комбината кладет в карман. Поделившись, конечно, с директорами, председателями месткомов и другими посвященными. Еще труднее заметить разницу между трехпудовым и двухсполовинопудовым бюстом Брежнева, поскольку второй по объему такой же, он лишь внутри пустее на восемь килограмм. А стоит первый на пятьсот рублей дороже, чем второй, Портрет Брежнева размером два метра на полтора в

золоченой раме одного образца стоит на две тысячи рублей дороже, чем портрет того же Брежнева размером два метра на метр сорок пять в золоченой раме другого образца, почти ничем не отличающегося от первого.

Короче говоря, за десять лет работы в комбинате завхоз построил дачу, купил в кооперативе по квартире себе, сыну и дочери, купил по автомашине себе и сыну, регулярно отдыхал на лучших курортах страны. Заботясь о себе, он не забывал и начальство, делая им ценные подарки. А они сквозь пальцы смотрели на махинации предприимчивого завхоза.

-- Этот подойдет, -- сказал Крутов, ознакомившись с материалами комиссии. -- Старый коммунист, ветеран войны, лично с Брежневым встречался, с Жидковым пьянствовал, в партийной школе учился. Он сам знает, как нужно вести себя на суде. Пообещаем дать малый срок со скорым освобождением по амнистии, и он сделает все, что нужно. И всему миру будет видно, как мы боремся с коррупцией, не взирая на лица. -- Будет неплохо, если он выступит с призывом ко всем жуликам страны включиться в борьбу с коррупцией и поддержать перестройку, -- предложил Горбань.-- Отличная идея, -- воскликнул Крутов. -- Почин партградских жуликов подхватят миллионы жуликов по всей стране.

Перестройка сферы преступности

Кто-то из работников обкома партии сказал в шутку, что в сфере преступности мы смело можем конкурировать с Западом. Начальник областного управления милиции товарищ Рылов сказал следующее.

Сфера преступности является точным слепком с общества. Каждый тип общества развивает свой тип преступности со своими характеристиками. Собственно говоря, сфера преступности в некотором роде есть часть экономики. Но хватит теории. Конкретнее. Надо различать коммунистическую и капиталистическую эффективность. Если бы десятую долю совершаемых в Партграде преступлений предали гласности, Партград вошел бы в число самых знаменитых по преступности городов мира. Но если бы при этом предали гласности величину производительности труда преступников, т.е. то, ради чего совершаются преступления, то Партград стал бы посмешищем во всей гангстерской части человечества. Вот вам только некоторые данные на этот счет.

В пятидесяти случаях из ста преступления у нас совершаются бескорыстно. Это, можно сказать, преступления ради преступления, или чистые преступления, подобно тому, как бывает искусство ради искусства, или чистое искусство. При капитализме же процент чистых преступлений ничтожен, близок к нулю. Погоня за прибылью ("голый чистоган") захватила там сферу гангстеризма полностью. Вот несколько цифр, выявляющих бескорыстный характер нашей преступности. За последние три месяца в области было выбито стекол 516, выбито зубов 78, сломано ног и рук 25, сломано ребер 36, выбито глаз 18, просто набитых морд 987, И все это совершенно бескорыстно. А порою преступники даже от себя приплачивали. В тридцати случаях из ста выручка преступников у нас не превышает десяти рублей. Мы такие преступления называем поллитровыми, поскольку на десять рублей теперь можно купить лишь пол-литра самогонки. В

пятнадцати случаях из ста выручка преступников достигает пятидесяти рублей. Мы такие преступления называем ресторанными, поскольку выручка тут же пропивается в ресторане. И лишь в пяти случаях из ста выручка преступников превышает сто рублей. Мы такие преступления называем пенсионерскими, поскольку преступники в таких случаях могут откладывать десять-двадцать рублей на черный день и на старость. Как известно, грабители у нас до сих пор не получают пенсию по старости, так как они не имеют документов, подтверждающих их трудовой стаж. Общая стоимость награбленного в Партграде за последние десять лет была меньше стоимости ювелирных изделий, которые один западногерманский министр украл всего лишь за одну ночь. Этот министр днем сражался в бундестаге за прирожденные права человека, а по ночам в порядке хобби грабил близлежащие ювелирные магазины, -- вот что значит подлинная демократия.

Возьмем теперь технологический аспект нашей преступности. Застойный период тут сказался сильнее, чем в других сферах строительства коммунизма. Вот лишь некоторые данные на этот счет. Только за шесть месяцев накануне перестройки в городе было прибито кирпичом по голове 137 человек. Из них 50 не было добито до конца из-за плохого качества кирпича. За это время было заколото отверткой, ножницами, вилкой и другими бытовыми предметами 207 человек, задушено веревкой, ремнем, чулком и другими гибкими предметами 48 человек, утоплено в ванной, в корыте и других емкостях с жидкостью 37 человек. И лишь один случай покушения с пистолетом! Покушавшийся сделал 16 выстрелов в собственную супругу, весившую 100 килограмм. И промазал, хотя стрелял с расстояния в 10 шагов. Промазал из-за неисправности пистолета. В наказание за небрежное обращение с оружием пришлось отобрать у него почетную грамоту "Отличный стрелок". Одним словом, с точки зрения экономической эффективности и технологической оснащенности наших преступников мы не можем конкурировать с Западом.

Но прошло всего несколько месяцев перестройки, и товарищу Рылову пришлось в корне изменить свою позицию. В Партграде появились все виды современной преступности, которые раньше он видел лишь в западных кинофильмах и искренне считал невозможными в своем родном городе. Расширение частного сектора породило организованный рэкет. Многие частники хотели было закрыть свои предприятия, но было уже поздно: бандиты заставили их продолжать дело, угрожая расправой. Другие частники стали нанимать бандитов и воров защищать их от мафии. Так возникла другая мафия, конкурировавшая с первой. После ряда кровавых стычек они объединились и взяли под свой контроль весь частный сектор города. В результате условия труда частников оказались более тяжелыми, чем в государственных предприятиях, а материальная выгода свелась к минимуму. И в среде частников стали возрождаться идеи Оуэна, Фурье, Прудона и даже Маркса, что не соответствовало установке Москвы считать марксизм устаревшим.

Мафия взяла в свои руки производство и распространение наркотиков.

Наркотики стали изготавливать из местного сырья -- из ядовитых грибов, из клопов, из солдатских портянок и отходов атомного предприятия. Наркотики получались необычайно сильные. От одной капли человек приходил в состояние полного одурения на целую неделю. Для употребления их не требовались никакие приспособления. В подражание американскому "крэку" их называли "дрэком".

Мафия монополизировала также всю сексуальную индустрию. Открылись курсы

по повышению технологии секса. Они оттеснили куда-то на задворки гомеопатов, йогов и целителей. Открылась школа по подготовке высококвалифицированных проституток и "проституттов", которых стали называть сексологами. Конкурс желающих поступить в школу превысил конкурс в университет. Принимали в школу только с хорошей характеристикой от пионерской или комсомольской организации. Почти легально стали выпускать порнографическую литературу, назвав ее эротической. По аналогии с западными журналами "Плейбой" и "Плейгел" стали выходить ежемесячные журналы, в названиях которых фигурировали названия мужского и женского половых органов. Очереди за журналами выстраивались с вечера и были длиннее очередей за перестроечными органами печати "Искорка" и "Партградские новости". Наконец, открылся клуб "Интимных встреч". О нем на Западе писали, что он возродил лучшие бордельные традиции, соединив их с достижениями мировой сексоинженерии.

Мафия приобрела огромную силу и вступила в конкурентную борьбу с туалетным концерном. Последний создал для самозащиты свою вооруженную охрану. Начались битвы, какие партградцы ранее видели лишь в американских фильмах о старом Чикаго. Ни одной ночи не проходило без перестрелки.

Начали похищать людей и требовать выкуп. Результат оказался обескураживающим: родственники похищенных, как правило, готовы были приплатить от себя, лишь бы похитители не отпускали похищенных. И этот вид преступности не привился. Начались также ограбления банков, магазинов и складов. Но и тут прочной традиции не сложилось: инфляция лишила деньги соблазна, а в магазинах и складах нечего было взять, их обчистили жулики старого образца.

Не привились- в Партграде и захватывающие дух погони на автомашинах.

Частные автомашины оставались еще труднодоступными. Их владельцы предпочитали прятать в гаражах и сараях по целому ряду причин: с бензином трудности, запасных частей нет, жаль дорогую вещь портить. Да и улицы в городе перерыты, особенно не разгонишься. Так что если тут и ° случались погони, то главным образом на четвереньках. Об одной такой погоне писали в газетах. На подпольном самогонном заводе изобрели новый напиток "горбачуху", одной капли которого хватило бы отравить средний европейский город. Милиция получила задание захватить самогонщиков живьем, чтобы раскрыть секрет напитка. Дыхнув паров "горбачухи", милиционеры потеряли способность передвигаться на ногах и должны были гнаться за уползавшими самогонщиками на четвереньках.

Нет худа без добра

Прогресс преступности имел, однако, и положительные последствия.

Поскольку из-за "дрэка" снижался аппетит, люди стали меньше есть, и это стало одним из источников улучшения продовольственного положения области, Не выдержав конкуренции с мафией, разорились подпольные миллионеры старого образца. Потерпел финансовый крах и Гробыка. В материальном отношении он пал ниже исторического Чаадаева, не приобретя его популярности мыслителя. Его объявили не сумасшедшим, а просто дураком. Мыслителей в городе появилось теперь такое изобилие, что от них проходу не стало. Повсюду слышались имена

Бердяева, Розанова, Соловьева и прочих мудрецов прошлого. Им простили все то, что они говорили и делали против коммунизма и советского общества, и даже возвели это в добродетель. Гробыка с горя запил "горбачуху", закусывая пригоршнями "дрэка". Библиотеку он продал частично на черном рынке за полцены, а советских авторов продал на вес на макулатуру, из которой делали бумагу для порнографических журналов, для "Патриота" и "Демократа".

По телевидению стали показывать двадцатисерийный фильм "В новом Партграде" о расцвете гангстеризма. Фильм завладел душами партградцев. На время показа фильма они бросали все дела, включая политические собрания и пьянство, и кидались к телевизорам. Город замирал на это время подобно итальянским городам во время футбольных матчей. Власти сделали из этого практические выводы. Когда начались забастовки на заводах, гангстерские фильмы стали показывать по одному из каналов телевидения круглые сутки. Забастовки прекратились, так как забастовщиков нельзя было оторвать от телевизоров даже обещаниями выдать бесплатно по чекушке "горбачухи".

-- Нет худа без добра, -- сказал по этому поводу Крутов. -- Когда перестроечная муть кончится, мы кое-что из нее возьмем на вооружение. В конце концов, что нужно народу? Хлеба и зрелищ. Так было. И так будет во веки веков.

Перестройка правосудия

В Москве заговорили о необходимости либерализовать систему правосудия. В Партграде эти идеи нашли самую благоприятную почву. Это и понятно: по крайней мере треть взрослого населения области составляли заключенные и бывшие заключенные, а другую треть -- будущие заключенные и потенциальные преступники. В партградской прессе были выдвинуты и широко обсуждались идеи, приведшие в смущение даже выдавших на этот счет виды западных специалистов. Вот несколько примеров этих идей.

Принцип "Не пойман -- не вор" устарел. Теперь надо мыслить по-новому.

Если тебя поймали на месте преступления, ты вызываешь своего адвоката. Последний ведет переговоры с органами правосудия. Ты на это время можешь ехать на курорт, и пострадавший обязан оплатить расходы. Конечно, после суда, если таковой состоится, и если тебя признали виновным, ты будешь обязан вернуть часть денег пострадавшему. Пострадавший обязан предоставить бесспорные доказательства того, что он на самом деле пострадал и пострадал именно от данного индивида. Если адвокат обвиняемого находит доказательства недостаточными, против обвинителя возбуждается судебное дело. Пострадавший не имеет права оказывать сопротивление преступнику, если не установлено и не подтверждено судом, что он на самом деле пострадавший. Обвиняемый имеет право выбирать судей и народных заседателей из двух и более кандидатов. Если судья был трижды забаллотирован обвиняемыми, его дисквалифицируют. Заключенным предоставляется самоуправление в местах отбывания наказания. Сократить охрану, ликвидировать решетки и проволочные заграждения, поскольку они унижают достоинство заключенных. Семьям осужденных разрешить отбывать заключение вместе с ними. Предоставить заключенным свободу передвижений и деятельности в течение двенадцати часов в сутки. Вот в таком духе заработали

мозги партградских либеральных мыслителей.

Тюремное и лагерное начальство отнеслось к этим идеям серьезно и по своей инициативе начало перестраивать тюремно-лагерный режим. К счастью для партградцев, места заключения окружили воинскими частями. Иначе в них не осталось бы ни одного человека.

Возник кооператив свободных адвокатов. Он взял под свою защиту преступный мир. Уголовники стали заниматься грабежами, мошенничеством и хищениями социалистической собственности совместно со своими адвокатами.

Перестройка в сумасшедшем доме

От обитателей психиатрической больницы долго скрывали, что в стране началась перестройка. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. В больницу в большом количестве стали прибывать сумасшедшие нового, специфически перестроечного образца. Это были горбачевы, ельцины, сахаровы, солженицины, троцкие, бухарины, тухачевские, власовы, николаи, анastasии, столыпины и имитаторы прочих личностей, ранее считавшихся эксплуататорами, реакционерами, врагами народа, предателями, а теперь возводимых в ранг невинных жертв сталинского террора, идейных борцов против сталинизма и гениев, предвосхитивших горбачевскую перестройку. Сначала их не решались сажать в больницу, поскольку они отличались от нормальных людей лишь несколько повышенной возбудимостью. Но они не остановились на уровне общего помешательства и стали требовать раздачи всех средств производства в частную собственность, ликвидации партии и КГБ, открытия границ, роспуска армии, разделения страны на множество независимых государств и многого другого, чего не хотели даже самые заядлые перестройщики и западники. Нависла угроза полной дезорганизации жизни города, так как сумасшедших было трудно отличить от здоровых перестройщиков, и население воспринимало бред сумасшедших как дальнейшее развитие идей Горбачева. Лишь после того, как психи обвинили Горбачева в том, что он не настоящий Горбачев, а подмененный в КГБ, руководители области собрались на экстренное совещание. После бурных дебатов, в которых чуть ли не половина собравшихся встала на сторону сумасшедших, последних решили временно изолировать от общества. Мотивировка была такая: перестроечные психи слишком далеко забежали вперед в обновлении общества, как в свое время диссиденты в критике застойного периода и сталинизма. Как только кончится перестройка, так этих новых психов, опередивших свое время, выпустим на волю.

Сумасшедших перестройщиков стали потихоньку забирать в "психушку". По ошибке схватили ряд здоровых граждан, искренне поверивших в обещания и призывы Горбачева. Сначала их хотели было выпустить. Но по здравом размышлении решили, что они опаснее больных, и их изолировали в отделении для особо опасных преступников.

Эти перестроечные психи и энтузиасты и принесли в психиатрическую больницу вести о перестройке. В больнице начало твориться такое, что, по словам самого Крутова, не увидишь даже в сумасшедшем доме. Психи нового образца потребовали самоуправления, невмешательства врачей в процесс лечения и перевода больницы на самоизлечение (наподобие самофинансирования),

свободы свихивания с ума как неотъемлемого права человека. Психи старого образца объявили все это контрреволюцией и потребовали введения в больницы военного режима. Их стали выгонять на волю. Улицы города заполнили наполеоны, ленины, сталины, робеспьеры, хомейни, маоцзедуны, дзержинские, гитлеры, муссолини и прочие представители ушедшей в прошлое эпохи. Они гадили, где попало, хватали все, что попадалось под руку, и вытворяли такое, что многие граждане стали проситься в больницу, где, по слухам, царила подлинная демократия.

Рабочее движение

Перестроечное брожение умов началось в Москве и оттуда распространилось на провинцию. В провинции оно; в свою очередь, сначала захватило "мозговую" верхушку, т.е. руководство и близких к нему "интеллектуалов", и затем распространилось на прочие слои населения. Таким образом и здесь оно шло от волевого и интеллектуального центра к прочим частям социального организма. Таким путем оно дошло до предприятий области. Начались забастовки. Работники предприятий выдвинули требования, суть которых сводилась к следующему: поддержать экономическую реформу Горбачева, убрать "консерваторов" со всех постов и поставить на их место горбачевцев. Так что забастовкой были довольны не только на Западе, где ее расценили как признак приближающегося краха коммунизма, но и в Москве, где в ней усмотрели признак успеха идей перестройки. Были выдвинуты и другие требования, например -- улучшить продовольственное снабжение и бытовые условия. Руководители области признали требования справедливыми и обещали принять надлежащие меры. Попросили только подождать с мылом, пока не будет построен завод мыла и стирального порошка, Этот завод должны построить американцы как пример сотрудничества капитализма и коммунизма.

Национальное движение

Население области на 90 процентов было этнически русским. Десять процентов нерусских образовали выходцы из других мест, приехавшие сюда в качестве преподавателей институтов, музыкантов, инженеров, партийных работников и представителей прочих непроизводительных профессий. Они вошли в привилегированный слой области и никогда не помышляли о каких-то особых национальных правах. И все же пробуждение национализма в Прибалтике и Закавказье не прошло незамеченным в Партграде.

В одном из районов области испокон веков жило несколько деревень бордян. Сами они считали себя русскими и не знали никакого другого языка, кроме русского. В университете работало несколько выходцев из этих деревень. Они-то и открыли в каких-то архивах, что жители этих деревень были насильственно обращены в православие и руссифицированы. Услышав о том, что прибалты взбунтовались против русского владычества и стали добиваться независимости, бордянские интеллектуалы решили пробудить национальное

самосознание у своих односельчан. Упившись "горбачухи", потомки бордян потребовали от областного начальства предоставить им автономию и свою конституцию, дать право говорить на своем родном языке, ввести свои деньги, причем -- конвертируемые. Приехавшие из города представители власти разъяснили взбунтовавшимся бордянам, что на бордянском языке сейчас в мире никто не говорит. А на изучение бордянской письменности нужно кончать университет и потом лет десять корпеть в научном кабинете. Из особых денег для бордян ничего хорошего не выйдет, так как иностранцы на них ничего купить не смогут. Отделиться от области бордяне не могут, так как их деревни находятся в середине области. Если они захотят куда-то переселиться, им препятствий чинить не будут. Но куда? Никто не знает, где была их историческая родина. В США их сами американцы не пустят, они уже сыты по горло советскими эмигрантами. В Сибирь -- в любое время. Выслушав такие речи, потомки бордян еще раз упились "горбачухи" и набили друг другу морды, в первую очередь -- своим родным интеллектуалам. Что произошло потом, сведений не имеется.

Массовое сумасшествие

Покатившись в каком-то направлении, страна, лишенная внешних препятствий и внутренних тормозов, должна была докатиться до самого дна пропасти. Партград долго сопротивлялся этому качению в силу провинциальной инертности. Но покатившись, скоро наверстал упущенное и стал катиться вровень с Москвой. В Партграде перестали употреблять понятия и утверждения марксизма-ленинизма. О Марксе как будто позабыли совсем, а о Ленине стали говорить даже не столько в противопоставлении Сталину, сколько с намеками на то, что "с него все это и началось". Преподаватели философии, марксизма-ленинизма и истории КПСС, пропагандисты и вообще работники идеологии стали стыдиться своей профессии, скрывать ее и вместе со всеми покатались в идеологический хаос и цинизм.

Процесс идейного разложения общества дополнился общим кризисом морально-психологического состояния населения. Началось состояние, для которого трудно подобрать иное название, кроме как массовое сумасшествие. Всякого рода шарлатаны всплыли на поверхность и стали популярными. Власти стали относиться к ним с почтением, предоставляя им страницы газет и журналов, телевидение, помещения для выступлений. В Партграде в огромном количестве появились пророки, гадалки, целители. Кульминационным пунктом этого массового сумасшествия стало появление на экране телевидения выпущенного из сумасшедшего дома Ивана Лаптева, знаменитого в свое время в городе целителя и проповедника, имевшего намерение создать свою собственную религию "лаптизм".

Помнившие Лаптева партградцы узнали его с трудом: он поседел, сбрил усы и бороду, потолстел, вернее распух, так как на харчах сумасшедшего дома, как известно, поправиться было трудно. Его представили как легендарную личность, наделенную необыкновенными целительными способностями, несправедливо пострадавшего в застойные брежневские годы. Сообщили также, что он получает свою целительскую энергию непосредственно из каких-то отдаленных миров,

предположительно -- от звезды Сириус, и может передавать эту энергию другим людям и даже неживым предметам, причем -- передавать даже посредством телевидения. Сеансы Лаптева по телевидению стали регулярными. На это время партградцы кидались к телевизорам. Чтобы приобрести целебную энергию про запас, перед телевизорами ставили кастрюли и ведра с водой, а также банки с мазями. Лаптев мысленно сосредоточивался на Сириусе и, вытянув вперед длинные пальцы, начинал источать целебную энергию на телезрителей, воду у их ног и мази. Таким путем он в течение часа вылечивал тысячи партградцев от тяжелых недугов и заряжал целебной энергией многие тонны воды и килограммы мазей. Партградцы потом пили целебную воду и мазались целебными мазями, здоровея не по дням, а по часам. Чудеса евангельского Христа померкли перед таким чудом массового исцеления: Попы, однако, не сдавались. Будь во времена Христа телевидение, -- говорили они, -- Христос кое-что похлеще Лаптева придумал бы.

Услугами Лаптева стали пользоваться партийные и государственные служащие. Они стали заряжать целебной лаптевской энергией даже водку и закуску. А их матери, жены и дочери круглые сутки мазались мазями, заряженными энергией Сириуса, уверяя знакомых, что они с каждым днем становились здоровее, красивее и моложе. В газетах напечатали, что благодаря чудесному дару Лаптева наша медицина уже поднялась выше уровня западной, а очереди в больницах сократились вдвое.

Город заполнился слухами. Говорили, будто Лаптев за доллары будет заряжать своей энергией американцев- через спутники. Говорили также, будто Лаптев собирается кормить партградцев через телевидение. Многие стали во время сеансов Лаптева ставить перед телевизорами пустые тарелки с ложками и вилками. И со страстью уверяли, будто испытывали чувство насыщения, воображая филе, бифштексы, цыплят, икру, крабы и прочие вкусные вещи, о коих знали только из книжек.

Шутники называли сеансы Лаптева по телевидению облаптиванием населения. На самом деле исцелялись лишь те, кто не болел. Прочие же кричали о чудесных исцелениях и превозносили Лаптева в силу массового сумасшествия, овладевшего городом. -- Если этот шарлатан пообещает через телевидение напоить всех желающих водкой,-- сказал Горбань, попивая заряженную Лаптевым "горбачуху", -- то советский период русской истории можно будет считать законченным. Вспомните Распутина!

Насчет Распутина Горбань оказался провидцем. В газетах появились доброжелательные статьи о нем. А когда вспыхнула сенсация по поводу обнаружения останков царской семьи, в Партграде срочно сделали многосерийный фильм о Распутине. -- Заставь дурака богу молиться, так он рад лоб расшибить, -- резюмировал Горбань свою оценку идейно-психологического состояния партградского общества.

-- Кого ты имеешь в виду, -- спросил его Крутов.

-- Всех без исключения. Нас с тобой в первую очередь.

-- Что же делать?

-- Ничего. Ждать, когда это наваждение пройдет само собой.

Помоечная оппозиция

Вернулся из ссылки старый пьяница и певец по кличке Бард, о котором упоминалось выше. На пустыре около рынка возродились пьяные сборища, на которых он пел политические песенки. Осведомители КГБ аккуратно переписывали их и, как в застойные годы, приносили своим начальникам, а те передавали самому Горбаню, слывшему покровителем искусств. Новые песенки Барда встревожили Горбаня. И было от чего. Вот, например, как расценить такое?

Весь мир вопит: Ура! Ура!
Ликут все свободные народы:
Стал наконец ЦК источником добра,
А КГБ -- прибежищем свободы.

Все вроде бы правильно. Но ощущается скрытая насмешка.

А я в том хоре не пою.
Я на своем стоял и на своем стою.
Бывает, что, устав от пороков, палачи
На время прячут кнут и дарят калачи.
Но срок придет, узнаешь скоро ты,
Припомнят кнут, устав от доброты.

А это намек на возврат к прежним суровым методам. Честно говоря, возврат такой необходим, иначе докатимся до полной катастрофы. Но это мы сами решать должны, а не какой-то помоечный поэтишка. А к чему зовет такая песня?

Набив мозги соблазнами идей,
Из искры деда возгорали пламя.
И ради призрачного братства всех людей
На каторге звенели кандалами.

А мы от дедовских идей
Впадаем в скуку и зевоту
И в воплощенье их затей
Не веруем ни на йоту.

Отцы, не требуя заслуженных наград,
Сгнив в лагерях, в огне войны сгорая,
Сполна познавши, что такое ад,
Воздвигли здание того земного рая.
Мы ж, эру новую открыв,
Не чтим отцовскую науку.
В нас вызывает гнев и скуку
Их исторический порыв.

Сыны пошли не так и не туда.

Не зная страха прошлого ГУЛАГА,
Отважно требуют свободы от труда
И прав на даровые западные блага,

Но если деды и отцы
Все подлецы или слепцы,
То кто же мы в конце концов?
Дрянь, недостойная отцов.

Это -- настроения консерваторов. Конечно, в чем-то они правы. Народ распустился. Идеалы наши не ценят. Наше прошлое и наши достижения не ценят. Этот Бард вроде бы и хочет это сказать. Но как? Эти люди, собирающиеся на пустыре, -- не наши союзники. Они суть наши будущие враги. С перестройщиками можно договориться. Изменится установка -- они мигом перестроятся. А те, кто собирается на мусорной свалке и аплодирует этому Барду, навеки останутся нашими врагами. Надо за них взяться всерьез!

Неосталинисты

Появились, конечно, и неосталинисты. Это были отнюдь не "недобитые сталинисты", а молодые люди не старше двадцати пяти лет, в основном -- учащиеся. Они сочинили воззвание "К гражданам Партграда!", размножили его в большом количестве, разбрасывали в местах скопления людей, запихивали в почтовые ящики, Крутов заподозрил, что это -- дело рук агентов Горбаня. Но тот поклялся, что не имеет к этому никакого отношения, что его агенты сбились с ног, пытаюсь раскрыть структуру организации, ее руководителей, тайную типографию и склады с оружием. Эти сопляки оказались достойными учениками Сталина, надо отдать им должное.

В воззвании неосталинистов говорилось следующее. "Неужели все пережитое нашей страной есть лишь черный провал в истории?! Неужели наши прадеды напрасно шли -на виселицы, в тюрьмы, на каторгу?! Неужели был ошибкой выстрел "Авроры"?! Неужели наши деды ни за что погибли на фронтах Гражданской войны, мерзли, голодали, жертвовали самым дорогим в жизни и самими жизнями?! Неужели были впустую пятилетки и великие стройки, массовый героизм и энтузиазм?! Неужели зазря погибли миллионы наших отцов, матерей, братьев и сестер на фронтах Отечественной войны?! Зря горели в самолетах, бросались со связками гранат под вражеские танки?! Разгром фашизма -- это тоже не в счет?! А покорение космоса?! А тот факт, что на нас боятся напасть?! Мы пережили страшную, но великую историю. Любой другой народ гордился бы такой историей. А мы? Что делаем мы? Мы сами черним и оплеываем нашу великую и многострадальную историю. И инициатива этого осквернения исходит сверху, от циничных и тщеславных карьеристов и авантюристов, готовых за ничтожную похвалу на Западе предать все то, за что жертвовали жизнью наши прадеды, деды, отцы. Позор этим изменникам! Мы, внуки и правнуки их, протестуем против этого, Защитим дело Ленина и Сталина от предателей! "

На толкучке стали продаваться уцелевшие бюсты, портреты и сочинения

Сталина. Причем, последние стоили дороже, чем книги эмигрантских писателей, теперь разрешенные и прославляемые. Дороже была лишь книга Нострадамуса, якобы предсказавшего перестройку, но почему-то забывшего предсказать, чем она кончится.

Смута

Постепенно и как-то незаметно Партград втянулся в смуту, охватившую всю страну. Началось такое мазохистское саморазоблачение и самобичевание, что даже самые злобные антикоммунисты и антисоветчики растерялись. Они на этом фоне стали выглядеть как мелкие жалобщики и порою даже как защитники коммунизма. Все старались превзойти друг друга в оплевывании прошлого и в очернении всего сделанного за послереволюционные годы. Лишь попы сдерживали город от религиозного мракобесия, неосталинисты -- от разгула демократии, мафия -- от засилия частников. Неоднократно упоминавшийся выше писатель в интервью, напечатанном в "Партградских новостях", заявил, что "теперь дышать стало легче". И укатил на Запад с лекциями о перестройке. В Париже, напившись и нажравшись за счет советских эмигрантов, он в порыве откровенности признался, что "такой помойки, какая сейчас разбушевалась в России, еще никогда не было в русской истории". Эмигранты сделали из этого вывод, что Россия на самом деле встала на путь западной демократии. Но возвращаться на покинутую ' родину не захотел никто.

Власти стремительно теряли контроль за жизнью в области. Инициативой завладевали политические демагоги, ловкачи, наиболее циничные карьеристы, гангстеры, хулиганы, тунеядцы и прочие отбросы общества. Нужны были чрезвычайные меры, чтобы остановить процесс, ведущий к катастрофе. Поползли слухи о введении военного положения. Но они скоро заглохли. Все понимали, что в случае применения крутых мер Запад не даст ни компьютеров, ни хлеба, ни мыла. Положение казалось безвыходным. Крутов фактически самоустранился от руководства, пустив все на самотек. Дни и ночи он проводил на даче и на рыбалке. Или сидел в кабинете, запершись и поглощая бутылку за бутылкой водку. И тут в его кабинете прозвенел телефонный звонок. На проводе был сам Сусликов.

Сигнал Москвы

После той исторической встречи с Горбачевым, о которой говорилось выше, Сусликов лично связался с Крутовым и сообщил ему о предстоящем превращении Партграда в маяк перестройки и об О собой комиссии во главе с Кобытовым, которая вот-вот прибудет в Партград. Услышав эту новость, Крутов наложил в штаны, так как догадывался, чем для него пахнет такая перспектива. Показать Партград с его грязными и серыми улицами, пустыми магазинами, бесконечными очередями, неистребимыми пропойцами и прочими атрибутами советского образа жизни -- это означало угрозу мирового скандала и превращение его, Крутова, в козла отпущения. Но делать было нечего. Крутов заверил Сусликова, что он

оправдает высокое доверие партии. Он хотел было сказать, что ему такое представляется сделать "не в первый раз", но вовремя опомнился, так как это должно было произойти именно в первый раз в истории Партграда и в его, Крутова, личной карьере партийного руководителя областного масштаба. Сразу же после разговора с Сусликовым Крутов приказал срочно созвать на совещание руководящий актив области и города. На совещание прибыли члены бюро обкома и горкома партии и заведующие отделами, начальники областных управлений КГБ и МВД (милиции), председатели областного и городского Советов, главы профсоюзов и комсомольские руководители области и города, секретари райкомов партии и председатели районных Советов и многие другие лица, фактически играющие важную роль в жизни области и города. Совещание закончилось далеко за полночь. "Командиры области" (как называл товарищ Крутов руководящих лиц области) разъехались по своим ведомствам, чтобы провести аналогичные совещания на более низких уровнях вплоть до уровня отдельных учреждений и предприятий, в которых будут проведены заседания партийных и комсомольских бюро и профсоюзных комитетов, партийные, комсомольские и общие собрания и другие многочисленные мероприятия. На совещании в обкоме партии была создана комиссия в помощь комиссии, ожидаемой из Москвы. Аналогичные комиссии были созданы на городском и районном уровнях, а также в первичных партийных организациях. Были проведены совещания и образованы особые комиссии во всех учреждениях области, которых хоть в какой-то степени касалось решение Москвы. Короче говоря, один звонок секретаря ЦК КПСС товарища Сусликова привел в состояние возбуждения гигантский механизм власти Партградской области и вынудил тысячи людей развить кипучую деятельность, причем -- деятельность, имеющую целью не ускорение развития области и не повышение эффективности деятельности по производству всякого рода полезных вещей, а создание видимости того, что это "ускорение" и "повышение" на самом деле имеют место. В деятельности такого рода, т.е. в имитации настоящей деятельности коммунистическое общество имеет более высокую степень эффективности, чем общество западное. В этом отношении людей не надо принуждать и поощрять к функционированию в нужном духе: они к этому приучены и умеют это делать в совершенстве.

Прибытие комиссии

Раньше говорили, что город начинается с вокзала. В наше время стремительного прогресса можно сказать, что город начинается с аэропорта. Партградский аэропорт, как и вообще Партград, являет собою фантастическое сочетание современности и допотопной убогости. Привезенные из ФРГ "гармошки", к которым по идее должны были бы подруливать самолеты, не работали. Самолеты чуть ли не на волах подтаскивали к зданию аэропорта. Пассажиры выгружались, подводились к "гармошкам" и по примитивным лестницам поднимались в них. При выходе из них путь пассажиров преграждали невероятного вида уборщицы с ведрами и тряпками, от которых пассажиров со слабыми нервами начинало мутить. При этом уборщицы таскали за собой уборочные машины, тоже купленные в ФРГ и тоже не работающие. Здание аэропорта было украшено портретами членов Политбюро. Портрет

Горбачева' был в два раза больше остальных. Такого не было даже в годы осмеянного Брежнева: его портрет лишь в полтора раза превосходил прочие. Повсюду висели лозунги перестройки и плакаты, бичующие пьяниц, консерваторов, бюрократов. Главный зал был разделен на две части прозрачной, но пуленепроницаемой перегородкой. Одна часть, предназначенная для прохода и встреч важных персон, была обычно пустая. Другая же, предназначенная для простых смертных, была переполнена публикой, какую можно видеть на вокзалах. Членов московской комиссии провели, конечно, через часть для важных персон. Прозрачная стена была построена еще тогда, когда Кобытов жил в Партграде. Он пояснил членам комиссии, почему она была сделана прозрачной: чтобы трудящиеся могли видеть своих обожаемых руководителей, но чтобы они при этом не могли учинить им какую-нибудь пакость. Наш брат Иван способен, сам того не подозревая и не помышляя об этом заранее, запустить в важное лицо кирпичом или покрыть его матом, если лицо проходит поблизости. Так уж лучше избавить людей от такого искушения. Из репродукторов на весь аэропорт неслись истошные вопли популярной певицы, завоевавшей первый приз на фестивале рок-музыки. -- Хоть убейте, но я эти истерические вопли не могу принять за музыку, -- сказал один из членов комиссии. -- Сейчас это модно, -- сказал другой. -- На ее концерты в Лужниках десятки тысяч молодых людей собирается. -- Это не показатель прогресса искусства, Миллиарды людей слушали поповские бредни. И сейчас число так называемых верующих растет, А разве это прогресс культуры? -- Не нравится -- не слушай. Заткни уши. -- Лучше заткнуть пасть одной истеричке без голоса и слуха, чем уши миллионов людей, падких на все западное.

Встречали москвичей все высшие лица области и города. Кобытов сел в машину Крутова. Дорогой Кобытов передал Крутову содержание его беседы с Сусликовым перед отлетом из Москвы. -- Выходит, поворот, -- торжественно сказал Крутов, выслушав Кобытова. -- Давно пора! -- Пора, -- сказал Кобытов. -- Мы должны как бы в подполье уйти. Пусть на поверхности всякое дерьмо болтается. А мы, работники партийного аппарата, должны в глубине опереться на самое лучшее, что еще сохранилось в наших людях. Не зря же мы семьдесят лет столько сил потратили на их воспитание. На карту поставлены завоевания революции и всей нашей истории. Высокопарные слова Кобытова не вдохновили Крутова. Ему было наплевать на все на свете, кроме самого себя. Если бы ему гарантировали пост генерал-губернатора в монархическом Царьграде, он предал бы все идеалы коммунизма вместе с их реализацией в Партграде. Но он понимал, что в демократической или монархической России ему не дадут даже должность дворника. И потому он изобразил всем своим существом готовность уйти в подполье, оставаясь первым лицом в области, и готовить аппарат партии к роли спасителя отечества. -- Мы за перестройку, -- закончил речь Кобытов. Но за такую, которая не ослабляет, а укрепляет основы нашего социального строя. Как это делать конкретно, ты сам не хуже меня знаешь.

Крутов кивал головой в знак согласия, а про себя думал только о том, как вылезти сухим из воды и сохранить шкуру. Кобытов понимал это состояние Крутова. Но он понимал также и то, что в сложившейся обстановке сохранение шкуры крутовых совпадает с интересами сохранения системы, которой служат крутовы. Хорошо, что такие крутовы есть. Вот когда их не будет, тогда на коммунизме можно будет поставить крест. -- Особое внимание надо обратить вот на что, -- продолжал Кобытов. -- Мы должны взять дело разоблачения язв

прошлого и недостатков нашего общества в свои руки. Одно дело -- когда этим занимаются нелегально диссиденты, и другое дело -- когда это исходит от нас вполне открыто и легально. Мы можем придать разоблачениям нужное нам направление и выиграть при этом в глазах общественного мнения. Тем самым мы сводим на нет влияние нелегальной оппозиции. Надо у нелегальных критиков режима взять все их идеи и слегка их трансформировать. Пересказать их как наши собственные идеи, но затем сказать наше "Но", так чтобы и идеи остались за нами, и чтобы от них не осталось ничего действенного. А в отношении конкретных фактов мы должны пойти дальше диссидентов. На простаков это произведет сильнейшее впечатление, и нелегальная критика потеряет всякий смысл. Ну а потом... Да ты сам понимаешь, что потом. -- Ясно, Иван Тимофеевич! Раз страна покатила в нежелательном направлении, мы должны катиться впереди всех, чтобы постепенно остановить это пагубное движение. Если табун коней мчится в панике к пропасти, нужно обогнать его и постепенно увлечь в другом направлении.

Торжественный ужин

Москвичей поместили в особняке для почетных гостей, расположенном в районе дач высших лиц города. В нем не раз останавливался Андропов, лечившийся на курорте в Партградской области. Останавливались Портянкин и Сусликов, посещавшие Партград по долгу службы, а иногда~ проводившие здесь отпуск.

Вечером устроили торжественный ужин в честь гостей. Ужин прошел так, как проходили такие мероприятия в брежневские годы, -- с лучшими винами и закусками. Много и весело шутили. Рассказывали новые перестроечные анекдоты. -- Решил Михаил Сергеевич сам посмотреть, как работают рабочие в условиях трезвости. Пришел на завод. Подошел к рабочему, который вроде бы усердно трудился. Спросил, смог бы рабочий работать, если бы выпил стопку водки. Рабочий ответил с сомнением, что,

' пожалуй, смог бы. Ну а если две стопки выпил бы, смог бы тогда работать, -- спросил Михаил Сергеевич. Рабочий ответил более уверенно, что смог бы. Ну а если бы поллитровку выпил, смог бы тогда работать, -- не унимался Михаил Сергеевич. Видишь, работаю же, -- ответил рабочий. -- Лежит Шеварднадзе с Раисой Максимовной в постели. Вдруг звонок в дверь. Михаил Сергеевич вернулся раньше срока -- испугалась Раиса Максимовна. "Не пугайся, -- успокоил ее Шеварднадзе, -- мы же водку не пьем". -- Шутки шутками, а секс дело серьезное! В этом отношении мы отстаем от Запада еще больше, чем в экономике. -- Не могу согласиться. Блядства у нас хватает. -- Блядство не секс, а разврат. А секс -- это культура. -- Верно. Пора пересмотреть нашу политику в этом отношении. -- Надо публичные дома открыть. С ресторанами. С медициной. С представлениями. Рок-музыка. Стриптиз. И прочее. -- Доход государству от таких предприятий большой будет. -- Лучше это дело частникам передать, иначе и тут халтура получится. Помните старый анекдот о том, как провалился бордель в сталинские годы? Все сделали, как на Западе, только блядей укомплектовали старыми членами партии. -- В годы террора и в застойные годы такие смелые начинания были невозможны. Теперь другое время.

-- Да, возврата в прошлое нет. Прогресс необратим. Одним словом, ужин удался на славу. Члены комиссии основательно упились, как это бывало в застойные годы. Кoryтов двинулся на поиски "бабы". Попытался вломиться в комнату кастелянши. Но у той уже устроился представитель КГБ. Выручила пожилая уборщица: она увела засыпавшего на ходу Кoryтова к себе.

Оздоровление атмосферы

На первом совещании комиссии обсудили общие вопросы -- оздоровление атмосферы, активизацию населения и нормализацию снабжения, В Партграде, как и в других городах России, перед каждым значительным событием проводилось "оздоровление атмосферы". Заключалась оно в следующем. Из дворов домов, расположенных близко к центру города, вывозили мусор, скопившийся в районе помоек. Сажали в сумасшедшие дома всех тех, кто состоял на учете в психиатрических больницах и имел какое-то отношение к политике. Сажали не только склонных к критике, но и склонных к апологетике. Последних в первую очередь, ибо они более склонны к разоблачению недостатков с целью их устранения. Первые же, хотя и разоблачают, улучшений никаких не требуют, ибо не верят в них. Одновременно запирали на замки множительные аппараты. В учреждениях устанавливали круглосуточное дежурство сотрудников. Проверялись огнетушители. Увеличивалось число дружинников в помощь милиции. Милиционерам выдавали белые краги и ремни. Амнистированных жуликов отправляли обратно в лагерь. Высылали из города потенциальных диссидентов.

В Партграде ко всему прочему милиция, дружинники и военные патрули перекрывали все дороги, ведущие в город из окружающих его лагерей и промышленных предприятий, чтобы бывшие и настоящие уголовники и "честные" пьяницы из этих мест не позорили своим видом и поведением морально здоровое советское общество. На эти дни в упомянутых местах производилась расширенная продажа спиртного, причем -- по сниженным ценам. Снижение цен производилось а счет того, что спиртные напитки продавались под другими названиями, под которыми они должны стоить меньше, чем под названиями, под которыми их продавали в обычное время. Кроме того, в местные магазины, столовые и ларьки на это время "подбрасывали" и кое-какие продукты, которые в другое время не найдешь и в городе. Это, например, дешевая колбаса "собачья радость" и сушеная вобла "закуска богов". Продукты эти продавались тоже дешевле, по себестоимости, т.е. без наценки под предлогом транспортных и иных расходов. В результате этих мер кнута и пряника лишь единицы из "околопартградского отребья" (термин милиции) просачивались в город. Одни из них просачивались из духа противоречия, другие -- из любопытства, третьи -- из намерения как-то поживиться.

Заранее составлялись списки лиц, которых следовало совсем выселить из города как тунеядцев и злостных нарушителей общественного порядка, временно убрать из города под каким-либо предлогом, посадить в сумасшедший дом или на короткий срок в тюрьму. Особое внимание уделялось так называемым "внутренним эмигрантам", т.е. лицам, подпавшим под тлетворное влияние Запада, слушающим западные радиостанции, читающим запретные книги и склонным к общению с иностранцами. Если таковых не удавалось удалить из города, за ними

устанавливалась слежка агентов КГБ и их добровольных помощников. Им предоставлялись полномочия в случае надобности принимать крайние меры, Обычно они устраивали провокации, вследствие которых "внутренние эмигранты" попадали в тюрьму на 15 суток за хулиганство или в психиатрическую больницу на обследование.

"Оздоровление атмосферы" обычно начиналось за неделю, а порою и за две до события, ради которого оно предпринималось, и прекращалось сразу же после этого события. В городе восстанавливался статус-кво. Особенность нынешней ситуации состояла в том, что надо было оздоровить атмосферу не на короткий срок, а насовсем. Конечно, эта перестройка не вечна. Но кто ее знает, когда она кончится. Она может затянуться на год, а то и на два. Причем, это оздоровление надо осуществить в условиях борьбы против пьянства, что было бы еще полбеды, а также в условиях либерализации и гласности, что являлось уже настоящим бедствием. -- Задача оздоровления атмосферы в области в условиях перестройки на первый взгляд вроде бы упрощается или даже отпадает совсем, -- сказал Корилов. -- Но это только на первый взгляд. На самом же деле она усложняется и становится еще более важной. Некоторые безответственные элементы стали злоупотреблять свободой, предоставленной им на данном этапе развития нашей страны. Мы должны дать почувствовать им, что не допустим подрыва основ нашего общественного строя, наших органов власти, нашей идеологии. Перестройка есть не отказ от того, что мы делали семьдесят лет, а переход к новым методам строительства коммунизма.

Члены партградской комиссии с большим удовлетворением выслушали довольно туманную и двусмысленную речь Корилова. Они поняли ее скрытый смысл.

Активизация населения

Операция по активизации населения в Партграде проводилась до сих пор в самых грубых и примитивных формах. Поэтому Корилов счел полезным пояснить ее суть применительно к новым условиям. -- Присмотритесь внимательнее к тому, кого в обычный рабочий день можно увидеть на улицах города, в магазинах, в кафе и ресторанах, вообще в общественных местах, -- сказал он. -- Достаточно ли репрезентативно эти люди характеризуют население города и области? Представляют ли они наиболее важную и деятельную часть населения? Нет, конечно. Самая важная часть населения, определяющая собою характер нашего общества, в это время трудится на предприятиях и в учреждениях или отдыхает после и перед трудовой вахтой. А именно в это время наиболее вероятны контакты иностранцев с нашими гражданами. -- Поставим, далее, такой вопрос: где лучше проявляется сущность нашего человека -- при случайных встречах на улице и в общественных местах или там, где он трудится и где участвует в жизни своего коллектива, т.е. на партийном, комсомольском и общем собрании? Я думаю, что тут двух мнений не будет: сущность наших людей наиболее полно и точно проявляется в их трудовых коллективах и в их общественных организациях. Вне этих коллективов и организаций у людей, естественно, несколько ослабляется чувство ответственности перед обществом и несколько снижается уровень сознательности. Они устают от напряжения жизни. А у тех,

кто доминирует на улицах и в общественных местах в рабочее время, этот уровень вообще минимален. -- Какой вывод мы должны сделать из сказанного? Должны ли мы пустить на самотек дело ознакомления иностранцев с нашими людьми и ограничить их контакты случайными людьми в случайных обстоятельствах или должны что-то предпринять, чтобы иностранцы смогли увидеть сущность нашего человека в том виде, как мы привыкли видеть ее в наших трудовых коллективах, в труде, в общественной деятельности? Надеюсь, что и по этому поводу у нас споров не возникнет. Но тут встает проблема, которую мы до сих пор фактически игнорировали. -- Чтобы правильно понять наших людей, нужны не часы, не дни, не недели и даже не месяцы, а годы. А иностранцы к нам приезжают на несколько дней, значит, мы должны помочь им за эти несколько дней понять то, на понимание чего требуются годы. Где выход из положения? Выход из положения дает такой отбор и такое распределение людей в пунктах соприкосновения иностранцев с нашим обществом, чтобы эти люди были, как говорят социологи, достаточно репрезентативны для населения города, области, страны. Вот эту операцию мы и называем активизацией населения. Надо подходящих для этого людей отобрать и подготовить надлежащим образом, причем в таком количестве, чтобы они могли дежурить по очереди. Таким путем мы подготовим армию надежных коммунистов и комсомольцев, на которую мы можем опереться в нужный момент. -- Эти наиболее репрезентативные граждане нашего общества окажут влияние и на прочую массу населения, так что в условиях сегодняшней установки "Говори, что хочешь" люди почувствуют ответственность за свои слова и будут говорить то, что нужно. На Западе говорят о крахе коммунизма, о начале посткоммунистической эры. Мы должны показать всему миру, что нас рано хоронить.

Нормализация снабжения

Нормализацией снабжения в Партграде раньше называли заброску дефицитных продуктов питания и предметов широкого потребления (ширпотреба) в магазины, расположенные на пути возможного передвижения важных лиц. Важные лица сами заранее знали, что магазины, в которые им придется заглянуть, будут охвачены операцией нормализации снабжения. Они сами на предыдущих этапах карьеры проводили такие операции. Но они делали вид, будто ни о какой нормализации снабжения не знали и будто выбирали магазины по своему произволу. Это был неписанный ритуал, в котором они должны были играть отведенную им роль. Продукты и вещи в избранных ("нормализованных") магазинах продавались лишь в тот момент, когда в них заглядывали важные лица. В качестве покупателей отбирались особо доверенные граждане, которым в награду кое-что перепало. Как правило, это были родственники и друзья работников магазинов. Особо дефицитные вещи они должны были сдать обратно. Но бывало так, что даже проверенные комсомольцы и члены партии эти вещи обратно не сдавали. Бывало и так, что в их среду ухитрялись пробраться жулики и спекулянты.

В нормализацию снабжения включалась также поставка дефицитных продуктов в столовые, кафе и рестораны, которые могли посетить важные персоны. При этом в качестве посетителей точно так же отбирались проверенные и доверенные

граждане. Обслуживание их начиналось перед приходом важных персон и кончалось после их ухода. Бывало так, что они целый день сидели там голодные, Но им за эту службу после окончания визита тоже кое-что перепало.

Иногда случались забавные курьезы. Однажды Портянкин посетил Партград в разгар очередной кампании против пьянства. Его завели в "нормализованное" кафе. Там сидели молодые люди, которые должны были изображать трезвость и пить минеральную воду вместо водки. Молодые люди и в самом деле пили минеральную воду, но по привычке чокались и морщились так, как будто пили водку. Портянкин заподозрил неладное. Он перепробовал содержимое всех стаканов в кафе. Убедившись в том, что в них не было водки, он назвал поведение молодых людей провокационным, Их за это наказали: не дали водку, которую обещали им за то, чтобы они пили воду.

Другой забавный случай произошел в магазине одежды. Один ударник коммунистического труда попросил на примерку три костюма в тот момент, когда в магазин вошел Портянкин со свитой. Надев на себя все три костюма, он покинул магазин "через задний проход", как потом написали в протоколе милиции. На поверку оказалось, что такого ударника в городе вообще не было. Милиция и КГБ приложили титанические усилия, чтобы найти преступника. Но тот как сквозь землю провалился.

Операция по нормализации снабжения была освоена в Партграде для кратковременных событий и в нормальных, неперестроечных условиях, когда на складах и в закрытых распределителях еще водилось кое- что такое, что можно было использовать для показухи. Теперь же надо было осуществить на длительный срок и в условиях, когда даже в закрытом распределителе обкома партии было шаром покати. Иностранцев, конечно, можно кормить независимо от своих граждан, как всегда. Но надо было создавать впечатление улучшения условий жизни трудящихся благодаря перестройке.

Комиссия обсудила три варианта. Первый вариант, откровенно признаться, что мы живем на грани нищеты и голода. Даже можно слегка преувеличить. На Западе будут потрясены тем, что мы открыто говорим о наших трудностях, не скрываем их от иностранцев, как бывало раньше. И безвозмездная помощь с Запада польется к нам полноводной рекой. Это можно будет превратить в систему. Второй вариант -- передать снабжение города в руки частников. Они будут драть с иностранцев валюту. А за валюту они все необходимое из-под земли выруют. Третий вариант -- передать снабжение города в концессию западным фирмам. Например, фирме "Макдональд".

Каждый из упомянутых вариантов, имея свои плюсы, имел и несомненные минусы. На Западе скоро перестанут восторгаться гласностью и начнут подчеркивать наше обнищание. Помощь нам окажут, но при этом свои условия диктовать будут. Частники будут три шкуры драть со своих сограждан и доведут город до такого состояния, что без валюты корку черного хлеба не достанешь. Западные фирмы кормить весь город не в состоянии. К тому же в Партград устремятся жители соседних областей. Да и расплачиваться с западными фирмами нечем,

Обсуждение зашло в тупик. Но тут кто- то вспомнил про Гробыку. Вот кто мог бы найти гениально простое решение проблемы! Что он поделывает сейчас? Что-то не слышно о нем ничего. Кто-то сказал, что Гробыка не выдержал конкуренции с частниками и с мафией, запил горькую и удалился от дел. --

Такими ценными кадрами преступно разбрасываться, -- сказал Корытов. -- Надо найти его, привести в норму и подключить к операции, предоставив ему неограниченные полномочия. Я уверен, он быстро выправит положение. А на органы государственной безопасности возложить особое задание: обеспечить защиту Гробыки от мафии.

Маршруты для иностранцев

Решив общие проблемы, комиссия затем наметила маршруты для иностранных туристов и делегаций, охватывающие основные аспекты жизни города. Наметив маршруты, решили проехаться по ним, и самим осмотреть все то, что намечено для показа иностранцам. Начать решили с гостиницы "Илья Муромец", предназначенной специально для иностранцев.

Гостиницу для иностранных туристов в Партграде построили еще при Брежнев. Это строительство -- блестящий пример дальновидности политики партии: хотя город тогда еще был закрыт для иностранцев, и о перестройке еще никто не помышлял даже в Москве, а гостиницу для иностранцев построили самую большую в республике. Гостиница была одним из любимых детищ Петра Степановича Сусликова, который в те годы был одним из руководителей области и затем первым секретарем обкома партии, Он уже тогда мечтал о том времени, когда иностранцы потоком хлынут в руководимый им Партград.

Перед главным входом в гостиницу воздвигли монумент легендарному русскому богатырю Илье Муромцу, именем которого и назвали гостиницу. Партградские историки выдвинули гипотезу, будто легендарный (т.е. никогда не живший на свете) Илья был на самом деле уроженцем не Муром, а Партграда (бывшего Князева). В Муроме же он нанес первое поражение татаро-монгольскому игу. Обком партии одобрил инициативу партградских ученых, и гипотеза превратилась в теорию.

Построили гостиницу с таким расчетом, чтобы из ее окон были видны красоты города и его окрестностей. Но при этом совершили ошибку: из окон были видны не только красоты, но и секретные объекты -- военный завод, протезный комбинат, химический комбинат, атомная электростанция, вышки концлагерей и психиатрическая больница. Строителей за это, конечно, наказали. Но исправлять было уже поздно, Пока город был закрыт для иностранцев, про оплошность не вспоминали: все эти секретные объекты были хорошо известны даже младенцам. Теперь, когда город решили открыть для иностранцев, о ней вспомнили. Но решили, что ничего страшного в этом нет. И даже хорошо, что иностранцы все это увидят. Пусть видят нашу индустриальную и военную мощь и выводы делают, какие нам нужно! Психиатрическая больница издали смотрится как обычная больница. А что касается исправительно-трудовых лагерей, то вышки охраны можно переделать так, что они издали будут смотреться как башни старинного города или монастыря.

Построили гостиницу по последнему слову... нет, не строительной техники, а техники надзора за иностранцами. И за своими тоже. Подслушивающие устройства вмонтировали во всевозможных местах, так что обитатели гостиницы буквально чихнуть не могли без того, чтобы их не услышали в подслушивающем пункте сотрудники КГБ. Весь штат гостиницы обязали стать осведомителями КГБ,

обучив предварительно приемам вскрытия и осмотра чемоданов, а также тайного фотографирования постояльцев в любое время суток и в любых позах, Поскольку иностранные шпионы, политики, журналисты и туристы в Партграде не появлялись, гостиницей завладели спекулянты из южных фруктовых республик. Система подслушивания пришла в упадок.

Любопытные спекулянты выковырили подслушивающие устройства. Сотрудники гостиницы превратили помещение, откуда должно было производиться подслушивание, в дополнительный источник "левых" доходов. Ценное оборудование (кстати сказать, добытое в США и переправленное в Советский Союз через ФРГ) выбросили в подвал и разворовали.

Осмотрев гостиницу, комиссия приняла такое решение: всех обитателей гостиницы выселить и заселить отобранными людьми из районов области и из самого города. Последние должны изображать из себя сельскую интеллигенцию и колхозников, проводящих отпуск в городе или навещающих родственников. Обслуживающий персонал следует укрепить студентами университета и институтов, срочно обучив их нехитрой профессии гостиничной прислуги. Теперь гостиницу решили срочно отремонтировать.

Для этого в помощь малярам прислали целый батальон солдат. Солдаты выданные им краски и обои пропили вместе с малярами. Пришлось выдавать новые. За малярами и помогавшими им солдатами установили строгий надзор, прислав для этой цели батальон из войск особого назначения. Целая дивизия таких войск дислоцировалась около Партграда. Это были войска, подготовленные для десантных операций, вооруженные новейшим оружием и обученные особым приемам, включая приемы карате. Результат не замедлил сказаться. Десантники заставили маляров и рабочих-солдат в два дня привести в порядок здание, пропив при этом только половину отпущенных для ремонта материалов. Объяснение такой экономии оказалось очень простым: спекулянты боялись десантников и продавали им спиртные напитки в два аза дешевле.

Один из членов комиссии высказал мысль, что иностранцы наверняка постараются завязать контакты с другими обитателями гостиницы. Чтобы одолеть эту проблему, другой член комиссии предложил в прочие номера спрятать живых "слухачей". Кто-то усомнился в необходимости такой меры. Зачем, в самом деле, дублировать осведомителей КГБ, если обитатели прочих номеров и без того все будут осведомителями КГБ?! Надо же доверять нашим советским людям! Представитель КГБ на это заметил, что доверять надо, но надо проверять.

Первый маршрут

Улица Горького, на которую выходит главный подъезд "Ильи", в одну сторону ведет в старый и грязный район города с убогими домами и заканчивается пустырем, ставшим мусорной свалкой. Еще до приезда комиссии Крутов заблаговременно приказал закрыть движение в этом направлении гигантским щитом. На щите было изображено здание в стиле современной западной архитектуры, которое якобы будет воздвигнуто на этом месте. Согласно проекту (или обещанию), в этом здании, помимо просторных и

комфортабельных квартир для рабочих и служащих, будут расположены бассейны, столовые, рестораны, спортивные залы, кинотеатр, дискотека и прочие блага цивилизации. Едва успели установить щит, как хулиганы написали на нем: " А будут ли в этом современном здании бордели и вытрезвители?". Щит пришлось перекрашивать. Но на нем появлялись новые хулиганские надписи и порнографические рисунки. Пришлось установить около него круглосуточное дежурство милиции и народных дружинников.

Выехали на площадь и невольно залюбовались зрелищем самой высокой в России статуи Ленина. Корятов предложил начинать знакомство иностранцев с городом с возложения венков к подножию монумента. Это будет стимулировать развитие в области цветоводства. -- Глядите, -- сказал председатель городской комиссии, указывая на монумент Ленина. -- Вчера тут была группа венков. А сейчас?! Ни одного! Украли, сволочи! У нас всегда так: чуть не досмотришь, все испохабят и разворуют. Михаил Сергеевич трижды прав: нужно всерьез браться за дисциплину и порядок. -- И как только они ухитряются это делать? -- сказал председатель областной комиссии с некоторой долей восхищения в голосе. -- Наш брат-Иван и не на такое способен! -- ответил представитель КГБ. -- Русская смекалка!

В осмотр города включили, помимо статуи Ленина, остатки партградского Кремля, магазины сувениров, краеведческий музей и могилу Неизвестного Солдата, К могиле Неизвестного Солдата, как и в Москве, приезжают после регистрации брака молодожены, приходят группы молодых воинов после принятия присяги и пионеры. Все возлагают венки. Эта традиция породила две отрасли местной индустрии: одна -- изготовление венков, другая -- их похищение и перепродажа. В КГБ и в милиции считают, что второе предприятие есть на самом деле дочерний филиал первого. Но поймать до сих пор не могут, хотя у "могилы" постоянно дежурят милиционеры, народные дружинники и даже солдаты. Около магазина сувениров обсудили проблему продажи туристам икон. К туристам наверняка будут приставать фарцовщики, предлагая старинные иконы. Иконы на самом деле изготовлены местными художниками-нонконформистами. На них еще краска не успела как следует высохнуть. Но сделаны они лучше старинных. И выглядят более древними, чем старинные. А главное -- стоят дешево. На старые джинсы турист может приобрести пару икон, на новые -- одну. Почему, спросите, старые джинсы ценятся дороже, чем новые? Отвечу вопросом: а почему старые иконы ценятся дороже новых, хотя они хуже новых?

Корятов предложил создать частную артель по изготовлению икон, предоставив ей возможность продавать свою продукцию в магазине сувениров. Тем самым будет нанесен удар по фарцовщикам. Глава партградской комиссии предложил построить фабрику по изготовлению старинных икон и вывозить иконы для продажи на Запад и в страны Третьего мира. Представитель КГБ сказал, что лучше это дело передать в ведение попов. Представитель профсоюзов предложил передать эту отрасль индустрии в концессию Западу.

В первый маршрут решили включить также посещение городского Совета с целью показать иностранцам демократизацию советской системы власти и управления. В здании горсовета решили соорудить особую ложу, из которой иностранцы смогут наблюдать заседания Совета. Ложу решили снабдить аппаратурой для синхронного перевода речей народных депутатов на западные языки. Корятов посоветовал на время посещения иностранцами заседаний Совета ставить на обсуждение проблемы, в отношении которых можно позволить

плюрализм западного образца. Например, ставится вопрос о починке канализации в новом жилом районе. Разгораются жаркие дебаты. Лидер оппозиции произносит пламенную речь, в которой обличает сталинизм, брежневизм и нынешних консерваторов. О канализации может вообще не говорить, -- к чему забивать головы гостей такими вонючими пустяками?! Послушав такую речь, иностранцы по возвращении домой напечатают кучу всякой чепухи об эволюции нашего общества к парламентаризму. Правда, канализация работает плохо по-прежнему. Но в этом виноваты Сталин и Брежнев.

Второй маршрут

Целью второго маршрута было показать иностранцам героический труд партграждан в условиях перестройки. По выезде на Ленинский проспект, который в одном направлении вел в индустриальный район города, автобус резко затормозил: проспект в неположенном месте пересекали двое пьяных мужчин. Они шатались, падали, вставали, помогая друг другу, и горланили какие-то песни. Кобытов укоризненно взглянул на представителя милиции. Тот залепетал что-то насчет того, что "недосмотрели", и пообещал "снять стружку" с кого следует. Пьяные погрозили автобусу и зигзагом продолжили свой путь. Если бы они знали, кому они погрозили!

Автобус промчался мимо магазина для слепых, называемого "Рассвет", и магазина ножных протезов, называемого "Скорострел". Люди настолько свыклись с этими названиями, что не замечали мрачного юмора в них. Не заметили этого и члены комиссии. Председатель областной комиссии сказал, что эти магазины следовало бы показать иностранцам. Такой заботы о слепых и безногих, как у нас, вы нигде в мире не увидите. Неплохо было бы в иностранные делегации включать хотя бы по одному слепому, Пусть своими глазами посмотрят, как мы заботимся о трудящихся, лишенных зрения.

Автобус мчался мимо домов с вывесками бесчисленных контор. Кто-то сказал, что было бы неплохо число таких вывесок сократить. Но представитель КГБ заметил, что он недавно был в Париже, так там таких вывесок в десять раз больше. Иностранцы наверняка не обратят на них никакого внимания. Люди вообще больше замечают то, что не укладывается в их обычные представления, То, что комиссия увидела в индустриальном районе, привело ее в уныние. Повсюду валялся мусор, пустые перекоренные бочки, поломанные ящики, невообразимого вида остатки машин. У завода авиационных приборов была построена проходная "будка", по размерам мало уступающая самому зданию завода. Но через нее никто не проходил. И ворота, через которые по идее должны были проезжать машины, были заперты на гигантский висячий замок, каким, вероятно, запирали ворота Партградского Кремля еще во времена князя Олега. Еще более мрачную картину комиссия увидела у машиностроительного завода. У одного из цехов, который был виден издали, вообще отвалилась часть стены; Дыру завесили фанерным щитом, на котором был изображен Ленин с красным бантом, с хитрой усмешкой и слегка приподнятой рукой. Под Лениным были слова: "Верной дорогой идете, товарищи!". Но от дождей и ветров плакат принял такой вид, что даже политически выдержанные члены комиссии не удержались от смеха. -- Что будем делать? -- спросил товарищ Кобытов, и в

голосе его звучала угроза. -- За неделю порядок тут не наведешь. -- Ничего страшного,-- оптимистически заметил представитель городского комитета профсоюзов. --Перекроем проспект перед улицей Брежнева. Там на самом деле пора отремонтировать асфальтовое покрытие. Транспорт направим в объезд по улице Брежнева, затем по улице Карла Либкнехта и Розы Люксембург, наконец- по улице Мориса Тореза. И выедем прямо к электроламповому заводу и к текстильной фабрике. Они закрывают вид на весь район. И порядок там относительно приличный. А за неделю там такой блеск навести можно, что... -- Только смотрите не переборщите,-- успокоенно сказал Кобытов, -- а то подумают, будто мы "потемкинскую деревню" устраиваем. Кстати, улицу Брежнева следует переименовать. -- Надо назвать ее именем Бухарина, -- предложил представитель культурных учреждений, -- Ведь Партград раньше назывался Бухаринском. -- Троцким, -- поправил кто-то. -- А какая разница, -- сказал представитель КГБ. Этого тоже пора реабилитировать. -- Лучше именем Бухарина, так как Бухарин был за перестройку, -- сказал представитель комсомола. -- А не пора ли весь Партград переименовать в Троцко- Бухаринско- Зиновьевск?! -- восторженно выкрикнул представитель профсоюзов. -- Лучше в Горбачевск. -- В Горбачевск будет переименован Ставрополь.. А Партград будет назван именем Петра Степановича. -- Верно! Это будет справедливо. -- В конце концов можно маршрут труда вообще изменить так, что ничего тут переделывать не надо будет, -- сказал Кобытов. -- Образован совместный советско-американский концерн по производству стирального порошка. Петр Степанович считает, что предприятия надо строить здесь, в Партграде. Надо выбрать для них такой район, чтобы люди ходили туда как в парк. Построить там кафе, рестораны, кинотеатры. И иностранцам там будет приятно отдохнуть. -- На стройку время нужно, не один год, -- возразил кто-то. -- Предприятия будут строить сами немцы и американцы, -- ответил Кобытов. -- А они строят быстро. За полгода построят. -- Замечательно! -- воскликнул представитель КГБ. Будем показывать иностранцам их же собственные заводы. Это произведет на них неизгладимое впечатление.-- Вот еще бы в придачу к западной технике у нас были западные рабочие, -- мечтательно протянул представитель профсоюзов. -- А то наш брат-Иван и на западной технологии разведет наше отечественное свинство. -- Об этом уже подумали в Москве, -- заверил Кобытов, -- Инженеры, техники и высококвалифицированные рабочие будут из США и ФРГ. Наши же люди будут перенимать их опыт. -- Боюсь, как бы не вышло наоборот, -- сказал представитель милиции. -- Западные специалисты научатся у наших работяг пьянству, халтуре и очковтирательству.-- В этом тоже свой плюс есть, -- заметил Кобытов в порядке юмора. -- Чем хуже будет на Западе, тем лучше у нас.

Когда комиссия возвращалась обратно, перед площадью Ленина пришлось притормозить, так как те два пьяные, которых видели утром, расположились спать посреди улицы. К ним подъехали милиционеры на мотоциклах со специальными колясками для сбора пьяных. Нарушителей порядка сунули в коляски и увезли. Путь был свободен. -- Сажать таких мерзавцев надо, -- сказал представитель комсомола. -- Воспитывать надо,- -- поправил Кобытов не в меру ретивого комсомольского вожака. -- Верно, -- поддержал Кобытова представитель КГБ. -- Сначала надо воспитывать, а уж затем сажать. За ужином Кобытов вспомнил, что на прием к Сусликову приходил директор одного из партградских заводов, энтузиаст перестройки. Как идут его дела?

Притча о директоре завода

Не все партградцы восприняли перестройку как очередной руководящий спектакль. Нашлись такие, которые отнеслись к ней с искренним энтузиазмом.

Один из них -- человек, получивший в городе кличку Перестройщик.

В застойные годы Перестройщик был рядовым инженером. Никаких особых заслуг у него не было. От других он отличался несколько повышенной склонностью к обличительству. А обличать было что. Технология устарела. Регулярно случались аварии и простои. Рабочие пьянствовали в рабочее время, халтурили, воровали все, что попадалось под руку. План выполнялся фиктивно. Продукция завода почти на сто процентов была брак. А между тем директор и его подручные жили припеваючи, обзавелись квартирами, дачами, автомашинами, в изобилии имели дефицитные предметы потребления. Без взяток и блата рядовые работники завода не могли получить даже то, что им было положено по закону. Короче говоря, на заводе творилось то, что творилось на всех предприятиях города и что стало привычным образом жизни. Время от времени на заводе появлялись правдоборцы, стремившиеся хоть немного оздоровить жизнь коллектива, но их усилия терпели крах. И что самое поразительное, масса сотрудников завода не поддерживала правдоборцев. Люди прекрасно знали, что творилось в их коллективе. Но они сами участвовали в такой жизни, приспособлялись к ней в меру своих возможностей. Они ухитрялись урывать какую-то долю благ различными способами, включая воровство, халтуру, обман, сговор, взаимные услуги, левую работу и прочие средства, соответствующие общему стилю жизни. Они были соучастниками всего того, что правдоборцы обличали как преступления.

Наступила эпоха гласности. Высшие власти призвали граждан всех стать правдоборцами. Предприятиям вроде бы предоставили неслыханную свободу деятельности, стали переводить на самофинансирование, заговорили о самоуправлении и прочих вещах, о коих раньше и помыслить не смели. Наш Перестройщик стал глашатаем перестройки, начал с остервенением разоблачать директора и "всю его мафию" в коррупции, бюрократизме и консерватизме. Статью в газете напечатал. По телевидению выступил. Его поддержали в партийных инстанциях. Директора завода и ряд других начальников сняли с постов, назначив на их место более молодых и инициативных специалистов. Перестройщика назначили директором завода. Вот тебе власть, свобода предпринимательства! Покажи, на что ты способен!

На первых порах казалось, что теперь начнется подъем, и завод выйдет на уровень мировых стандартов. Восстановили твердую трудовую дисциплину. Прекратили пьянство в рабочее время. Но последствия этого прогресса оказались обескураживающими. Работая по-новому, рабочие за пару часов выполнили всю дневную норму. Потом началось твориться нечто невообразимое. У одних станков накапливались горы деталей, которые не могли двигаться дальше. Другие станки пришлось остановить из-за отсутствия подлежащих обработке материалов. Через четыре часа завод остановился. И еще четыре часа ушло на наведение порядка в наступившем хаосе.

Перестройщик носился по цехам, проклиная консерваторов, халтурщиков,

пьяниц и прочих врагов перестройки. Старые рабочие пытались объяснить ему, что люди стали консерваторами, бюрократами, халтурщиками и пьяницами не в силу личной испорченности, а в силу самого строя жизни. Иначе просто не получается. Они советовали не пороть горячку, а вводить новшества постепенно, не нарушая привычного порядка вещей. А еще лучше оставить все без изменений, а новые принципы работы вводить параллельно, создавая новые предприятия с новой технологией и новой организацией труда. Новое надо строить не за счет уничтожения и переделки старого, а рядом со старым, постепенно вытесняя старое. Перестройщик, однако, и слушать ничего не хотел, старался людей и машины заставить действовать вопреки их натуре. Но реальность взяла свое. Через несколько дней восстановился прежний ритм работы. В отчетах дело выглядело так, будто работать стали по-новому. Но это была лишь новая "липа".

Независимость от государственного плана и свобода инициативы, казавшиеся такими соблазнительными на словах, на деле оказались совсем иными. Дал о себе знать закон взаимного связывания или взаимного ограничения. Предприятия, воспользовавшиеся свободой, столкнулись с тем, что другие предприятия, с которыми они имели дело, тоже стали использовать свободу в своих интересах. Потребовалось вмешательство государственных органов, чтобы урегулировать конфликты, а фактически восстановить прежнее положение. Свобода предпринимательства оказалась удобной лишь в порядке исключения и в очень ограниченных пределах.

Завод Перестройщика вступил в конфликт с поставщиками сырья и с потребителями продукции. Последние сократили заказы, а потом от них совсем отказались. Поставщики нашли более выгодным для себя контракты с другими заводами. Перестройщик сунулся в обком партии с просьбой помочь. Ему сказали, что обком сейчас не вмешивается в такие дела. Он сунулся в министерство. Ему сказали, что он не один такой, что он сам должен искать выход из положения. Всю страну объездил Перестройщик со своими соратниками в поисках оптимального решения. За границу съездил. А толку никакого, только кредиты растранил. Зарплату рабочим выплачивать надо, а банк денег не дает. Помчался Перестройщик в Москву. Добился приема у Сусликова, Тот прочитал ему нотацию, состоявшую из перестроечных лозунгов и общих фраз. Вышел Перестройщик из здания ЦК КПСС, достал у спекулянтов на оставшиеся деньги бутылку "горбачухи", выпил ее залпом и бросился под поезд метро. В Партграде о нем не пожалел никто.

Третий маршрут

Третий маршрут решили посвятить бытовым условиям трудящихся. Для этой цели выбрали новый и самый благоустроенный микрорайон города -- Новые Липки. Район был назван в подражание московским Новым Черемушкам. Подобно тому, как в Новых Черемушках никогда не росла черемуха, в Новых Липках никогда не было ни одной липы. И партградцы истолковали это название как очередную "липу" (в социологическом смысле).

Строили микрорайон еще в хрущевские годы в соответствии с принципами: совместить кухню и столовую с туалетом и ванной, спальню с прихожей, потолок

с полом. Дома, построенные по таким принципам, получили название хрущоб. Причем, строились они так, что на другой же день после сдачи в эксплуатацию их надо было ремонтировать. И все же это был колоссальный прогресс: все семьи здесь жили не в коммуналках сталинских времен, а в отдельных квартирах. Пусть в микроквартирах, пусть в хрущобах, зато в отдельных. Когда пропаганда обращала внимание на этот факт, интеллектуалы выдвигали в качестве контраргумента другой очевидный факт: на кладбище каждый человек тоже имеет свое отдельное жилье.

Путь в Новые Липки лежал мимо пустырей и мусорных свалок. Еще при Хрущеве на их месте планировали разбить парк. Когда Хрущева скинули, скинули и высших партградских руководителей, считавшихся ставленниками Хрущева. Им вменили в вину не только плохо построенные дома, но и невыполнение обещания разбить парк на пути к ним. Но дома не отремонтировали и в течение всего брежневского периода. -- Вот вам пример того, как жили и работали в застойные годы, -- сказал назидательно Кобытов, забыв о том, что именно в эти годы во главе области стоял Сусликов, а он, Кобытов, и тогда был его помощником. Кто-то предложил устроить несколько субботников и посадить деревья хотя бы вдоль шоссе. Другой возразил, что теперь к субботникам относятся критически. -- Это явный перегиб, -- заметил Кобытов. Субботники были и остаются школой коммунистического отношения к труду. Этому нас учил Ленин.

При въезде в Новые Липки члены комиссии увидели бронзовый бюст покойного Портянкина. На лбу разжалованного в консерваторы и бюрократы бывшего члена Политбюро красовалось знаменитое русское ругательство из трех букв. Увидя это, Кобытов предложил перенести монумент в другое место, где его не смогут увидеть иностранцы. И у хулиганов пропадет стимул безобразничать. Русский человек вообще начинает безобразничать, если его безобразия видны всем. К тому же Портянкин скомпрометировал себя коррупцией, так что бюст лучше всего убрать совсем. Скоро Сусликов получит вторую Золотую Звезду, и место потребуется для его бюста.

Автобус остановился в центре микрорайона перед зданием районного Совета, которое было украшено лозунгами перестройки и портретами Ленина и Горбачева. Не успели члены комиссии размяться после долгого сидения, как к ним подошла группа жителей и передала жалобу на беспорядки в районе. Они попросили передать жалобу лично Горбачеву. В жалобе говорилось, что дома были приняты в эксплуатацию с такими дефектами, что сразу же потребовался капитальный ремонт. В стенах образовались щели, через которые проникает вода во время дождя. Через мусоропровод и вентиляцию в квартиры заползают тараканы. Отопление плохо работает. Не работает прачечная. На весь район два кафе и одна столовая, в которых нечего есть. И очереди везде, с транспортом ужасно плохо. Автобуса приходится ждать иногда часами. Чтобы устроить детей в детский сад, приходится ждать очереди больше года.

Кобытов счел жалобу справедливой. Лишь по поводу строк об отставании от Запада высказал несколько гневных слов. И в самом деле, давно ли мы радовались новым домам, школам, больницам?! Давно ли приходили в восторг от холодильников и телевизоров?! С нашим прошлым сравнивали. А теперь на Запад стали заглядываться. А ведь и на Западе не все живут припеваючи. И благополучие западным людям не даром дается. За него работать надо, да еще как! наших людей так работать не заставишь. Мы разучились ценить то, чего

достигли у себя. А на Западе видим лишь магазины и курорты.

То, что комиссия увидела в лучшем жилом районе города, привело ее в уныние, несмотря на речь Корытова. -- Похвастаться, как видите, нечем, -- сказал председатель райсовета, сопровождавший комиссию. Последствия застойного периода!

-- Верно, -- сказал Корытов. -- Так и будем показывать это как последствие застойного периода. А вид на пустырь и свалку закрыть щитами с изображением жилого района, который будет построен благодаря перестройке. Разумеется, по последнему слову архитектуры и строительной техники. И с учетом всех потребностей граждан в бытовых удобствах.

По выезде из Новых Липок члены комиссии увидели такую сцену. Около монумента Портянкина расположилась группа пропойц с выпивкой и закуской. Один из пропойц делал по- большому в кустах около монумента, другой по-маленькому прямо на пьедестал, третьего рвало от выпитой гадости, а четвертый спал, широко раскинув руки. Около пьяниц сновали бездомные собаки. Нахальные воробьи клевали крошки на газетах, На загаженной голубями лысине Портянкина сидела драная ворона. Неподалеку на проезжей части улицы стоял оборванный старик, Он протягивал такой же рваный, как он сам, лист бумаги навстречу автобусу с комиссией. Автобус сделал резкий зигзаг, объехав старика и забрызгав его грязью. -- Что это за чучело, -- спросил Корытов. -- Унитаз, -- ответил кто-то из партградцев. Известный в городе сумасшедший, недавно выпущенный на свободу.

Притча об Унитазе

Выше, в разделе о влиянии Москвы на Партград говорилось о человеке, который приковал себя цепью к неисправному унитазу. Этот человек и был тот самый оборванный старик, стоявший на пути автобуса с комиссией. После истории с унитазом он получил кличку Унитаз. Но его героическое сражение против язв общества и за справедливость началось значительно раньше. Если бы кто-то заинтересовался его жизнью и описал ее в деталях, могла бы получиться картина, по своей трагичности превосходящая все обличительные книги вместе взятые. Собственно говоря, о его личной жизни и писать не надо было бы, -- ее как таковой почти что не было. Достаточно было бы собрать письма, заявления, жалобы и просьбы, написанные им и с его участием в различные учреждения власти и различным должностным лицам, а также ответные бумаги. Это и было бы документально точным описанием его жизни.

А коротко говоря, история его такова. В 1939 году в многосемейной, коммунальной квартире, где жил тогда юный комсомолец, впоследствии прозванный Унитазом, окончательно вышел из строя унитаз. Он и раньше ломался, но после усилий всех сведущих в водопроводной и канализационной технике жильцов он приводился в относительный порядок. А тут поломался совсем. Жильцы обратились с просьбой в домоуправление. Не помогло. Обратились с жалобой в районный жилищный отдел. Не помогло. Написали письмо в "Партградскую правду". Не помогло. Написали письма в центральную "Правду", депутату Верховного Совета, Ворошилову, Буденному. И все равно никакого эффекта. В квартире не стало житья от зловония. Жильцы бегали справлять

нужду по окрестным дворам, вызывая на себя злобу соседей. В этот критический момент комсомолец Унитаз подал идею написать письмо самому товарищу Сталину. Делать было нечего, и жильцы согласились с идеей Унитаз. Тот сочинил душераздирающее письмо о бездушных бюрократах, наносящих ущерб нашему обществу и строительству социализма в одной отдельно взятой стране (как раз в это время в школе изучали работы Сталина на этот счет). Жильцы подписали письмо и отослали. А на другой день Унитаз арестовали за антисоветскую пропаганду и организацию "коллективки". Хотя он был несовершеннолетним, его осудили на десять лет исправительно-трудовых лагерей.

Началась война с Финляндией. Унитаз попросился добровольцем на фронт.

Его просьбу уважили. Он проявил героизм, был ранен, искупив тем самым свою вину кровью, был награжден орденом. После демобилизации он вновь включился в борьбу за ремонт унитаза. Опять пошли письма, просьбы, жалобы, резолюции. Не известно, чем кончилась бы для него эта волокита, если бы не началась война с Германией. Унитаз опять ушел добровольцем на фронт.

После войны он вернулся домой с "иконостасом" орденов и медалей, с тремя ранениями, в чине лейтенанта. Начались годы учебы и, само собой разумеется, борьбы за ремонт вечно ломающегося унитаза. На этот раз он углубил свою борьбу до обличений язв сталинизма, и его вновь осудили на десять лет. После разоблачительного доклада Хрущева его освободили и реабилитировали. Он окончил институт, стал инженером, женился, завел детей. Старый его дом с неисправным унитазом пошел на слом. Унитазу дали комнату в другом доме, тоже старом, но еще не предназначенном на слом. Он был счастлив. Но счастье оказалось недолгим: сломался унитаз. Поскольку унитазы оказались неисправными во всем доме, Унитаз возглавил борьбу всех жильцов за ремонт всей канализационной системы. Это был более высокий уровень общественного движения, и Унитаз исполнял свой гражданский долг с большим увлечением. Тем более дело шло к "оттепели".

В конце концов и этот дом пошел на слом. Унитаз с семьей получил отдельную двухкомнатную квартиру в новом доме. Невозможно словами описать ликование семьи Унитаз. Но уже через неделю в новой квартире сломался унитаз. Новый период сражений Унитаз закончился описанным выше эпизодом, когда он приковал себя цепью к неисправному унитазу,

Отбыв срок заключения, Унитаз посвятил свою жизнь целиком борьбе против бытовых беспорядков в районе. Он развелся с женой, поделив жилплощадь. Ему досталась комнатка в шесть квадратных метров, по иронии судьбы -- в многосемейной квартире с испорченным унитазом. Это его доконало. Он оказался в психиатрической больнице. С началом перестройки его освободили. В районе к нему привыкли и потешались над ним. А он продолжал сочинять жалобы по поводу неработающего унитаза в ЦК КПСС, в ООН, президенту США, Римскому Папе, Тетчер, Солженицыну, Сахарову. Но, как это и было во все прошлые годы, на них никто не обращал внимания.

Четвертый маршрут

Перспектива открытия Партграда для иностранцев подлила масла в огонь культурного ренессанса. Деятели культуры пришли в необычайное возбуждение, когда слух об этом разнесся по городу. Комиссию стали осаждать бесчисленные прожектеры, просители, жалобщики. С их помощью комиссия в кратчайший срок выработала программу мероприятий, осуществление которых должно было вывести Партград в число ведущих культурных центров страны.

Решили предоставить артистам полную свободу творчества. Пусть открывают новые независимые театры любого типа и в любом количестве. Каждому актеру -- свой театр! Пусть вытворяют, что хотят!

Пусть критикуют кого и как хотят! Пусть голых баб и мужиков показывают!

Пусть постельные сцены показывают! Чем бездарнее и грязнее, тем лучше, -- иностранцы это любят.

Местным властям порекомендовали провести конкурс людей без голоса, без слуха и вообще без всяких артистических талантов, отобрать худших, создать из них ансамбли вроде западных и предоставить им сцены в местах появления иностранцев. Пусть вопят истошными голосами всякую чушь, пусть кривляются и трясутся, как обезьяны. Иностранцы увидят, что и у нас есть все такое, что им опротивело у себя в Париже,

Нью-Йорке, Лондоне и Риме, и успокоятся. Мол, и в

России сходят с ума, как у них, на Западе. Мол, и

Россия покатила по пути демократии. Мол, надо помочь русским докатиться до конца в этом направлении.

Комиссия также посоветовала партградскому руководству создать множество объединений независимых художников и предоставить в их распоряжение помещения для выставок. Иностранцы наверняка будут посещать выставки и скупать мазню партградских "пикассят" и "пикассих" (выражения Корытова). А на

Западе это будет выглядеть как показатель "культурного ренессанса". --

Главное, -- резюмировал обсуждение Корытов, -- иностранцы увидят, что хотя у нас нет еще результатов свободы творчества, зато есть нечто более важное, чем результаты творчества, а именно -- свобода творчества, пусть даже с плохими результатами или совсем без оных, И пусть малюют голых баб и эротические сцены. Пусть дерзают и не побоятся коснуться темы гомосексуализма. Как говаривал сам Маркс, ничто человеческое нам не чуждо. И как говаривал Ленин, мы, большевики, не аскеты. Пусть новые музеи открывают. Каждому художнику -- свой музей!

Писателям посоветовали основать столько журналов, сколько захочется.

Каждому писателю -- свой журнал! За свой счет, конечно. Пусть сам бумагу достает, сам печатает, сам продает свои книги. Прибыль -- пополам с государством. Печатать литературные произведения надо без всякой цензуры, без редактирования, даже не исправляя грамматические ошибки. Пусть будет видна индивидуальность авторов! Не надо бояться писать об убийствах, грабежах, изнасилованиях. Раз мы начали думать и жить по-новому, то и описывать нашу жизнь надо по-новому,

Корытов пообещал помочь писателям в издании журнала "Партградская тряпина". Посоветовал изменить название на "В жопе России", дав следующее

обоснование последнему. В обычной жизни мы без мата и скабрзностей шагу ступить не можем. Но стоит кому-то в печати или в публичной речи употребить невинное словечко вроде "жопа", как подымется буря нравственного негодования. Во избежание обвинений в безнравственности нам приходится точные и выразительные слова, считаемые неприличными, заменять ужасающе серыми, скучными и туманными их синонимами, Вместо слова "жопа", например, мы употребляем выражения вроде "задняя часть тела", "часть тела, противоположная голове" или "то, чем сидят на стуле". При этом мы мнемся и сопровождаем такие перлы красноречия подленьким смешком. Задуманная ясность и красочность речи пропадает. А порою вообще приходится мычать нечто невразумительное, поскольку выражения вроде "А ты, Петр Иванович, есть типичная жопа!", "Наш отдел оказался в жопе" или "Пошли вы все в жопу" не имеют адекватного эквивалента в общественно одобряемом языке. В этой связи слово "жопа" заслуживает особого внимания. В неофициальном языке оно достигло степени общности и универсальности, позволяющей поставить его в один ряд с таким философскими категориями, как "материя", "сознание", "пространство", "время", "движение". Раз мы начали мыслить и жить по-новому, то нам надо осуществить перестройку и в языке. Вы, писатели, и должны возглавить языковую революцию. После того, как мы реабилитируем слово жопа ", можно будет взяться и за всемирно знаменитое русское ругательство из трех букв. Я уверен в том, что оно войдет во все языки мира наряду со словами "спутник", "перестройка", "гласность".

Кровавое колесо

Вечером членов комиссии пригласили- в Независимый театр на премьеру спектакля "Кровавое колесо" по роману упоминавшегося выше писателя. Спектакль был сверхноваторским. Как писали потом в газетах, авангард двадцатых годов показался бы в сравнении с ним старомодной классикой. Актеры шлялись по зрительному залу, приставали к зрителям с провокационными вопросами вроде: "А что ты делал в застойные годы? " и выволакивали пожилых людей, подозреваемых в сталинизме и брежневизме, на сцену на всеобщее посмешище. Актеры были одеты в грязные и вонючие костюмы, символизовавшие прошлую эпоху. От зловония многим зрителям становилось дурно. Их под улюлюканье актеров выводили из зала. А кто-нибудь из актеров назидательно вопил: "А каково было вашим жертвам?! ".

Пьеса охватывала все основные вехи советской истории, начиная Октябрьским переворотом и кончая перестройкой. Начинался спектакль сценой в Смольном. Ленин с соратниками бежал по коридору. Навстречу шел Сталин. Ленин остановился на миг, спросил у Троцкого, указывая на Сталина, что это за бандитская морда. Троцкий сказал: "Шляются тут всякие! ". Сталин сверкнул желтыми глазами, закурил трубку и проворчал с акцентом: "Погодите, я вам покажу, где раки зимуют!". В следующей сцене изображалось совещание вождей партии. Ленин полулежал в гробу, окруженный учениками и соратниками. Среди них крутились Хрущев, Горбачев, Сахаров, Ельцин. Обсуждались меры по перестройке всего того, что еще не начали строить. Рыков предлагал передать

власть Советам, выбирать из двух кандидатов. Каменев предлагал разрешить несколько партий. Зиновьев предлагал ограничить функции партии идеологическим воспитанием трудящихся. Тухачевский предлагал уничтожить атомное оружие, а также ракеты ближнего, среднего и дальнего действия. Бухарин предлагал распустить колхозы и перейти на фермерское хозяйство, как в США, Он уверял, что один фермер с семьей будет производить больше, чем колхоз из трехсот человек. На вопрос, что делать с высвободившимися людьми, Бухарин посоветовал послать их учиться. Вдруг на сцену вбежал Сталин с сообщниками, среди которых, помимо известных сталинистов, фигурировали также Брежнев, Черненко, Громыко, Гришин, Робеспьер, Марат, Кромвель, Маоцзедун, Хомейни и даже Гитлер. Сталин запихнул Ленина в гроб и заколотил крышку гроба огромными гвоздями. Ленин еще долго кричал из гроба, что Сталин груб, что он захватил слишком большую власть над партией, что его надо снять с поста генсека. А Сталин спокойно сел на гроб и закурил трубку. Робеспьер вместе с Берией вкатил на сцену гильотину и начали рубить головы ленинской гвардии. Головы катились со сцены в зрительный зал. Как потом писали газеты, хотя все знали, что головы были не настоящие, зрители получили удовольствие от поразительной правдоподобности изображения духа эпохи. По рядам в это время бродили вонючие артисты, собирая подписи под требованием напечатать "Архипелаг ГУЛАГ".

Потом изображались коллективизация и индустриализация. На сцене валялись трупы. Их время от времени убирали и снова заваливали сцену трупами, С колхозников сдирали шкуру, причем -- по три раза, как того требовала пословица. Заводы и машины складывали из трупов. Рабочих через каждые пять минут расстреливали. Все это делали Сталин и его подручные. В следующем действии изображались предвоенное время и война. Сталин обнимался с Гитлером, договаривался о разделе Европы. Чтобы доказать Гитлеру свою дружбу, Сталин приказал арестовать и расстрелять всех офицеров, генералов и маршалов Красной Армии, за исключением самых глупых. Началась война. Сталин спрятался под землю, плачет, дрожит от страха, кричит "Братья и сестры, спасите меня!". Армия в панике. Один генерал Власов хочет спасти Россию. Просит Гитлера разрешить ему освободить Россию от большевиков. Гитлер, однако, не доверяет патриоту Власову и терпит поражение. Узнав об этом, Сталин вылезает из-под земли, присваивает себе плоды победы и опять принимается за старое -- за аресты и расстрелы. Не известно, чем бы это кончилось, если бы не появились Хрущев и Горбачев. Они начали произносить разоблачительные речи. Сталин стал корчиться и упал бездыханным. Всеобщее ликование. По сцене и по залу стали бегать хрущевцы с кукурузными початками. Но недобитые сталинисты во главе с Брежневым остановили праздничное ликование. Все замерло. Сцена и зал погрузились во тьму. Это продолжалось полчаса. Газеты потом писали, что это было самое сильное место не только в спектакле, но и в советской драматургии вообще. В зале царила такая тишина, что не было слышно даже жужжания мух, -- они все сдохли от скуки в предыдущих действиях. Наконец, вспыхнул ослепительный свет. Началась перестройка, Появился Горбачев в облике Петра Великого и начал прорубать окно в Европу.

Члены комиссии с большим трудом досидели до конца представления. Но спектакль все же рекомендовали для показа иностранцам. При этом они руководствовались установкой, высказанной Корытовым. -- Спектакль, конечно,

спорный, мягко говоря, -- сказал он. -- Но что является главным для нас на данном этапе? Провести определенную политическую линию с учетом конкретной исторической обстановки. Спектакль этот не для наших людей, а для иностранцев. Наши люди добровольно такое дерьмо смотреть не будут, а за деньги тем более. Иностранцев же хлебом не корми, только дай в нашем мусоре покопаться. А показывая тот спектакль иностранцам, мы одним выстрелом трех зайцев убиваем. Во-первых, валюту получаем. Во-вторых, демонстрируем критическое отношение к язвам прошлого. В-третьих, допускаем неслыханную ранее свободу творчества. А в подлинной исторической правде и подлинном творчестве иностранцы меньше всего заинтересованы. На подлинное нужны гении и время. У нас нет ни того, ни другого. Гениев, впрочем, мы нашли бы. Но ведь гении всегда идут не в ногу с нашими установками.

Пошел ты в жопу!

Не успели члены комиссии очухаться от "Кровавого колеса", как пришлось ехать на просмотр нового фильма, созданного в условиях полной свободы творчества. Фильм назывался "Пошел ты в жопу!". Само это название произвело сенсацию в мире искусства и его поклонников. Еще не посмотрев фильма, критики объявили его самым выдающимся шедевром за всю историю советского кино. Глядя фильм, члены комиссии не знали, как реагировать на него. Это был действительно шедевр, но шедевр бездарности, пошлости, скабрзности, хамства, распушенности и претенциозности. -- Такие помои мне еще ни разу не приходилось хлебать, хотя я просмотрел сотни плохих фильмов,- шепнул Корытову представитель культурных учреждений, -- Из устаревших западных достижений взято все самое худшее. Все это перемешано хаотически. Плюс к тому порнография, идиотизм, идейное убожество. Одним словом, не просто плохо, а мразь. -- Превосходно, -- шепнул в ответ Корытов. -- Пусть мразь, лишь бы не настоящий шедевр. Передайте товарищам, что фильм дрянной, но вполне в духе перестройки. Будем хвалить.

Услышав установку Корытова, члены комиссии успокоились и слились в своих реакциях со зрителями. А те после каждой пошлости, нелепости и скабрзности разражались бурными аплодисментами. Особенно сильно аплодировали, когда показывались голые женщины и постельные сцены. Фильм кончился восклицанием главного героя, обращенным к секретарю обкома партии: "Пошел ты в жопу!". В зале после этого поднялся рев восторгов. Аплодировали стоя. На сцену вызывали создателей фильма. Их засыпали цветами. После просмотра состоялось обсуждение фильма. Пару слов попросили сказать Корытова. Тот сказал, что фильм можно послать на кинофестиваль в Канн. -- Вы это серьезно? -- спросил Корытова представитель культурных учреждений, когда комиссия покинула киностудию. -- Вполне, -- ответил Корытов. -- На Западе смотрят на нас, как на дикарей. Если мы начинаем делать что-то похожее на них, они начинают похлопывать нас по плечу и награждать премиями наше запоздалое дерьмо. А если уж делать дерьмо, то в этом отношении мы можем перегнать Запад в два счета. Одним словом, додермим и передермим Запад в культуре, -- вот наша установка на данном этапе. -- Вы правы. С такой установкой мы справимся. А на создание настоящих шедевров нужно время. Да и

как определить, что есть шедевр?! И ко всему прочему, наша эпоха вообще есть эпоха торжества посредственности и уродства. Но все-таки немного грустно. Ведь делали же у нас фильмы, потрясавшие весь мир! -- Когда это было?! Во времена культа личности. Тогда люди еще верили в идеалы, на Запад не зарились. И вообще...

Корытов не закончил мысль, но всем было и без слов ясно, что он переживал. В гостинице собрались в комнате Корытова, основательно выпили и проговорили чуть ли не до утра.

Пятый маршрут

Следующий маршрут наметили в Дом Престарелых, Похоронный комплекс, монастырь и действующую церковь. Объединяя эти заведения в нечто единое, руководствовались не только их территориальной, но и жизненной близостью: старики готовятся на тот свет и задумываются о душе и загробной жизни, кладбище и церковь испокон веков были неразделимы.

Комиссия осталась чрезвычайно довольна тем, в какой вид попы привели монастырь за удивительно короткий срок. Настоятель дал роскошный обед в честь комиссии. На обеде он произнес речь, в которой говорил о росте числа желающих постричься в монахи и учиться в семинарии, о тяге комсомольцев и даже членов партии к религии, с одной стороны, и об интересе священнослужителей к марксизму-ленинизму, с другой стороны, о перестройке церкви, о готовности профессоров семинарии читать бесплатно лекции по истории религии в антирелигиозном музее. Корытов в ответной речи призвал служителей культа начать борьбу против тлетворного влияния отрицательных сторон западного образа жизни на советских людей, некритически заимствующих их вместе со сторонами положительными.-- Эти ребята не подведут, -- сказал. Корытов своим коллегам, когда они покинули гостеприимный симбиоз веры и безверия.

В действующей церкви комиссию встретила туча откормленных попов. Их сытые, лоснящиеся физиономии источали самодовольство и уверенность в завтрашнем дне. Они были одеты так, будто все были митрополитами и патриархами. -- Вот это маскарад, -- шепнул представитель профсоюзов представителю ГБ. -- Любой за патриарха сойти может. Они и до революции так роскошно не одевались. -- Церквушка малюсенькая, а попов как в Ватикане, -- шепнул в ответ представитель КГБ. -- А мы против бюрократии боремся. -- Попов это не касается, -- сказал Корытов. -- У нас церковь отделена от государства. -- И слава богу, -- сказал представитель профсоюзов. -- Если ее присоединят к государству, то от попов прохода не будет. Неужели все-таки бог существует?! -- Если бы существовал, то таких безобразий не допустил бы.

Комиссия посоветовала попам во время посещения церкви иностранцами устраивать образцово-показательные крещения младенцев, свадьбы, похороны и прочие обряды. Родители младенцев могут быть членами партии, новобрачные -- комсомольцами, покойники -- бывшими партийными работниками. В этих случаях будет убедительнее выглядеть свобода религии. И вообще, церковь вполне может теперь работать рука об руку с идеологией и пропагандой. Корытов пообещал помочь попам издать материалы, касающиеся гонений на церковь в сталинские

годы. Попы попросили принять суровые меры в отношении церковных диссидентов, критикующих перестройку церкви и создающих еретические группы вне православной церкви. Свобода религии не есть свобода внутри религии.

В Доме Престарелых для комиссии показали концерт самодеятельности. Старики орали современные шлягеры, тряслись и кривлялись так, как будто им было не больше двадцати лет. Директор Дома пояснил, что старики, как оказалось, самой природой предназначены для новых веяний: ни трясутся, корчат гримасы и скулят именно от старости. Если их подкрасить, приодеть и вколоть укольчики, то из них можно создать молодежный рок-ансамбль похлеще тех, что гремят в Москве.

После концерта группа старых большевиков вручила Кобытову предложение с просьбой передать его лично Михаилу Сергеевичу, Предложение заключалось в том, чтобы вывезить саркофаг с Лениным за границу и показывать его там за большие деньги. Тем самым будет поступать валюта, необходимая для перестройки. Старики при этом ссылались на то, что мумии египетских фараонов возят по всему миру и "зашибают большие деньги". А ведь Владимир Ильич сделал для освобождения человечества побольше, чем какой-то Рамзес или Аменхотеп.

В Похоронном комплексе членов комиссии сразу же усадили за стол. Хотя они уже набили животы в монастыре, устоять перед похоронной трапезой не смогли, настолько она выглядела соблазнительно. Заведующий Комплексом заверил Кобытова, что новое руководство Комплексом исправило ошибки предшественников. Теперь труженики загробного мира будут уверенно претворять в жизнь установку Партии и Правительства на ускоренное развитие без всякого жульничества, используя скрытые резервы. В частности, они заключили договор с Домом Престарелых. Теперь обитатели Дома предоставляют свои тела для захоронения в Комплексе, а не на деревенских кладбищах. Ведутся аналогичные переговоры с психиатрической больницей и "Атомом". Есть, конечно, трудности. Продуктивность Комплекса сдерживается бюрократами учреждений, поставляющих Комплексу сырой материал. Большие надежды труженики загробного мира возлагают на развитие деловых контактов с западными компьютерными фирмами. Комплекс намерен наладить производство гробов с компьютерами, которые будут поддерживать постоянную температуру и влажность в гробовом салоне, и покойники будут сохраняться в свежем виде по крайней мере сто лет. Слух об этом уже распространяется в городе. Поступили заявки на компьютеризованные гробы от тысяч граждан. Тут открывается еще одна соблазнительная перспектива: если такие гробы продавать со скидкой или даже выдавать бесплатно, то миллионы граждан согласятся сократить пенсионный период до минимума. Тем самым мы остановим процесс старения общества и сэкономим государству миллиарды рублей за счет пенсий и облегчим жилищные проблемы. Вечером членов комиссии пригласили на Суд Истории, организованный по инициативе Дома Престарелых и обкома комсомола.

Суд Истории

Установку Москвы на восстановление исторической правды в Партграде истолковали именно так, как того и хотели в глубине души в Москве, а именно -- как установку врать по-новому, вспомнили о том, что Партград когда-то назывался именем Троцкого. Обратились в Москву с просьбой вернуть это имя городу, но Москва посоветовала подождать. Надо сначала как следует проэксплуатировать реабилитацию Каменева, Зиновьева и Бухарина. Когда сенсация по этому поводу на Западе сойдет на нет, тогда им можно будет подбросить новый материалчик для шумихи. А пока займитесь Бухариным, -- приказали из Москвы. И в Партграде поднялась волна конференций по Бухарину. Возникло даже особое неформальное общество бухаринцев. Оно выпустило брошюру, из коей явствовало, что Горбачев просто позаимствовал идеи перестройки у Бухарина. Руководителей общества пригласили в обком партии и попросили умерить пыл. -- Что же получается, товарищи, -- сказали бухаринцам. -- Тогда еще только начинали строить, а уже о перестройке говорили? А не рановато ли? И товарищ Горбачев может быть кое-что новое по сравнению с Бухариным сказал?

Бухаринцы пообещали внести исправления в историческую правду. В связи с этой историей возник анекдот. На том свете встретились Хрущев и Брежнев. Они спросили друг друга, строили ли они что-нибудь. Получив отрицательный ответ, они изумились: так что же перестраивают горбачевцы?!

Помимо общегосударственной правды в Партграде начали восстанавливать правду местную. Стали искать подходящих кандидатов. Выяснилось, что все вожди области вплоть до Сусликова и Крутова были отъявленные мерзавцы. По их приказам были загублены сотни тысяч невинных жертв, прежде чем они сами стали жертвами террора. К тому же почти все они были нерусские. Остановились в конце концов на некоем Иванове, которого расстреляли как бухаринца, хотя он никогда не встречался с Бухариным и политикой вообще не занимался, как он сам заявил на суде. В наказание за это ему и приписали принадлежность к троцкистско- бухаринскому блоку, Этого Иванова и сделали невинной жертвой и идейным противником сталинизма. Его именем назвали улицу города, издали его биографию и установили памятник. Потом выяснилось, что он возглавлял ЧК, затем -- ГПУ и НКВД в области и был расстрелян за чрезмерное усердие в уничтожении "врагов народа". Но об этом писать не стали.

В Доме Престарелых разыскали одного нераскаявшегося сталиниста. Старик оглох, ослеп и впал в полный умственный маразм. Над ним решили устроить образцово-показательный Суд Истории. Отобрали на роль судей молодых людей с университетским образованием, ставших теоретиками и апологетами перестройки. Суд проводили в помещении драматического театра, иллюстрируя исторические экскурсии судей театральными представлениями. Зал был набит битком. Суд показывали по телевидению. Судьи под неумолкающие аплодисменты собравшихся мужественно обличали "недобитого культиста" в жутких преступлениях, совершенных в сталинские годы. Его обвинили, в частности, в зверском убийстве товарища Иванова, о котором упоминалось выше. Старик на каждый вопрос, обращенный к нему, и на каждое обвинение кивал головой и бормотал что-то невразумительное. Какая-то пожилая женщина вякнула было, что это суд ей напоминает сталинские процессы тридцатых годов, только с обратным знаком.

На нее обрушились всем залом, и ее вывели милиционеры за нарушение порядка. Председатель Трибунала Истории заявил, что в лице этого нераскаявшегося сталиниста тут судят всю сталинскую эпоху.

На другой день выяснилось, что по ошибке на Суд Истории привезли совсем не того старика. Судимый оказался жертвой сталинизма, отсидевшей в лагерях более двадцати лет. Но дабы не пострадала историческая правда, этот факт гласности не предали. И никто на этом не настаивал. Партград жаждал освободиться от прошлых грехов и двигаться в будущее с чистой совестью.

Шестой маршрут

Для показа иностранцам либерализации режима наметили посещение исправительного лагеря строгого режима, известного во всем мире благодаря уцелевшим жертвам сталинизма и диссидентам. В сталинские годы лагерь был одним из крупнейших в стране. При Хрущеве он опустел и был почти полностью разрушен. При Брежневе его частично реставрировали. Содержали в нем главным образом политических заключенных. Самых отпетых уголовников содержали в нем лишь для терроризирования политических. С началом перестройки часть политических выпустили, а других распределили по обычным лагерям. И лагерь снова опустел.

Представитель КГБ предложил устроить в брошенном лагере музей сталинского и брежневского террора наподобие Дахау и Бухенвальда. Идея такого музея наверняка найдет отклик во всем мире. Посыпятся пожертвования. Бывшие узники лагерей и члены семей погибших завалят музей материалами и экспонатами. В центре лагеря надо водрузить памятник жертвам террора. -- Отличная идея,-- сказал Корятов. -- Только палку перегибать не следует. Наше прошлое -- не одни провалы и преступления. Мы все-таки стали сильнейшей державой мира. Какую войну выиграли. Спасли человечество от фашизма. В космос первыми вышли. Не все же в лагерях сидели. Был же трудовой героизм. Был энтузиазм. Были репрессии. Были преступления, ошибки. Но нельзя же сводить к ним нашу великую историю. Председатель партградской комиссии подхватил мысль Корятова и развил ее далее. Он предложил вообще на территории лагеря сделать филиал краеведческого музея, в котором несколько стендов посвятить репрессиям в сталинские и брежневские годы.

После продолжительной дискуссии комиссия нашла более целесообразным отвести под прошлые репрессии один зал в уже существующем музее в самом городе. Это будет удобнее для иностранцев и много дешевле.

Решив проблему лагеря наилучшим образом, перешли к другому объекту маршрута -- к психиатрической больнице. Партградская "психушка" тоже имела дурную мировую славу. Сам тот факт, что ее разрешено посещать иностранцам, должен произвести сильное впечатление на Западе. Расположена она всего в полчаса езды от центра. Внешне она выглядит вполне прилично, не хуже западных заведений того же рода. Никаких диссидентов, подвергаемых принудительному лечению по политическим мотивам, там уже нет. Их всех выпустили на свободу или перевели в другие больницы. Содержащиеся в больнице пациенты все являются стопроцентными медицинскими сумасшедшими, и любые

западные эксперты могут это подтвердить.

Но радость членов комиссии была непродолжительной. Они увидели, что больница была переполнена психами, свихнувшимися на перестройке. Если дать иностранцам поговорить с обитателями больницы, у них может сложиться ложное впечатление, будто тут содержатся искренние сторонники перестройки. Пойдут слухи, будто консерваторы в Партграде захватили власть и готовят контрреволюцию снизу в противовес горбачевской революции сверху.

Выход из затруднения нашли такой. Одно отделение больницы решили вообще освободить от больных и устроить в нем клуб для бывших жертв карательной медицины, выпущенных на свободу. Иностранцы из бесед с ними убедятся сами в том, что эти жертвы суть нормальные сумасшедшие, и распространят слух, будто прежние слухи на счет карательной советской медицины были сильно преувеличены.

В маршрут включили также встречи иностранцев с зелеными, патриотами и демократами. Зеленые как раз начали борьбу за спасение трясины. Они установили, что с осушением трясины в области исчезнут мухи, комары и оводы. В результате птицам нечем будет питаться, и они вымрут или эмигрируют на Запад. И тогда расплодятся те же мухи, комары и оводы, но уже в таких количествах, что людям житья не будет, и они вымрут или эмигрируют на Запад. В дискуссиях с зелеными иностранцы получают неповторимую возможность проявить свой гуманизм и чувство ответственности за судьбы насекомых.

Патриоты поняли москвичей с полуслова и во всем согласились с ними, кроме одного пункта: отношения к евреям. Комиссия попросила патриотов не обнажать свой антисемитизм открыто. Но патриоты заявили, что без явного антисемитизма никакого русского национализма не получится. А тайный антисемитизм вырождается в явную русофобию.

С демократами произошел курьез, о котором стоит рассказать особо.

Посткоммунистическая эра

Слухи о том, что на Западе решили считать наступившую эпоху полным крахом коммунизма и началом посткоммунистической эры, дошли и до Партграда. Рядовые партградцы остались равнодушными к ним. Им было безразлично, как называется то свинство, в котором они жили испокон веков и обречены жить до скончания века -- крепостничеством, военным коммунизмом, развитым социализмом или посткоммунизмом. Они с ускорением, но со все меньшей эффективностью рыскали по городу и его окрестностям в поисках съестного, глушили "горбачуху" и били морды перестройщикам, консерваторам и друг другу. Намерение Запада освободить их от оков коммунизма было им так же чуждо, как и намерение перестройщиков улучшить коммунизм.

Зато интеллектуалы с головой окунулись в дискуссию на эту тему. А что им оставалось делать?! Политические анекдоты были все рассказаны. Перестроечные анекдоты вызывали скуку. Все язвы коммунизма были разоблачены. Вся прошлая советская история была оплевана и замазана грязью настолько, что уже и плюнуть некуда было. "Горбачуха" утратила былую силу, -- к ней привыкли и пили с отвращением. Вот в этот идейно-критический момент Запад и подбросил мыслящей элите Партграда животрепещущую тему: как организовать

жизнь в области после того, как коммунизм совсем исчезнет?

Возглавили это интеллектуальное движение демократы. Как раз перед приездом московской комиссии они обратились в областной Совет с требованием (не с просьбой, а именно с требованием!) предоставить им помещение для проведения конференции на означенную тему. На этой конференции они собирались сказать во всеулышание свое: "Есть такая партия!".

В облсовете впали в панику. Обратились за советом в обком партии. Там сначала послали их "на...". Мол, вы теперь высшая власть, вы и решайте. Лишь после того, как председателя облсовета свезли в больницу с обширным инфарктом, Крутов и Горбань пошли навстречу будущему парламенту. Горбань предложил предоставить под конференцию пустующий барак бывшего лагеря для политических заключенных или аналогичную палату психиатрической больницы. Крутов сказал, что на Западе это могут неверно истолковать, и предложил провести конференцию в помещении цирка, которое пустовало в связи с гастролями цирковой труппы на Западе. Предложение Крутова приняли, покатываясь от хохота. Сожалели только о том, что клоуны Ванюшка и Петюшка тоже укатили на Запад. А то во время конференции "посткоммунистов" можно было бы чередовать номера клоунов с речами ораторов. Потребуется, например, какой-то демократ приватизировать средства производства. После его речи на арену в слезах выходит Ванюшка, везет на тележке надутого резинового слона. Петюшка спрашивает его, в чем дело. Тот отвечает, что в цирке идет приватизация, и ему выдали слона в собственность. А чем его кормить, если сам перебивается с хлеба на воду? А где его держать, если у самого квартирка, ноги вытянуть нельзя? Петюшка утешает Ванюшку и советует ему складывать слона, Ванюшка вытаскивает затычку из слона. Из того выходит воздух. Ванюшка складывает слона и прячет в карман. В городе после этого неделю смеялись бы все до слез.

Комиссия в полном составе отправилась на конференцию. Ее появление было встречено аплодисментами. Корятова пригласили сесть в президиуме рядом с председателем. На повестку дня конференции был поставлен один вопрос: перспективы коммунизма в переживаемую эпоху. Глава демократов, открывая конференцию, сказал, что на Западе сейчас приобретает силу мнение, будто коммунизм терпит крах, будто начинается посткоммунистическая эра. Задача конференции -- обсудить, насколько это мнение соответствует реальности. Начались выступления. И тут партградские интеллектуалы показали, что они не зря учились в советских школах, институтах и университетах, не зря сдавали экзамены по марксизму-ленинизму, не зря прошли школу жизни в советских коллективах. Они единодушно говорили, что сам факт разрешения конференции на такую тему красноречиво свидетельствует о силе и прочности коммунизма, о его способности развиваться в направлении демократии. Ораторы осудили преступления и ошибки сталинского периода, смело и бескомпромиссно обрушились на Брежнева и его мафию, пересказали речи Горбачева и прочих энтузиастов перестройки, пересказали газетные и журнальные статьи столичных трепачей. Что касается социально-политического строя и экономики посткоммунистической эры, то ораторы поддержали "платформу" демократов и "парламентской оппозиции".

После конференции Корятов встретился с Крутовым и Горбанем. О посткоммунистах он сказал, что за ними надо глядеть в оба. Люди они грамотные. Из них можно укомплектовать всю пропагандистскую сеть области. Но

они способны на любую пакость. Перед иностранцами они начнут выпендриваться. Ради похвалы на Западе они мать и отца продадут, а не то что идеалы коммунизма. С ними надо провести индивидуальную воспитательную работу. Дать им понять, что не все коту масленица, придет и Великий пост. Мы и без них проживем. Кроме того, надо особое внимание теперь обратить на неформальные объединения и движения, которые гораздо важнее для укрепления морально-политического единства нашего общества, а именно на такие: общество ветеранов Отечественной войны, союз ветеранов войны в Афганистане, общество комсомольцев 30-ых годов, общество активистов колхозного движения, общество ударников пятилеток, народные дружины. Одним словом, возможности тут огромные, и их надо использовать.

Говоря так, Кoryтов ощущал себя действительно эмиссаром революции, но не этой демагогической "революции сверху", поднятой в средствах массовой информации на Западе и отчасти у нас самих, а той, которая началась в октябре 1917 года и завоевания которой оказались под угрозой в нынешнюю газетную "революцию".

Седьмой маршрут

До революции область в изобилии производила мясо, масло, овощи, фрукты и хлеб, в общем -- была отсталой сельскохозяйственной. После революции все это исчезло, и область поэтому стала считаться передовой промышленной. Хотя сельское хозяйство области во всю советскую историю находилось в жалком состоянии, Портянкин, Сусликов и Маоцзедунька стали Героями Социалистического Труда за успехи в его развитии. Маоцзедунька прошла путь от рядовой колхозницы до заведующего сельскохозяйственным отделом обкома партии исключительно благодаря тому, что руководимые ею участки сельского хозяйства и затем все оно постепенно приходили в упадок. К моменту описываемых событий оно дошло до предела деградации. И Маоцзедунька высказалась решительно против поездок иностранцев в деревню. Но ее вдруг осенило. Она вспомнила свою тетку, которая разводила кроликов и успешно торговала ими на колхозном рынке. -- У нее мешки набиты деньгами, -- сказала Маоцзедунька, описав тетку как отъявленную спекулянтку.-- Если сдать ей в аренду большой участок земли и позволить нанимать помощников, она кроликами всю область завалит, Кролики плодятся быстро, как кролики. Через пару месяцев от них житья не будет, как в Австралии в свое время. На кроличьей базе тетка построит птицеферму и свиноферму, а там и за коров возьмется. Ей только мешать не надо. Она в два года подымет животноводство в области на уровень мировых достижений. И город будет обеспечен мясом по горло. -- Отличная мысль, Евдокия Тимофеевна, воскликнул Кoryтов. -- Пусть твоя тетка подымает сельское хозяйство. Пусть будет первым советским фермером американского образца. Пусть богатеет, лишь бы мясо в магазинах появилось. Пусть кролики, пусть хоть бы кошки, лишь бы мясо. Откроем для нее свой магазин. А иностранцев будем водить в ее магазины и возить на ее ферму. Дорогу тудаотремонтируем.

Вечером провели время на даче у Маоцзедуньки. За ужином вспоминали хрущевскую перестройку. Вспомнили о председателе колхоза, посланце Москвы, трагически погибшем в те героические годы.

Притча о председателе колхоза

Произошло это в первые годы правления Хрущева. Решило высшее руководство перестроить работу колхозов, повысить их продуктивность и улучшить жизнь колхозников. Послали в колхозы из городов добровольцев в качестве председателей. Дали им кредиты и повышенные полномочия. Большинство таких посланцев быстро приспособилось к обстоятельствам и извлекло из них для себя пользу. Были, однако, среди них и идеалисты, поверившие в наступление новой эры, Один такой Посланец-идеалист оказался в Партградской области.

Перед войной этот Посланец окончил институт. В войну ушел добровольцем на фронт, дослужился до командира батальона, был трижды ранен, награжден многими орденами. После войны работал инженером в Сибири. Награждался за трудовые подвиги. Наконец, был назначен на важный пост в министерстве и зажил сытной жизнью столичного чиновника. Пошли бумаги, заседания, доклады, отчеты. Стали редеть волосы, появилось брюшко. А в душу стала закрадываться тоска: за что, спрашивается, боролись?! В этот психологически кризисный момент партия бросила клич: работники контор -- в деревню! Он первым откликнулся на него. Жена отказалась ехать с ним, и он с ней развелся. Он попросил направить его в самый бедный колхоз, в самую глушь. И его послали в Партградскую область. Он отказался от всяких привилегий, поклявшись улучшать свои личные жизненные условия только вместе со всеми колхозниками.

Началась реальная жизнь. Кредиты оказались ничтожными, а полномочия призрачными. Все попытки Посланца поднять производительность труда колхоза разбились о полное равнодушие колхозников и скрытое сопротивление начальства. Колхозники над ним издевались, используя послабления для того, чтобы увильнуть от работы, заняться личным хозяйством, съездить в город на рынок. Начальство, одобряя на словах инициативу, фактически сводило ее на нет. Посланец начал выпивать, По пьянке женился. Жена оказалась оборотистой, и скоро дом председателя стал полной чашей, Жена взяла в свои руки закулисную колхозную жизнь. В колхозе началось твориться такое, что анонимные письма и открытые жалобы потоком пошли в органы власти и газеты. И Посланцу, как писали газеты, колхозники отказали в доверии, не выбрав его председателем. Придя домой после собрания, Посланец надел выходной костюм со всеми орденами, изорвал в клочья партийный билет и повесился.

Посланца решили считать жертвой "недобитых сталинистов". Кобытов посоветовал увековечить память о нем, назвав его именем колхоз и установив там памятник ему. Вспомнили также о Перестройщике. Обсудили, не стоит ли и из него сделать жертву консерваторов. Кобытов посоветовал подождать. Маоцзедунька намекнула, что ждать опасно, так как из Перестройщика могут сделать жертву реформаторов, а не консерваторов. Кобытов сказал, что именно поэтому надо подождать. Маоцзедунька мигом протрезвела и замерла с широко разинутым ртом.

Последний маршрут

Наконец добрались до приватизации. На первых порах комиссия пришла в замешательство: частные предприятия возникали и исчезали в течение считанных дней, и выбрать какое-то из них с надеждой на стабильность было просто невозможно. В большинстве случаев частники исчезали за тюремной решеткой. Лишь немногие избегали такой участи, а именно те, кто заблаговременно сворачивал дело и с чемоданом денег удирал из города. Процветал лишь туалетный концерн. Его и решили превратить в образцово-показательное частное предприятие.

В туалете членов комиссии встретили, как говорится, по высшему разряду. Дали посидеть на современных западных унитазах, причем бесплатно. Посадочная поверхность унитазов была сделана из синтетического материала, принимавшего форму зада. Корятов сказал, проведя целых полчаса в кабинке для особо почетных посетителей, что ему еще никогда в жизни не доводилось испытывать такое удовольствие от сидения. Не только система испражнения, но и мозг работали с поразительной ясностью. По выходе из кабинок всем членам комиссии выдали в подарок по куску немецкого мыла и по рулону ароматизированной туалетной бумаги. Потом администратор туалета, одетый в черный фрак, предложил гостям познакомиться с новинками зарубежного интимного туалета. Гости по одному уходили с администратором вглубь помещения через дверь, замаскированную под зеркало. Через некоторое время они появлялись обратно, Их глаза блудливо бегали по сторонам. Мужчины виновато застегивали брюки, а женщины поправляли юбки и кофточки. -- Если нас все так работать будут, -- сказал Корятов, -- то мы через несколько лет не только догоним Запад в экономическом отношении, но и перегоним.-- Но лучше не перегонять, -- сказал представитель КГБ, -- Почему? -- А тогда наша голая задница всем видна будет.

По выходе из туалета произошел забавный казус. Группа пожилых людей, принявшая членов комиссии за американцев, вручила им письмо Президенту Рейгану. В письме они просили Президента помочь им отремонтировать канализацию и вставить стекла в подъезде, выбитые пьяными хулиганами.

Чрево Партграда

После туалета комиссия направилась на колхозный рынок. Дорогой заспорили о том, почему рынок называется колхозным, хотя торгуют на нем в основном частники. Решили переименовать рынок в кооперативный и присвоить ему имя Бухарина.

Вид рынка напомнил членам комиссии толкучку самых мрачных лет советской истории. Бродили грязные, обросшие щетиной личности, высматривая, где и что можно стянуть. Валялись пьяные. Похожие на сказочных ведьм старухи торговались с забулдыгами, менявшими тряпье на самогон. На прилавках лежали тощие пучки укропа и петрушки, скрюченные морковки, синеющие картофелины, куски фиолетового мяса, издающие зловоние кости. За прилавками на мешках восседали краснорожие не то бабы, не то мужики. От них за версту несло

самогоном. -- Да, это не "Чрево Парижа", -- сказал Кобытов, брезгливо зажимая нос. -- Но все же хоть какое-то оживление экономики отрицать нельзя. Поинтересовались ценами. Кобытов аж присвистнул, узнав, сколько стоил жуткого вида кусок мяса, которое не тала бы есть его собака. -- Ого, -- сказал он. -- Раньше за такие деньги целого быка купить можно было. -- Так то когда было, -- проворчала "колхозница". При царе. При культе личности. В застойный период. А теперича, милок, перестройка. Скажи спасибо, хоть еще есть. Члены комиссии несколько оживились около ларька, в котором продавался русский квас. От ларька исходил чад, какой раньше можно было унюхать у пивных ларьков. К ларьку стояла длинная очередь. Испив квасу, граждане кричали, вытирали рот рукавом. Глаза у них округлялись и вылезали на лоб. Покачиваясь и рыгая, они уходили на пустырь, где уже валялись их предшественники. Одни из них тут же падали сами. Более стойкие вновь становились в очередь, так как квас отпускался, согласно объявлению, лишь "по одной кружке на рыло".

Члены комиссии тоже решили испробовать совсем было исчезнувшего в застойный период, но вновь возродившегося благодаря перестройке русского кваску. Толстомордая, хамского вида бабища рявкнула хриплым голосом, чтобы важных гостей пропустили без очереди, и приказала еле стоявшему на ногах помощнику напоить их "асобым очишшаным". Гости выпили по кружке и повеселели. После второй кружки они ощутили единство с народом и стали мочиться тут же у ларька. По дороге в гостиницу они беспричинно хохотали, обнимались, клялись в любви и дружбе и горланили старинные песни на новый рок-манер.

Итоговый сон

Кобытову в эту ночь приснился прекрасный сон, Он увидел гигантское здание гостиницы "Илья Муромец", перестроенной в соответствии с новым статусом Партграда. В гостинице теперь было двести этажей. Каждый этаж был высотой в полметра. Шириной тоже. Номера имели вид ящиков, куда иностранные туристы заползали на четвереньках. На всю гостиницу был один туалет с одной сидячей и одной стоячей точкой, которые были прикреплены к потолку. В туалет стояла длинная очередь, хвост которой уходил в Новые Липки. В очереди рассказывали перестроечные анекдоты. -- Почему такая очередь, -- спросил Кобытов, притоптывая голыми ногами от нетерпения. -- Все государственные туалеты вышли из строя, сказали ему, -- и туалетное дело монополизировали частники. А им экономически выгоднее держать один туалет на весь Партград. Чувствуя, что ему не дотерпеть, Кобытов решил справить нужду у монумента Портянкина. Оглядевшись и убедившись, что за ним не подглядывают пенсионеры, он так и поступил. И сделал под себя. Проснулся на миг от ужаса по поводу содеянного, перевернулся на другой бок и уснул вновь. Теперь ему приснился Похоронный комплекс. К прессовальному цеху стояла очередь, такая же длинная, как в туалет. И в ней рассказывали перестроечные анекдоты. Кобытов спросил, кто последний. Ему сказали, что живые стоят в очереди с другой стороны, а горбачевцев хоронят с ускорением. Кобытов ринулся туда. По дороге заглянул в прессовальный цех, где покойников прессовали до размеров

спичечной коробки. Рядом разместился частный магазин, где продавали миниатюрные гробики с американскими компьютерами. Узнав цену, Кобытов ужаснулся: гробик стоил годовую зарплату работника ЦК среднего уровня! -- А где же такие деньги достать?! -- воскликнул он. -- Нет денег -- не помирай, -- сказали ему.

Тут же продавался русский квас. Кобытов выпил кружку, отдал за нее пальто, костюм, очки и совсем еще новые подштанники. Почувствовав опять приступ естественной нужды, ринулся к монументу Портянкина. Все-таки нельзя к старым партийным кадрам относиться нигилистически! Но на сей раз его схватили пенсионеры и отвели в тюрьму. Там ускоренными темпами шла перестройка. Заключенные отказались от дорогостоящей охраны и перешли на самоохрану. Опустевшие лагеря передали в концессию западным фирмам, которые наладили там производство наркотиков, проституток, абстракционистов, демократов, народных депутатов и прочих атрибутов перестройки. Кобытова немедленно выбрали президентом. Сделав от радости еще под себя, Кобытов уснул спокойным сном эмиссара революции.

Последний разговор

Перед отъездом из Партграда Кобытов встретился с Горбанем. -- Тебе, Григорий Яковлевич, оказывается особое доверие. О том, что я тебе скажу, никому ни слова. Даже ни намек. Отвечаешь головой. Ясно? -- Ясно, Иван Тимофеевич! На меня можешь полностью положиться. Не подведу. -- Надо готовить замену Крутову. Нужен наш человек, железный, способный возглавить предстоящий поворот. Имеешь кого-то на примете? -- Тупицын, второй секретарь горкома. -- Знаю. Подойдет. Начнем его выдвигать постепенно. А Крутову надо помочь запутаться в личных делишках. Придет время -- будем его судить за коррупцию, моральное разложение и авантюризм. А пока береги его, как зеницу ока. Не спугни преждевременно. -- Это легче легкого. -- Начинай подготовку к очистке области от всякой нечисти, накопившейся за эти годы. Во всех учреждениях и предприятиях следует создать секретные отряды из надежных людей. Взять с них подписку о неразглашении под страхом смертной казни. Если проболтаются, карать нещадно. Если журналисты и разоблачители сунут нос, не церемониться. Имей в виду, если что-то просочится на Запад, то... -- Понимаю!-- Чистку будем проводить молниеносно, в одну ночь. Заранее подготовь список лиц, подлежащих изъятию. Распредели роли. Наметь формы и места изоляции. Будь готов в любую минуту начать операцию. Сигнал дадим в наиболее подходящий момент. -- А Горбачев?! -- Мы хотим заставить его самого начать поворот. Когда он скомпрометирует себя в глазах общественного мнения, уберем. А если не пойдет на это... -- Все ясно, Иван Тимофеевич! Я свой долг коммуниста и патриота выполню, чего бы это мне ни стоило! Благодарю за доверие!

Великая история

В то время, когда объединенная комиссия занималась в Партграде проблемами, можно сказать, стратегического масштаба, во всех предприятиях и учреждениях города, во всех партийных, профсоюзных и комсомольских организациях, на всех уровнях системы власти и управления занимались проблемами меньшего масштаба, вплоть до отдельных личностей, окон, дверей, столов, плакатов, портретов, одежды, слов, улыбок, рукопожатий. Если бы всю интеллектуальную и творческую энергию, затраченную сотнями тысяч людей на все это, потратить на улучшение работы предприятий и учреждений области, то рывок вперед мог бы быть действительно грандиозным. Но коммунистическое общество организовано так и функционирует по таким объективным законам, что оно гораздо лучше справляется с проблемами имитации дела, чем с проблемами самого дела. К тому же формальная суета по поводу дела тут считается более важным делом, чем то дело, по поводу которого поднимается суета. Суета по поводу дела привычна и легко выполняема. Она не требует длительных усилий, риска и потерь. Она прекрасно выглядит в отчетах. Она приносит удовлетворение и явную выгоду гораздо большему числу людей, чем само дело. Причем, она дает результат сразу, а не в отдаленном будущем. А главное, она прикрывает и компенсирует практическую невозможность осуществления дела в том виде, как оно было задумано в высших органах власти.

Так что все участники грандиозной суеты по поводу превращения Партграда в маяк перестройки делали свое дело с чистой совестью. В результате деятельности многих десятков тысяч людей были намечены сотни тысяч более или менее мелких мероприятий, которые в совокупности должны ввести в нужное заблуждение миллионы людей. Были составлены тонны документов. Они двинулись вверх, обрабатываясь должным образом, сокращаясь в объеме и обобщаясь на многочисленных ступенях социальной иерархии. Наконец они достигли штаба операции -- Комиссии обкома партии. Здесь десятки чиновников из аппарата власти Партграда подготовили результирующий документ. Этот документ был передан главе Комиссии ЦК КПСС товарищу Корилову. Он зачитал его в течение четырех часов на объединенном заседании Объединенной Комиссии и руководящего актива области. Бурные аплодисменты собравшихся означали одобрение документа.

Прощание с Партградом

Московская комиссия блестяще выполнила возложенную на нее миссию. Ясным солнечным днем москвичи покидали гостеприимный Партград. На площади Ленина они увидели нечто такое, чего еще никогда не было в видавшей виды человеческой истории. Облокотясь на мусорную урну, стоял маленький, но необычно толстый человек с физиономией, о которой в народе говорят, что ее за день на велосипеде не объедешь. Человек был дет в парадную форму генерала КГБ. На тротуаре перед ним лежала генеральская фуражка. Человек жалостным голосом вопил на всю площадь: "Подайте кто сколько может бывшему сталинскому палачу, загубившему тысячи невинных жертв!!! ". Прохожие горстями бросали

монеты и даже бумажные денежные знаки в переполненную фуражку, Миновали колхозный рынок, переименованный в кооперативный. Даже через закрытые окна автобуса с кондиционером почувствовали квасное зловоние, исходившее из него. На мусорной свалке за рынком, слегка прикрытой щитами с перестроечными лозунгами и плакатами, увидели группу забудыг, распивавших "горбачуху" и распевавших песни.

Жизнь у нас всего одна.
Горбачуху пей до дна.

Кто-то сказал, что если бы результатом перестройки было бы только изобретение "горбачухи", то одним этим она была бы оправдана.

Выпив, тяпнем по второй.
Перестроим новый строй.

Москвичи рассмеялись, услышав эти слова. В самом деле, еще построить как следует не успели, а уже перестраиваем.

Третью тут же навернем.
Все обратно повернем.

Ну, это уж слишком. Горбачев сказал, что процесс перестройки необратим. Впрочем...

Пусть все видят: не потух
Наш исконный русский дух.

Вокруг певцов и пивцов стояли стукачи и записывали в блокнотики крамольные слова. Коротков вспомнил пародию на послание Пушкина декабристам в Сибирь, услышанную от Горбаня:

Товарищ, верь, пройдет она,
Так называемая гласность.
И вот тогда госбезопасность
Припомнит наши имена.

Вспомнил и радостно рассмеялся. Еще не все потеряно! Еще не потух наш здоровый русский дух! Рассмеялись и остальные, а чему, и сами не знали.

Сбывшаяся мечта

За огромный труд, сделанный по подготовке Партграда к открытию для иностранцев и превращению его в маяк перестройки, Сусликову вторично присвоили звание Героя Социалистического Труда. Таким образом, он получил право на бронзовый бюст в Партграде. Орденами Ленина были награждены Коротков и Крутов. Награды получили и другие члены комиссии и руководящие лица области.

Сусликов отпраздновал награду в кругу семьи и близких друзей. Попробовав "горбачухи", которую ему привез в подарок Кобытов, Петр Степанович тут же заснул за столом. Ему приснился самый радостный в его жизни сон. Он увидел родной Партград, переименованный в Сусликовград. Город представлял собою гигантскую, розовую и пышущую здоровьем Жопу. На ней золотыми буквами блестел фундаментальный постулат суслизма, ставшего государственной идеологией вместо марксизма: "Жопа первична, голова вторична". Поверх его высился бронзовый бюст Сусликова на гранитном пьедестале. На лысом лбу Сусликова красовалось знаменитое на всю Вселенную русское слово из трех букв, признанное главным словом для всех языков. В центре Жопы зияла черная дыра, через которую на Запад исторгалось все то дерьмо, которое накопилось в Партграде за все годы советской истории. Дерьмо исторгалось с тем самым ускорением, на какое и рассчитывали инициаторы перестройки. А на Западе с наслаждением глотали это дерьмо и прославляли перестройку и ее вдохновителей, -- горбачевых, сусликовых, крутовых, кобытовых, маоцзедунек.

ЭПИЛОГ

В "Интуристе" срочно подготовили путеводитель с призывным названием "Посетите Партград!". В предисловии к путеводителю стояло следующее. "Если вы жаждете не зрелищ и развлечений, а расширить и углубить свои познания о буднях советской жизни и о происходящей в стране перестройке, поезжайте в Партград! Гостеприимные жители Партграда будут рады принять любых западных гостей. Они распахнут перед вами не только двери своих домов, но и души. Знаменитая русская душевность здесь ощущается особенно сильно. Между прочим, русское слово душисть происходит от слова "душа", т. е. имеет ту же основу, что и слово "душевность". И монастырь вам покажут. Иначе зачем же его построили?! Покажут вам и действующие церквушки, не имеющие архитектурной ценности, но зато интересные как пример свободы совести (т. е. вероисповедания) в советском обществе. Хорошо откормленные и образованные попы объяснят вам, что такой свободы религии, как в Партграде, вы не увидите даже в самом Ватикане. И икрой вас накормят. И водкой напоят, -- вы же не советские трудящиеся, а иностранцы. На вас принудительная трезвость не распространяется. Пейте на здоровье, сколько захотите! И расписные ложки, плошки и матрешки специально для вас из Москвы привезут. И с народом поговорить разрешат без всяких ограничений. И даже агенты ЦРУ и других западных секретных служб не будут разоблачаться и арестовываться. Даже наоборот, им будет оказана всяческая помощь в раскрытии всего того, что ранее считалось секретным. Спешите посетить свободный Партград -- маяк перестройки".

В конце 1988 года группа граждан одной западноевропейской страны решила посетить Советский Союз с намерением своими глазами посмотреть, как идет "перестройка", о которой так много говорят во всем мире. Они знали, что в Советском Союзе есть районы, доступ в которые иностранцам запрещен. К числу таких запретных мест относился город Партград. В советском консульстве членов этой группы спросили, где они хотели бы побывать. Они назвали

Партград, будучи уверены в том, что им откажут. Но к их удивлению им разрешили. Они сообщили о полученном разрешении в прессу, что произвело мировую сенсацию. Многие советские эмигранты, сомневавшиеся в серьезности намерений горбачевского руководства, после этого поверили в них, подали прошения о разрешении посетить Советский Союз и начали скупать на барахолках копеечные тряпки с намерением осчастливить ими своих родственников и знакомых на их бывшей родине. Один известный диссидент, в свое время отсидевший в лагере строгого режима около Партграда пять лет и покинувший Советский Союз с намерением до последней капли крови и до последнего вздоха бороться против советского режима, устроил в помещении издаваемого им антисоветского журнала прием в честь членов очередной советской делегации. Преподнеся им букеты цветов, трижды обняв их и облобызав, он со слезами умиления заявил, что горбачевское руководство воплощает в жизнь чаяния диссидентов, и что разрешение западным туристам посетить Партград есть убедительное тому свидетельство.

Первая группа иностранцев провела в Партграде неделю. По возвращении домой они напечатали восторженные статьи о том, что они увидели в Советском Союзе. Просматривая восторженные отзывы иностранцев о перестройке вообще и о Партграде в частности, начальник Партградского областного Управления КГБ товарищ Горбань сказал своему помощнику, что "этих идиотов на Западе надо слегка отрезвить, а то они там совсем перестанут нас бояться".

Мюнхен, 1989г.

А. Зиновьев